А.П. Кутумиков

АРАБСКИЕ БОТАНИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ББК 28.5г
К92
Куприянов А.Н.
К 92 Арабески ботаники.
Художники: О. Помыткина, А. Гребенюк, Л. Лысенко. – Кемерово: Мастерская АЗ, 2003. – 256 с., ил.

Известный сибирский учёный–исследователь взял на себя труд впервые описать переплетение судеб известных людей, так или иначе имеющих отношение к исследованию в XVIII–XIX веках растительного мира на просторах Сибири. В увлекательной форме автор раскрывает перед читателем события жизни великих учёных, выдающихся государственных деятелей и промышленников, их характерные достоинства и недостатки, посвящает в нюансы, порой очень непростых, взаимоотношений. Здесь представлены люди разных профессий, социальных уровней и материального достатка, которых объединяет между собой бесконечная любовь к растениям, которые они изучают, не жалея времени, сил и средств. Книга богато иллюстрирована оригинальными рисунками с изображением персонажей, растений и видов природы, а также картами путешествий.

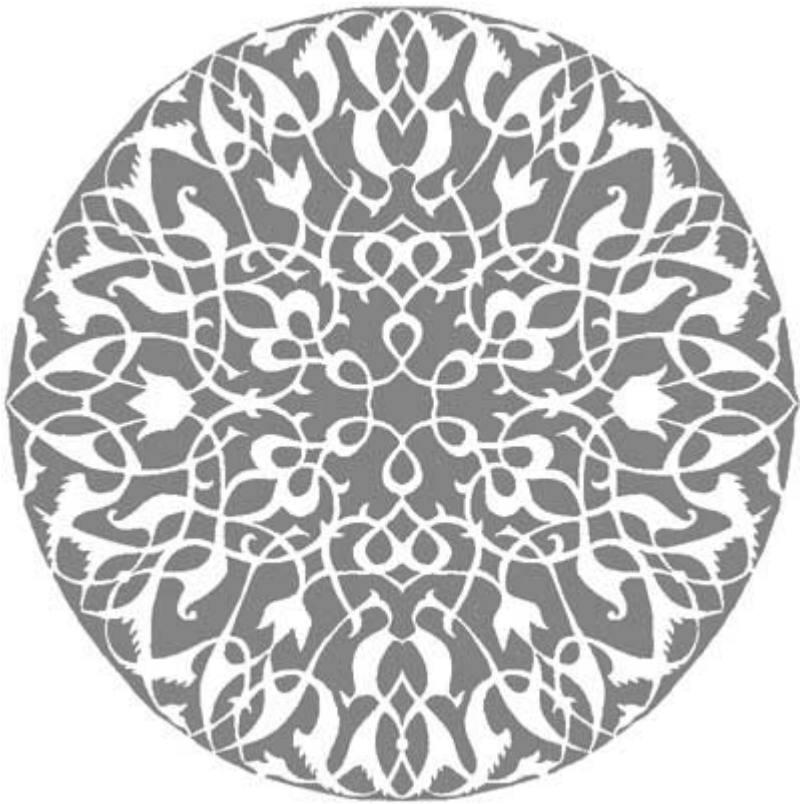
Для книголюбов и всех интересующихся историей развития академической науки, особенно в части ботанических исследований Сибири.

© А.Н. Куприянов. Текст, 2003.
© Мастерская Аз.
Макет, рисунки,2003
ISBN 5085905025808 © ФГУИПП “Кузбасс”, 2003

- АРАБЕСКИ БОТАНИКИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13

АРАБЕСКИ БОТАНИКИ



Эта книга посвящена основоположникам ботаники, которая в России зародилась в начале XVIII столетия. Со времени создания Петром I Петербургской Академии наук стали организовываться экспедиции с целью изучения природных условий дальних районов России, главным образом Сибири и Дальнего Востока. Одной из основных задач этих экспедиций было изыскание растений, представляющих интерес для интродукции. Выбранные растения живыми или их семена отсылались в ботанические сады России. Участниками первых экспедиций были такие выдающиеся ботаники как И.–Г. Гмелин, Г.–В. Стеллер, С.П. Крашенинников и некоторые другие. Они проявляли интерес не только к декоративным растениям, но и всему разнообразию растений, описывали их и зарисовывали.

Что же мы знаем о первых исследователях растительного

мира России, которые заложили основы ботаники, преодолевая часто многочисленные трудности, нередко связанные с опасностью для жизни, и которые заслуживают глубокой благодарности последующих поколений ботаников?

Настоящая книга впервые знакомит читателей с первопроходцами в изучении растительного мира России, детально описаны их путешествия, результаты их деятельности.

«Арабески ботаники» основаны на достоверном фактическом материале, но не ограничивается сухим перечислением фактов. Автором обстоятельно проанализированы закономерные связи в деятельности многочисленных исследователей, что наглядно характеризует первый этап развития ботаники в нашей стране.

Книга представляет большой интерес как для ботаников, так и для всех интересующихся историей развития естественных наук в России.

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор биологических наук, профессор
А.В. Положий

ВВЕДЕНИЕ

Patres botanici vivunt,
opera eornum immortalia sunt.
Отцы ботаники не забыты,
труды их бессмертны

Несколько лет назад мне посчастливилось приобрести замечательную книгу «Цветочный календарь в письмах», принадлежавшую перу мадам де–Шастанэ. Первоначальное издание датировалось 1802 годом. Мой экземпляр был уже, возможно, десятым переизданием этой замечательной книги в 1899 году в Санкт–Петербурге. Меня поразили слова редактора этой книги. Он писал: *«Почти целое столетие отделяет нас от появления "Календаря флоры" на французском языке, и, конечно, это столетие отразилось на развитии ботаники, но прелестные*

страницы труда госпожи Шастанэ не пострадали от него, как не изменилось за это же время и чарующее царство флоры». Чудесные описания растений в этой книге завораживают поэтической романтичностью и ботанической точностью. Я попытался сравнить даты создания этого «ботанического» романа в письмах, и оказалось, что он написан всего лишь спустя полвека после великих нововведений, сделанных в ботанике Карлом Линнеем; с того времени, когда ботаника из груды ботанических описаний внешности растений превратилась в строгую науку. И уже тогда мне захотелось написать популярную книгу, но не о растениях, а о тех, кто их изучает, — о ботаниках.

Ботаника — особая наука. Основа её знаний — гербарий. Линней в 1751 году в своей книге «Философия ботаники» писал: *«Гербарий превыше любого изображения и необходим любому ботанику»*. На земном шаре только цветковых растений около 250 тысяч. Название каждого из них обязательно связано с конкретным гербарным листом, который является типом. Случись потерять тип — растение останется без названия.

Чтобы собрать растения, сотни ботаников отправлялись в далёкие и порой опасные путешествия. Их влекла не нажива, не слава, но надежда найти такое растение, которое ещё не известно науке, составить о нем первое описание и дать ему подходящее название. Каждый гербарный лист не только носитель морфологической, экологической, географической информации — на каждом гербарном листе остается память о коллекторе, о монографе, о каждом ботанике, кто счёл необходимым выразить своё отношение к данному экземпляру. В ботанике, как ни в какой науке, очень важна преемственность знаний, которая должна передаваться от учителя к ученику, поскольку абсолютно точных словесных портретов растения не существует. И эта преемственность наблюдается с тех пор, как появились первые ботаники, и существует по сей день.

Сибирь, занимая около 10 млн км^2, долго оставалась ботаническим эльдорадо. Только в середине XVIII века, спустя полтора столетия после завоевания Сибири Ермаком, учёные ботаники обнаружили, что рядом находится огромная неизученная территория с неизвестными растениями. Ботаническое изучение Сибири совпало с двумя важнейшими событиями. 24 декабря 1725 года была открыта учрежденная Петром I Петербургская академия наук. Другое событие — деятельное освоение Сибири. Первая и особенно вторая

Камчатские экспедиции — одни из самых значимых событий XVIII века. Успех этих предприятий обеспечили первые российские академики Иоганн–Георг Гмелин, Степан Петрович Крашенинников, Георг–Вильгельм Стеллер. Растения, привезённые ими из Сибири, вызывали восхищали европейских ботаников и садоводов.

В известном Комарово, в деревне писателей и учёных под Санкт–Петербургом, я обратил внимание на каменистую горку, которая украшала берег Балтийского моря. На ней красовался бадан, наше обычное сибирское растение, там же, на клумбе, росли сибирские жарки. Сибирь, сама того не замечая, значительно обогатила мировой ассортимент культурных растений, и нам следует всегда помнить имена тех, кто совершил научный подвиг, открывая ботанические сокровища Сибири. В этой книге была сделана попытка отобразить только малую толику ботанических судеб наиболее значимых для ботаники учёных, связанных с Сибирью.

Название для этой книги появилось не совсем случайно. Вообще «арабесками» называют единый причудливый орнамент, который составлен из многочисленных нитей, сливающихся в бесконечный, замысловатый узор. Владимир Даль вкладывает следующее содержание в смысл этого слова: *«лепное или писаное украшение, поясом, каймою из ломаных и кривых узорчатых черт, цветов, листьев и животных»*. Первым это слово в названии книги употребил Николай Васильевич Гоголь. Его «Арабески» вышли в свет в 1835 году и были необычайно популярны. В дальнейшем эта форма широко использовалась в русской литературе XIX века. Наконец, широко известны «Арабески истории», в которой отображён исторический мир увлечений Льва Гумилева путём соединения разнородных материалов, пронизанных идеей исторического развития народов Востока. Ему же принадлежит стихотворный образ, навеянный думами о причинах многочисленных исторических событий: *«Нас всех прядёт судьбы веретено в один узор…»*. Исходя из этого, мной была сделана попытка соединить ниточки судеб великих ботаников в единый непрекращающийся узор. Отдельные части книги были названы не главами, а кругами, обозначая законченность и цельность бесконечно развивающейся ботаники.

Эта книга рассчитана на тех, кто хочет знать историю ботанических путешествий и открытий в Сибири, кто увлекается великой и вечной наукой — ботаникой.

Написание книги было связано с работой в краеведческих музеях Барнаула и Красноярска. Я бесконечно благодарен музейным сотрудникам за бескорыстную помощь материалами, книгами, фотографиями, хранящимися в фондах музеев.

КРУГ ПЕРВЫЙ. ГМЕЛИН, ЛИННЕЙ, ЛОМОНОСОВ

— Сегодня у нас знаменательный день — мы отмечаем два события, — старый Иоганн поправил профессорскую шапочку, которой он чрезвычайно гордился, — день рождения сына нашего Иоганна и день окончания им университета.

Никогда ещё не было такого события в древнем Тюбенгене, чтобы из стен почитаемого во всей Европе университета вышел столь молодой человек. В 1725 году ему исполнилось всего 16 лет. Большинство его товарищей по студенческой скамье давно уже обзавелись не только бородами, но и многочисленными подружками, а у молодого Иоганна только-только пробивались усы, и он стыдливо краснел, когда лукавые служанки бросали на него откровенные взгляды. Старый Иоганн–Георг очень гордился сыном. Сам он был первым в династии, ставшим профессором химии, а уж Иоганн точно станет великим учёным. И для этого были все основания. Великолепная память позволяла Иоганну запоминать всё, что говорили его учителя.

Этому способствовало и то, что физику ему преподавал Георг–Бернхард Бюльфингер (1693–1750), отличавшийся великолепной риторикой и непогрешимой логикой. По воспоминаниям профессора Клюпфеля, он был одним из замечательнейших последователей великого Лейбница. Преподавание его было блестящим. Его лекции благодаря простоте изложения и природному дару видеть в каждом предмете практическую сторону встречали огромный отклик слушателей.

Другой его учитель — ботаник и физиолог Иоганн–Георг Дювернуа (1691–1789) — отличался ясным и твердым взглядом на единство природы, что не очень нравилось богословам и не способствовало его карьере. Но студиозы получали полное

представление о строении живого организма, будь то растение или животное. К сожалению, учителя Иоганна Гмелина не присутствовали на торжественном семейном обеде по случаю окончания университета. Дювернуа и Бюльфингер по протекции графа Головина были приглашены в только что народившуюся Петербургскую Академию наук и стали одними из первых русских академиков.

Впрочем, семейное торжество омрачалось ещё и тем, что места в родном университете для Иоганна не было. Германия едва-едва восстанавливалась после многочисленных и разорительных войн. По совету Бюльфингера ещё совсем молодой Иоганн Гмелин летом 1727 года должен был отправиться в далёкую Россию.

По какой-то небесной случайности именно летом 1727 в глухом уголке северной Швеции ректор гимназии Крон писал характеристику на выпускника своего заведения Карла Линнея (1707—1778). Он был явно недоволен своим учеником: *«Юношество в школах можно уподобить молодым деревьям в питомниках. Изредка случается, что дикая природа дерева, несмотря ни на какие заботы, не поддаётся культуре. Но пересаженное на другую почву, дерево облагораживается и приносит плоды. Только с этой надеждой юноша отпускается в университет, где он, может быть, попадёт в климат, благоприятный для его развития»*.

Недоросль явно не был похож на своих сверстников. Ему не давалась латынь, а без неё невозможен путь в науку. И всё же после окончания гимназии, в 20-летнем возрасте, Линней поступает в университет в небольшом городке Лунд.

В том же году старший Гмелин пишет письмо президенту Петербургской Академии наук Лаврентию Лаврентьевичу Блюментросту (1692–1755), а в качестве подарка вместе с письмом посылает для Кунсткамеры различные окаменелости. «*Сюда, в Петербург, отправляются два молодых человека, из которых один мой сын, а другой — Христиан Готлиб Швентер, родом из Дитфурта в Паппенгейме. Я покорнейше рекомендую их обоих Вашему Превосходительству. Что касается до первого, то я также почтительно приношу Вам благодарность за показанную Вами, по рекомендации господина Бюльфингера, благосклонность к нему и желаю, чтоб Ваше Превосходительство нашло его достойным…*»

С этим письмом и кучей окаменелостей для Академии 30 августа 1727 года Гмелин младший прибыл в Санкт–Петербург. Он приехал за свой счёт, не просил жалованья. Его намерением было служить определяющимся, пока не откроется какая-нибудь вакансия, к чему он мог бы себя употребить. Пока решался вопрос об его утверждении профессором, он получал на расходы по 10 рублей в месяц.

Год этот был знаменателен для Петербургской Академии и другими событиями. За два месяца до Гмелина в Санкт–Петербург по рекомендации Даниила Бернулли, которому самому было 25 лет, прибыл 19-летний Леонард Эйлер (1707–1783). В том же году в Академию прибыл недоучившийся студент Герард–Фридрих Миллер (1705–1783), которому исполнилось 22 года. Впоследствии он станет старшим товарищем Гмелину в многотрудном путешествии по Сибири. Ещё до приезда Гмелина, по предложению президента Академии Блюментроста, 27 июля Эйлер, Гмелин, Крафт и Миллер были рекомендованы на профессорские должности. Случай беспрецедентный для науки всех времен. Старшему Крафту исполнилось 26 лет.

Иоганн–Георг Гмелин (1709–1755)

Три года Гмелин посвятил Кунсткамере и кабинету натуральной истории. В них уже был накоплен огромный фактический материал, который по указу Петра I поступал туда со всего света. Работа была кропотливой и долгой. Гмелин составил каталог минералов, а затем вместе с академиком Амманом приступил к составлению каталога древних окаменелостей, но не окончил: каталог завершил в 1741 году Михайло Ломоносов (1711—1765).

Гмелин приехал в Россию не в лучшие времена. Россия Петра кончилась 28 января 1725 года смертью Императора. Ещё некоторое время сила инерции, память его соратников и воля вдовы Императора Екатерины I совершали необходимые

действия, направленные на собирательство и строительство государства Российского. Но 6 мая 1727 года не стало и Екатерины. Наступила черная полоса царствования Анны Иоанновны.

Петровское детище — Академия — стало ненужным инструментом общества, однако ещё жила, поскольку академики не вмешивались в политику, а их постоянные споры между собой, переходящие нередко в потасовки, веселили властных вельмож. Сумма в 20 тысяч рублей не очень уж обременяла бюджет. Ну и, кроме всего прочего, приглашали не чопорных англичан, не суетливых итальянцев, а всё ж своих, с точки зрения Бирона, — немцев.

Академия, не имея прямого указа, запрещавшего её деятельность, существовала волею Петра. Исполняя его волю, капитан Витус Беринг вместе с лейтенантами Алексеем Чириковым и Мартыном Шпанбергом, в феврале 1725 отправились в 1-ю Камчатскую экспедицию. В краткой инструкции, написанной лично Берингу Петром I, сказано: «*1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. 3. И для того искать, где оная сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений или ежели увидят какой корабль европейский, проведать у него, как оной кюйст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды*». Беринг путешествовал до 1730 года, но благодаря его *письмам в Академию, сведения об огромной территории Сибири и Камчатки доходили до Академии и активно обсуждались. Одно это воодушевляло многих исследователей и помогало переносить тяжести жизни в России. Академик Жозеф–Николай Делиль (1688–1768) 9 января 1729 года писал Блюментросту о необходимости дальнейшего изучения восточных районов России и о значении первого путешествия Витуса Беринга.*

В январе 1732 года Гмелина избирают членом Петербургской Академии в звании профессора химии и натуральной истории.

К этому времени К. Линней прочитал свою первую лекцию в Упсальском университете. На его лекции, по свидетельству самого Линнея, собиралось до 400 студентов, тогда как на лекции настоящего профессора — не более 80. В честь своего первого

наставника по ботанике Рудбека он назвал растение *Rudbeckia.* В послании учителю он писал: «*Она должна сделать имя твоё бессмертным и гласить о нём перед царями и князьями, перед ботанистами и врачами*»[1]. По совету Рудбека в начале 1732 года Линней обратился к Упсальскому научному обществу с проектом путешествия в Лапландию. Согласно проекту, он должен был одолеть 1500 миль, а затраты должны составить всего 400 талеров. 12 мая 1732 года он отправился из Лунда в беспрецедентное одиночное путешествие. По словам самого Линнея, из всей одежды у него были короткий кафтан с воротником из тюленьей кожи, кожаные штаны, парик с косичкой, прочная зеленая шапка и высокие сапоги; из оборудования — мешок из дублёной кожи, на одной стороне которого была связка книг, на другой — одна рубашка, две пары манжет, два ночных колпака, чернильница, ящичек для перьев, микроскоп, пачка бумаги для закладки гербария, сетка от комаров; из оружия — кинжал, охотничье ружьё и трость, на которой были вырезаны меры длины. Путешествие было очень трудным, но тем не менее 10 сентября Линней вернулся в Упсаллу победителем. Он в одиночку совершил это путешествие. Ни обоза, ни тысяч гербарных листов, ни художников, ни конвоя. Всё — в дневниках и в голове. Он тщательно вёл свои наблюдения и делал описания неизвестных растений, страдая от холода и недоедания.

Карл Линей (1707—1778) в возрасте 30 лет в лапландском платье (рисунок с репродукции портрета Гофмана, 1737 г.)

А в России в июне 1732 года Академия получает Указ *«Ея императорского величества самодержицы* », в котором предписывалось Академии послать с капитан–командором Берингом профессора и двух студентов для научных изысканий. Академия рассмотрела Указ Императрицы и быстро подготовили ответ. В пункте 6 записано: «*...профессоры к сему потребны суть: Иван Георгий Гмелин, химии и истории натуральная профессор и Делиль де ля Кройер Людовик, астрономии профессор*. Сих весьма способных быти и сему делу признаваем и не сумнимся, что исполнять по учинённому по их совету, ежели прочие кондиции, особливо до их персон надлежащие, такие с ними поставлены будут, которые бы бедства, труды и трудности, толикого пути». Начался тяжёлый период подготовки к экспедиции. И в этот

момент здесь происходит несколько непонятных вещей. Вместо Гмелина в дальнейшей переписке Академии и Сената участвует Миллер. Сам Миллер пишет об этом *представлялось для меня ни какой возможности. Обер–секретарь Кирилов, которому Беринг передал о том, желал, чтоб я предложил себя в Академии вместо Гмелина. Там не встретилось этому никакого препятствия. 26 февраля 1733 года дело было письмено представлено сенату, а 23 марта оттуда получено было разрешение. Я был этому рад, потому что таким образом избавлялся от неурядицы в Академии и, удалённый от ненависти и вражды, мог наслаждаться покоем, завися только от самого себя*».

Гмелин на это время тактично заболел. Должно быть, и его затрагивали «неурядицы», вызванные подлой политикой И.–Д. Шумахера (1690–1761), секретаря Академии. А возможно, друзьям хотелось попутешествовать вместе, поскольку в дальнейшем никаких трений между ними не случилось. Довольно лукавое признание об этом мы можем найти у Миллера, который в дневнике писал, что Гмелин вылечился, потребляя в большом количестве старое доброе рейнское вино…

По указу Сената за академиками сохранялись место и жалование, дополнительно выдавались «командировочные». Их частью получали из Канцелярии, а частью из Сибирской губернии. Для каждого академика полагался портной, столяр, рисовальщик, чучельщик. Так и вышло, что вместо одного профессора, как того требовал своенравный Беринг, образовалась Великая северная экспедиция, ставшая едва ли не главной экспедицией XVIII века.

8 августа 1733 года научный отряд в составе академиков И.–Г. Гмелина, Г.–Ф. Миллера, Л. де ля Кройера, шести студентов, в числе которых был будущий академик Степан Крашенинников, двух художников, двух охотников, двух минералогов и двенадцати солдат, выехал из Петербурга в неизвестную Сибирь. 3 марта следующего года не спеша они прибыли в Тобольск. Именно здесь были ими собраны первые новые растения и обнаружены не описанные наукой животные.

19 мая 1734 года академики направились вверх по Иртышу, 27 мая они были в Ишиме, 27 июня достигли Омска, затем далее вверх по Иртышу, повторяя путь Ермака. Равнины Западной Сибири с безбрежными ковыльными степями сменились сначала небольшими увалами, а потом и горами. Достигнув станицы

Усть–Каменогорской, академики отправились на Колыванские заводы. Затем — прямиком через невысокие горы — в Кузнецк, куда прибыли 17 сентября. Для молодых людей (Гмелину было в то время 24, а Миллеру 29 лет) дорога была в радость. Миллер в своём дневнике так описывает этот отрезок пути: «*Путешествие по р. Иртышу и после оного перед прочего в Сибири ездою самое приятнейшее было. В то время ещё в первом жару, ибо неспокойствия, недостачи и опастности утрудить нас ещё не могли. Мы заехали в такие страны, которые с натуры своими преимуществами многие другие весьма превосходят, и для нас почти всё, что мы видели новое было. Мы подлино зашли в наполненный цветами ветроград, где по большей части растут незнаемые травы; в звериниец, где мы самых редких азиатских зверей в великом множестве перед собою видели; в кабинет древних языческих кладбищ и там хранящихся разных достопамятных монументов. Словом, мы находились в такой стране, где прежде нас никто не бывал, который бы об этих местах известие сообщить мог. А сей повод к произведению новых испытаний и изобретений в науке служил нам неинако как с крайней приятностью*».

Таким образом, можно судить, что первый год путешествия не принёс разочарования. Ботанические впечатления Гмелина от посещения южной Сибири были так велики и разнообразны, что целое столетие ботаники совершали паломничество по этому маршруту: Омск — Барнаул — Усть–Каменогорск — Колывань. Позднее во «Флоре Сибири» он писал с восхищением: *«Места меж Обью и Иртышом лежащая, и от Железинской крепости на восток и север простирающиеся, состоят из пространных степей, которыя от живущих на оных барабинских татар, Барабинскими называются. Сии степи по большей части ровныя, от частых и больше рыбных озёр болотны, однакож во многих местах жирною землею покрыты, на которых хлеб свободно родиться мог, ежелиб живущим там татарам оной нужен был*». Интересно, что сто лет спустя, в 1829 году, этот путь преодолел великий Александр Гумбольдт, но впечатления у него от Барабинских степей оказались совсем противоположные.

Гмелину принадлежит, наверно, первое описание местности, где впоследствии будет построен Барнаул. Вот как он сам пишет: *«29-го вечером, часа в три, мы снова отправились в путь в сопровождении 20 служивых, приданных нам заводом. Поскольку время года было такое, что можно было ожидать нападения казахских орд, то мы взяли с собой ещё и нашего семипалатинского*

капрала с 15 солдатами в качестве охраны, но лейтенанта и остальных лошадей, которых мы взяли частью из Усть–Каменогорска и частью из Семипалатинска и Ямышевой, мы отпустили. В тот вечер мы проехали не более 18 верст и остановились у небольшого ручейка.

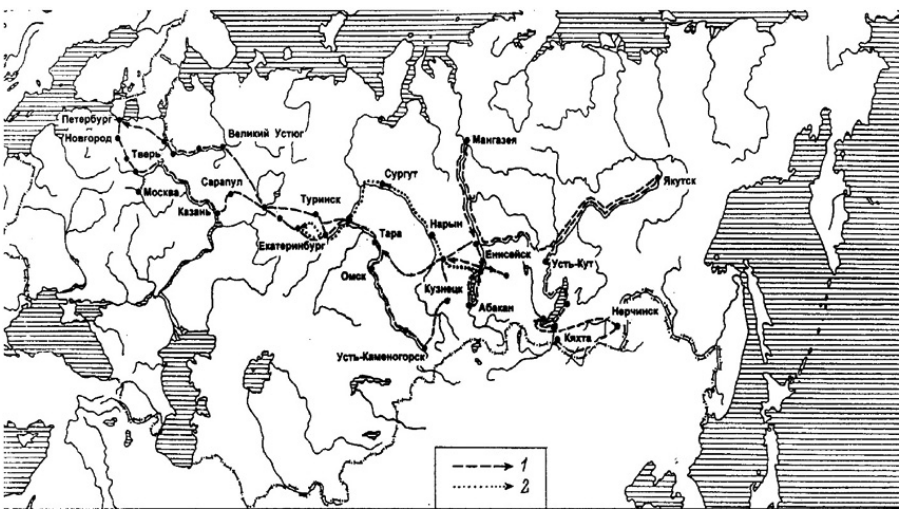
На следующий день в час пополудни мы доехали до речки Локтёвки. В двух верстах от того места, где мы стояли, эта речка впадает в Чарыш, где расположены четыре деревеньки, принадлежащие Акинфию Никитичу Демидову и основанные им ради работы завода. Когда мы этой ночью ехали, нас застал сильный дождь, а поскольку мы проехали уже 20 вёрст, лошади дальше не пошли. Нам пришлось остановиться в сухой степи, где не было ни корма для лошадей, ни сухих дров, ни другой воды, кроме той, что лилась с неба. 31'го утром мы подъехали к речке Алей. Мы нашли здесь уже готовых лошадей на подмену, которые были собраны в одной из вышеупомянутых демидовских деревень. Мы были счастливы, что не видели никаких признаков Казахской орды, так что мы уже не боялись и отпустили здесь семипалатинского капрала с подчинёнными ему 15 служивыми.

Первого сентября утром в 2 часа мы прибыли к небольшому озеру, проехав всю ночь под сильным дождем с грозой. После обеда в 2 часа доехали до речки Барна аул, у которой расположена небольшая демидовская деревня. Недалеко от Барна аула, от истоков и до устья, местность покрыта сосновым лесом, смешанным с березой, называемым Барнаульский бор. Мы остановились у Барна аула до полуночи, а на следующий день в 9 часов доехали до речки Космала и до деревни того же названия.

За несколько вёрст до неё, там, где мы переправлялись через Космалу и ещё немного дальше, стояли несколько небольших деревень, каждая по несколько домов. От первой начинался сосновый лес с примесью березняка, он тянулся вплоть до деревни, где мы остановились, и ещё дальше на несколько вёрст. Я оговариваю это потому, что мы всё лето почти не видели леса. Пообедав, мы поехали дальше и к пяти часам вечера прибыли на р. Обь. Там мы переправились на большой барке, а на той стороне реки, у самого переезда, мы увидели снова демидовскую деревню, куда нас и отвёл начальник заводов, сопровождавший нас до этого места. Расска зывают, что река Обь и теперь ещё довольно широкая, перед ней составляет около 1000 сажен и глубина её не менее 4 сажен, а весной, когда все реки в этой местности разливаются, можно заезжать с большими судами даже и в

деревню, где мы останавливались. Но на протяжении последних десяти лет западный берег, по-видимому, из-за нанесённого песка, стал выше, и река поэтому сузилась. Это одна из самых главных сибирских рек, она имеет свой исток в Монголии. Две реки, из которых она образуется, называются Бия и Катунь. Но реки эти называются Обью не ранее, как с того места, где они сливаются у Бийска или Бикатунской крепости. Начиная оттуда, эта местность населена, на реке много слобод. А сам Бийск — это приграничная крепость против калмыков, которые совершенно разрушили её лет 20 тому назад. Но потом она была восстановлена, и с тех пор нападений не было. Несколько вёрст ниже той деревни, где мы были, расположена слобода, называющаяся Усть–Чумышской, по реке Чумыш, которая там впадает в Обь».

Зима 1734—1735 гг. была суровой, и путешествие значительно усложнилось. 5 января 1735 года в Енисейске Гмелин зафиксировал самую низкую известную в то время науке температуру — 120 градусов ниже нуля по Фаренгейту[2]. Крутое примечание. Очевидно, с его легкой руки Сибирь на три столетия стала страной холода для всей Европы.



Карта путешествий И.–Г. Гмелина и Г.–Ф. Миллера. 1733—1743 гг. 1 — путь Гмелина и Миллера; 2 — путь Миллера при возвращении

Десять долгих лет продолжалось путешествие Гмелина. Его маршрут можно представить по зимовкам: 1735 – Томск, Селенгинск; 1736 – Иркутск, Верхоленск; 1737 – Якутск; 1738 –

Киренск, Иркутск; 1739 – Енисейск; 1740 – Красноярск; 1741 – Томск; 1742 – Тобольск, Туринск. Это беспримерное путешествие было настоящим научным подвигом. Несмотря на то, что часть материала погибла в пожаре в г. Якутске, что Гмелин так и не добрался до океана, собранные материалы были, очевидно, самыми объёмными по количеству и качеству.

Именно на сибирском тракте пересеклись дороги двух великих естествоиспытателей — Гмелина и ещё одного европейского вундеркинда — Стеллера. Они были одногодками, оба родились в 1709 году. Стеллер, пожалуй, был самый талантливый и ботаник, и зоолог, однако драматизм его судьбы заключался в том, что он чуть опоздал, и место во 2-й Камчатской экспедиции было уже занято. Тем не менее, именно Стеллер достиг Тихого океана и сделал там свои великие открытия. Вот только вернуться ему было не суждено: Стеллер безвременно скончался на пути в Москву. Но его история — это уже другая связь, и его судьба ниточкой вплетается в связь времён, не давая ей прерваться. Гмелин возвратится из Сибири в 1743 году будучи уже великим, и как позднее назовёт его Линней, «отцом ботаники».

В 1733 году К. Линней формирует программу всей своей жизни. Е.Г. Бобров приводит выдержку из письма Линнея, в котором он намечает написание книг, определивших развитие ботаники на последующие столетия. Среди них: «Biblioteca Botanica», в которой пересмотрены все ботанические книги; «Philosophia Botanica» — в ней уже тогда были заложены все принципы новой ботаники; «Harmonymia Botanica» — учение о стройности ботанических названий; «Species Plantarum», в которой предполагалось описать все известные растения с использованием бинарной номенклатуры. Всего в перечне 260летнего Линнея было 13 тем, которые он разрабатывал всю свою жизнь.

В 1741 году К. Линней, уже признанный гений, высокоценимый врач и ботаник, первый президент Шведской Академии, возвращается из Стокгольма в Упсалу. После смерти своего учителя Рудбекка, он был избран профессором кафедры ботаники Упсальского университета. Он уже написал свой самый гениальный труд «Система природы» (1735). За предыдущие 10 лет он объехал всю Европу, рекламируя свои идеи. Его мысли о новых принципах систематики обогащены блистательным Германом Бургавом (1668–1738), первым признавший

гениальность молодого шведа. В Голландии он ознакомился с огромными коллекциями живых растений, собранных бургомистром Амстердама Клифортом (1685–1760). Во Франции — с гербарием, собранным Турнефором (1656–1708) в Малой Азии и великолепными коллекциями Трианонского ботанического сада Бернара Жусье (1699–1776) в Париже. В Англии он полемизировал с первыми британскими ботаниками Слоаном (1660–1753) и Диллениусом (1687–1747).

После длительного путешествия Гмелин вернулся в Академию, но оказалось, что его место профессора химии и минералогии уже занято. Его преемником стал Михайло Ломоносов. Новый академик не отличался изысканностью манер и, мягко говоря, недолюбливал большинство своих коллег по Академии, особенно немецкого происхождения. Ко времени приезда Гмелина из Великой Сибирской экспедиции яркий талант Ломоносова уже раскрылся и заблистал всеми гранями. За время отсутствия Гмелина он сделал химическую лабораторию, где проводил опыты и занятия. Уже одного этого дела достаточно, чтобы увидеть, что профессором химии он стал и по призванию, и по праву. Между старым и вновь назначенным профессором химии хорошие отношения установились довольно скоро. Гмелин, уступив кафедру химии, мог *«отъехать в отечество»* со спокойной душою за состояние дел, а Ломоносов ценил Гмелина как специалиста и труженика.

Очевидно, близость отношений с Ломоносовым позволили Гмелину в июле 1747 года обратиться к нему с просьбой о поручительстве, которое состояло в том, что, если он, Гмелин, выехав из России на год, не вернётся к указанному сроку, то Ломоносов вместе с Миллером должны будут выплатить Академии деньги, полученные Гмелином при отъезде в сумме 715 рублей. Дело в том, что ещё с 1744 года Гмелин хлопотал о своём увольнении из Академии наук, объясняя его причины плохим состоянием здоровья, подорванного в Сибирской экспедиции. Хлопоты Гмелина об отставке были безуспешными. 27 января 1747 года истёк срок его контракта, и Гмелин был освобождён от должности профессора химии, ранее уже занятой Ломоносовым. Впрочем, 1 июля того же года Гмелин заключил новый контракт с Академией сроком на пять лет и опять был принят на службу профессором ботаники. В контракте оговаривалось право Гмелина на годичный отпуск, которым он тут же и воспользовался, выехав на время отпуска в свой родной город Тюбинген.

Ломоносов и Миллер в июле 1747 года подписали поручительство за Гмелина, и тот уехал в Германию (на год, как все полагали), взяв с собою материалы, собранные в экспедиции, чтобы продолжить работу над своим фундаментальным трудом «Флора Сибири, или История сибирских растений».

Поручители писали: *«Мы, ниже подписавшиеся, сим ручаемся, что г. доктор Гмелин, по учинённому в Канцелярии Академии наук письменному обещанию, касающемуся до его возвращения и до учёных сочинений, во всём исполнять будет и обещаемся, если он против чаяния поступит или назад не возвратится после поданного ему срока, выданные ему деньги 215 рублей, да половинное жалованье, которое впредь будет произведено будет по контракту за морем, 500 рублей, всего 715 рублей, заплатить и данные ему дела и рисунки поставить паки в Академию без всякого отлагательс*тва, и чтоб оные нигде в свете не были изданы в печати, которым *его, Гмелина, рисунком за его рукою прилагается реестр*».

Однако по истечении отпуска Гмелин в Россию не вернулся, а написал президенту К.Г. Разумовскому письмо, в котором сообщил, что остаётся в Германии и о том, что назначен на должность профессора ботаники Тюбингенского университета. С Ломоносова и Миллера начали удерживать половину их жалованья как с поручителей за Гмелина. К тому же Ломоносов задолжал Академии (так же, как и Миллер) сумму, которой поручился за Гмелина при его отъезде. Она составляла 315 рублей 83 копейки.

В этих обстоятельствах беспокойство Ломоносова вызвано было соображениями не столько материального (хотя это тоже надо иметь в виду), сколько морального порядка. Ломоносов, как уже говорилось, очень высоко ценил научную добросовестность Гмелина и уже по этой причине питал к нему чисто человеческую симпатию. Кроме того, нельзя забывать, что после отъезда академика Делиля Гмелин был, пожалуй, единственным крупным, по-настоящему авторитетным учёным в Академии. К тому же, нарушив новый контракт, Гмелин, хотел он того или нет, наносил моральный урон Академии, а тем самым — и России, как, впрочем, и себе самому. Ломоносов был ошеломлён как патриот, как учёный и просто как человек.

1 октября 1748 года он берётся за перо, чтобы высказать

Гмелину всё, что он думает по поводу случившегося.

«Несмотря на то, что я на Вас должен быть сердит с самого начала, потому что Вы забыли мою немалую к Вам расположенность и не прислали за весь год ни одного письма ко мне, и это, наверное, потому, чтобы я в моём письме–ответе к Вам не смог бы напомнить Вам о Вашем возвращении в Россию, у меня всё же есть причина, которая меня не только заставляет, будучи на Вас в раздражении, писать Вам то, что обычно не пишут людям с чистой совестью. Я воистину не перестаю удивляться тому, как Вы без всякого стыда и совести нарушили Ваши обещания, контракт и клятву и забыли не только благорасположенность, которой Вы пользовались в России, но и, не заботясь о своих собственных интересах, чести и славе и ни в малейшей степени о себе, Вы пришли к мысли об отказе от возвращения в Россию. <…>

Все Ваши отговорки ничего не значат. В Германии человека не держат силой, если это не злодей. Ваши новые обязательства не имеют никакой силы, потому что они имели место после подписанного здесь договора, а Вы России обязаны в сто раз больше, чем Вашему отечеству. Что же касается болезней, то эти Ваши старые сибирские отговорки давненько всем известны… Ещё есть время, всё можно ещё смягчить, и Вы по прибытии будете работать по Вашему договору. Вам предлагается сейчас два пути: один — что Вы без промедления передумаете и вернётесь в Россию честно и, таким образом, избежите своего вечного позора, будете жить в достатке, приобретёте своими работами известность во всём мире и по истечении Вашего договора с честью и деньгами сможете по Вашему желанию вернуться в Ваше отечество.

В противном случае все те, кому ненавистны неблагодарность и неверность, покроют Вас ненавистью и вечными проклятьями. Вас всегда будет мучить совесть, Вы потеряете всю Вашу славу, которую Вы приобрели здесь у нас, и будете жить в конце концов в вечном страхе и бедности, которые будут окружать Вас со всех сторон. Из этих двух возможностей каждый выбрал бы первую, если он не потерял свой разум. Однако же, если Вы серьёзно решили не иметь ни стыда, ни совести и забыть благодеяния со стороны России, Ваше обещание, контракт, клятву и самого себя, то постарайтесь прислать причитающиеся мне 357 рублей и все работы и зарисовки передать профессору Крафту, как только Академия прикажет ему получить их. Это, однако, должно произойти без всякого отлагательства, так как из-за Вас я

вынужден жить в крайней нужде...

Ваш! очень обиженный друг и слуга Михаило Ломоносов».

Гмелин без промедления пишет ответ Ломоносову и возвращает деньги. Несмотря на резкий характер ломоносовского письма, Гмелин не изменил своего дружеского отношения к великому русскому учёному, ибо понимал, что того беспокоили не только деньги, в коих Ломоносов всегда и сильно нуждался, но и престиж Академии, членом которой Гмелин состоял.

Почему Гмелин так стремился из России? Косвенные причины связаны с действительностью российской жизни. В глубинке каждый начальник — «*и цари и бог*». Он мог давать деньги для экспедиции, а мог и не давать, несмотря на царский указ. 19 сентября 1737 года Гмелин писал Корфу: *«Все общие проволочки сибирских канцелярий для нас тяжёлое обстоятельство в этом путешествии. Указы бывают только тогда грозны, когда из этого может быть извлечена выгода для начальника*». Академик де ля Кройер пишет о своей поездке к устью Лены: *«…что касается до меня, то я обязан делать всё, что может содействовать науке и служить к выгоде воеводы*». Время текло медленно, а неустроенность быта и произвол воевод давили постоянно. Любая жалоба в Петербург и обратно путешествовала в лучшем случае полгода. Были и другие трудности. Татищев прислал Гмелину одного ссыльного, умеющего делать плавильные горшки, в которых нуждался Гмелин для плавки руд. Но ему не было отпущено никакого содержания, и платить приходилось Гмелину из своего кармана. Гмелин пишет в письме барону Корфу: *«...мы в страхе от всех ссыльных не ради их злоумышленности, а потому что у них укоренился обычай кричать при всяком случае «слово и дело». Если подобное случилось с кем-либо из наших спутников, то мы принуждены были его лишиться на некоторое время, отчего нашим делам могла быть великая помеха*».

Суть этого заключалась в том, что и кричащего «слово и дело», и против кого воздвигнуто обвинение, должны быть отправлены в Москву для разбирательства, а на это уходило не менее года. Такой прецедент уже был — зимой в Якутске, когда перепившийся помощник живописца Беркана прокричал «слово и дело» против другого живописца. Это лишило экспедицию художников на два года. Да и не понимали, забитые нуждой, русские переселенцы проблем немецкого высокомерного

ботаника. Эта неприязнь к русскому народу у Гмелина осталась навсегда. В дальнейшем в предисловии к первому тому «Флоры Сибири» он добросовестно описал неприглядные стороны российской жизни. Вот уже 250 лет и российские, и советские, и новые российские власти не решаются перевести правдивые, горькие слова Гмелина о России: о пьянстве, разврате, мздоимстве и беззаконии.

Другой же причиной стремления покинуть Россию были академические дрязги. Гмелин, вернувшись из сибирского путешествия в Санкт–Петербург 16 февраля 1743 года, активно стал обрабатывать коллекции и в 1745 году подал прошение об отставке. После этого обострились его отношения с Шумахером, который всячески мешал работе. Вследствие этого конфликта 28 января 1747 года Гмелин был уволен, однако восстановлен в июле того же года.

К тому же здоровье его действительно было подорвано. Он не смог, подобно Миллеру, адаптироваться к российскому обществу. И потом — он добился кафедры в родном университете, что было его потаённой мечтой. Добившись европейской славы, он считал, что заслужил покой и отдых. Ему было уже почти сорок лет, и только вернувшись в Германию, он встретил женщину, которая стала его женой. Это обстоятельство, вероятно, ещё более должно было усугубить его проблему сдержать слово перед своими друзьями и коллегами в России.

По этим, а возможно и по каким-то иным причинам, Гмелин остался в Германии, где продолжал работу с гербарием и другими материалами, привезёнными из Сибири.

В 1754 году у него резко ухудшается здоровье. Он успевает закончить лишь третий том «Флоры Сибири», который будет опубликован только через тринадцать лет под редакцией его племянника, тоже И. Гмелина, и адъюнкта Академии Кельрейтера. Гмелин скончался 20 мая 1755 года. Его гербарий вдова передала в Петербургскую Академию наук и получила за него 600 рублей. Четвёртый том вышел из печати в 1769 году, вслед за третьим. Пятый — в XVIII веке остался неизданным. Гмелин–младший опубликовал из него только несколько новых папоротников. Том считался безвозвратно утерянным и был найден много десятилетий спустя.

В 1754 году членом Петербургской Академии наук

становится Карл Линней. К этому времени его опубликованные ботанико-философские труды — «Философия ботаники» (1751) и «Виды растений» (1753) — произвели переворот в систематике растительного мира. С этого времени начался новый отсчёт времени. Гмелин за ним не успевал. Он был последователем Джона Рея (1628–1705), который первый разделил растения на тайнобрачные (споровые) и явнобрачные (цветковые). Последние он разделил на однодольные и двудольные по количеству семядолей с семени. Это была прогрессивная система живых организмов, из которой впоследствии родилась естественная система Б. Жюсье (1699–1776). Названия растениям Гмелин давал не бинарные: род и вид, как Линней, а полиномные. Но Гмелин и не мог знать новых принципов бинарной номенклатуры. Эти идеи в систематике растений появились, когда он путешествовал по Сибири. Он остался на устаревших позициях систематики, ещё прогрессивных каких-то 10–15 лет назад.

Линней был знаком с великим сибирским гербарием Гмелина. Не исключено, что он знакомился с растениями, получая их непосредственно от промышленников Демидовых: три брата — Григорий, Павел и Пётр — были его учениками. Но это уже другая ниточка, которая вплелась случайно, и тем не менее в чём0то определила развитие сибирской ботаники. Другой его русский ученик — А.М. Карамышев (1744–1791) — приводит 118 растений сибирской флоры, растущих в ботаническом саду Линнея.

Несмотря на идейные расхождения, К. Линней и И. Гмелин находились в постоянной переписке и в каждом письме заверяли друг друга во взаимной дружбе и уважении. В одном из писем 1744 года Линней писал Гмелину, что тот открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе. Всего известно 16 писем Линнея к Гмелину. Текст этих писем показывает, что Линней очень высоко ценил ботанические знания Гмелина. В них он обсуждал с ним вопросы систематики и даже эволюции растений. В одном из писем он пишет следующее: *«Долго читал этой ночью твоё сибирское путешествие. Никто больше не достоин в ботанике, чем ты, проведший среди варваров десять лет из-за флоры»*.

Академик Рупрехт на годичном собрании Академии даёт превосходную характеристику трудов Иоганна Георга Гмелина: *«…крайности холода и зноя, которые в состоянии переносить человек и животные, и которые далеко превышали назначенные*

Бургавом меру, понижение изотермических линий к востоку, никогда не оттаивающая почва в Якутии и на Аргуне, распространение чернозема в Сибири, понижение Каспийского моря, барометрические описания высот, и ещё много других наблюдений и открытий отчасти были впервые отмечены Гмелином. Но здесь мы ограничимся только оценкою единственного ботанического труда Гмелина, его сибирской флоры. Это поистенну классическое творение заключает в себе 1178 растений с приложением 300 чертежей... В его Flora Sibirica мы видим первые шаткие попытки растительности Сибири, основанной на обширной наглядности: граница обыкновенных европейских растений отодвинута до Енисея и уже подмечено сходство азиатских и американских пород...»

Гмелин один из первых открыл растительные богатства Сибири. Вместе с Мессершмидтом, Крашенинниковым и Стеллером он был первым натуралистом Сибири. Двигал ли его в этом долг перед Академией, высокая зарплата, научное честолюбие или свойственное всему человечеству стремление к новым открытиям? Измученный произволом чиновников, трудностью путешествий, он послал прошение о разрешении вернуться в Санкт–Петербург из Сибири ещё в 1738 году. Но, тем не менее, жажда новых открытий была для него превыше всего: *«Мне уже было много радости от новых растений, которые случалось встречать ежедневно, и я, прежде отправки моего прошения, часто помышлял о том, чтобы взять его обратно, потому что при виде нового растения у меня тотчас явилось опасение, что эта радость может быть легко сокращена скорым разрешением моего ходатайства».*

Полынь Гмелина — Artemisia gmelinii Web.

КРУГ ВТОРОЙ. СТЕЛЛЕР, КРАШЕНИННИКОВ, ЛИННЕЙ

Огромная Россия представлялась европейцам XVIII века как *terra incognita* — страна неизвестная, где можно разбогатеть или осуществить самые смелые честолюбивые мечты. Пётр I заложил основы государственной науки. В речи поповоду своего избрания членом Парижской Академии наук он писал: *«Мы ничего больше не желаем, как чтоб через прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привесть»*. И в созданной им

Академии условия для работы приглашаемых учёных были очень неплохие: контракт заключался на пять лет, жалованье составляло 600 рублей, жилье и дрова предоставлялись бесплатно за счёт Академии. Обязанности академиков были несложные: четыре часа в неделю читать публичные лекции, представлять свои рассуждения для членов Академии и дважды в неделю присутствовать на академических собраниях. Кроме того, выполнять поручения связанные с той отраслью науки, которая являлось предметом работы профессора. После пяти лет в случае продления контракта можно надеяться на прибавку жалования до 800 рублей. Во время экспедиции жалование удваивалось. Надо сказать, что первый русский адъюнкт физического класса — М.В. Ломоносов получал только 360 рублей.

В разорённой войнами Европе, профессора известнейшей Французской Академии вообще не получали государственной поддержки, а кормились платой университетов и учеников. Прусская Академия существовала путем продажи календарей и средств от благотворительных мероприятий. Не поэтому ли Бернулли–отец, провожая своих гениальных сыновей в варварскую Московию, давал в дорогу им следующее напутствие: *«...лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают»*.

Другой мотив — это жажда поиска сокровищ. Европейцы многое знали о Великой Татарии, Сибири, Китае. Уже тогда через Московию виделся кратчайший путь в Индию к богатствам Востока. Географический шпионаж процветал и в XVII, и в XVIII веках. В 1671 году сведения в Посольском приказе о дороге из Москвы в Пекин, через переводчика Андрея Виниуса, выкрал курляндец Яков Рейтенфельс. Их он перепродал папской Коллегии в Риме. Рейтенфельс нацеливался на сибирских соболей и другие богатства Сибири.

В 1673 году посол бранденбургского двора Иоахим Скультетус «достал» список отчёта Фёдора Байкова о путешествии в Китай. Секретнейшие карты «Чертёж всей Сибири до Китайского царства и до Никанианского» шведы Эрик Пальмквист и Иоганн Кильбургер вывезли в Стокгольм. Это делалось для того, чтобы умалить значение русских первопроходцев, исказить историческую правду и утверждать, что река Даурская — Амур, прежде принадлежала португальцам. И все они превозносили несметные сибирские богатства. Это привлекало не только

авантюристов, но и естествоиспытателей, которые видели в Сибири новые открытия и возможность удовлетворить своё научное любопытство.

1732 год был обозначен двумя датами важными для российской науки. В немецком городе Галле кандидат богословия Георг–Вильгельм Стеллер (1707–1746) увлёкся наукой ботаникой и всерьёз подумывал о дальних путешествиях. Он ещё не решил — в Америку или в Сибирь. И то и другое было привлекательно и, как знать, может быть и денежно.

В декабре этого же года 22-летний ученик иконоспасской школы Степан Крашенинников (1709–1755) в числе пяти наиболее талантливых и способных к наукам учеников, был отправлен из Москвы в Санкт–Петербург для участия в Великой Камчатской экспедиции. Их пути соприкоснутся только через несколько лет, но нити их судеб уже вплелись в единую прядь. И каждому для осуществления своих надежд предстоял длинный и тернистый путь.

Георг–Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 года в германском городке Виндсхейме (Нижняя Франкония), в семье кантора латинской школы и органиста церкви Святого Килиана, уважаемого Йохачнеса–Якоба Стеллера и Сюзанны Луизы, урождённой Бауманн. Он учился с пяти лет в школе, где преподавал отец и был лучшим среди учеников. Как примерный ученик он поступил в 1729 году в Витенбергский университет и даже был именным стипендиатом магистратуры Виндсхейма. В декабре 1730 года сильный пожар нанёс городу большой урон, и выплата стипендии прекратилась. Одновременно Стеллер начал понимать, что Виттенбергский университет уже не удовлетворяет его тягу к получению новых знаний. После некоторых колебаний он выбрал университет Галле, близ Лейпцига.

Путь Стеллера в Россию был не прост. У него не было знакомых, кто бы рекомендовал его Академии. И он ждал случая.

Летом 1734 года русские войска стояли в Данциге. Анна Иоановна решала здесь польские вопросы, выгоняя избранного польским сеймом короля Станислава и сажая Августа III. Именно здесь молодой врач и естествоиспытатель Стеллер с великолепными рекомендательными письмами от тайного советника Гофмана и профессора ботаники Людольфа и с пустым кошельком искал работу по специальности. Он был уже в

Лейпциге, Йене, Галле, но всё было напрасно. Лучший из лучших выпускников гимназии в местечке Винценгейме, где он поражал мирных бюргеров своей учёностью, не имел диплома профессора и поэтому не мог найти работы. В Витенберге он слушал богословие и упражнялся в риторике. Он был лучшим студентом, но рекомендательные письма мало стоили в Германии.

В Данциге он познакомился с графом Ласси. Это был большой любитель натуральной истории, который высоко оценил способности Стеллера. В Данциге много говорилось о больших успехах немцев не только при дворе русских государей, но и в науках. Бирон, решавший практически все государственные вопросы, помогал своим соплеменникам с большим усердием. И Стеллер решился отправиться в далёкую Россию. Он отыскал в порту судно, перевозившее больных солдат в Россию, и вместе с ними отправился пытать счастья вдали от родного дома.

Степан Крашенинников в это время уже был в пути на Камчатку. Вместе с академиками Гмелиным и Миллером в конце лета 1734 года он прибыл в Кузнецкий городок. Его перу принадлежат описания Колыванских заводов на Алтае. По поручению академиков он в «Дорожном журнале» даёт детально описанное путешествие сделанное во время плавания по реке Томи до Томского городка. Поражает тщательность записей и обилие поселений как русских, так и «инородцев» по берегам Томи. Возможно, именно здесь он отведал «ботаги» от спесивого Миллера, который подчёркивал это, даже когда Крашенинников стал академиком. Здесь он стал первооткрывателем знаменитой теперь «Писаницы» на берегу реки Томи. Он писал: *«Камень с нарисованными фигурами к реке стоит, высота его около 10 сажен… На всех сих местах маралы, олени, лоси, лошади инде люди и рыбы вырезаны»*. В своих дневниковых записях он оставил черты быта теперь уже практически ушедших народов, например, южных алтайцев («тюлиберских татар»). Вот запись, датированная 28 сентябрём 1734 года: *«У сих татар юрты очень худо построены иные наподобие русских изб, а иные из досок зделаны круглые и на подобие башни вверху сведены, и все землёю так осыпаны, что издали никак не можно за юрт признать, двери так малы, что немалому человеку почти полском лесть в них надобно. А полу в них нет, а в середине изделан комель, в котором днём и ночью, зимою и летом огонь безпрестанно кладут…»* Так что, ко времени прибытия Стеллера в Россию, Крашенинников был уже опытным географом и натуралистом.

В Петербурге Стеллера никто не ждал. Денег тоже не было. Розовые мечты, которыми он грёзил в Данциге, рухнули перед серой и безысходной действительностью. В таком настроении он приходил в Академический сад, который был хорош даже по европейским меркам. Именно здесь он познакомился с неким садовником, который обещал ему помочь. Удобный момент выдался довольно скоро, Стеллер был представлен к Феофану Прокоповичу[3] и тот взял его лекарем. Безусловно, в 1734 году Прокопович уже утратил былое влияние, которое он имел при Петре I будучи синодальным вице–президентом, но, тем не менее, его авторитет на тот момент был всё ещё очень велик. Именно он помог Ломоносову попасть в заветный список студентов, отправляемых заграницу для учебы. Прокопович благоволил к наукам, и Стеллер верил, что протекция этого человека поможет продвинуться его научной карьере. Положение лекаря в XVIII веке обязывало знать многие тайны и, очевидно, поэтому они были самыми доверенными людьми своих вельмож[4].

Молодой немец и в самом деле пришёлся по душе отличающегося суровым нравом архиепископу, который относился к нему вполне по-отечески и закрывал глаза на некоторые упущения по службе, вызванные частыми отлучками для изучения флоры в окрестностях Петербурга. В середине XIX века в библиотеке Санкт–Петербургской семинарии был обнаружен автограф шутливого стихотворения Прокоповича на латыни, озаглавленного «In moram Stelleri medici»[5]. Стихотворение повествует, что пока Стеллер ищет целебные травы для больного, тот умирает в страшных мучениях. Покойника уже похоронили, а Стеллера всё нет. Другие больные из последних сил цепляются за жизнь и всячески порицают опаздывающего Стеллера. Наконец тот появляется, разгневанный на Судьбу за то, что она его опередила. Это стихотворение свидетельствует о тёплом отношении Прокоповича к Стеллеру, а кроме того, что Стеллер усердно занимался не только лечением больных, но и собиранием лекарственных трав.

Стеллер встречался со многими влиятельными людьми из Академии, слушал рассказы бывалых людей. Во дворце Феофана он познакомился с молодой вдовой лекаря Петра I Брегиттой Мессершмидт, которая распаляла его воображение рассказами о бесконечной Сибири, где бывал её покойный супруг. Стеллер часами мог слушать захватывающие истории хорошенькой женщины об «ужасах варварской страны».

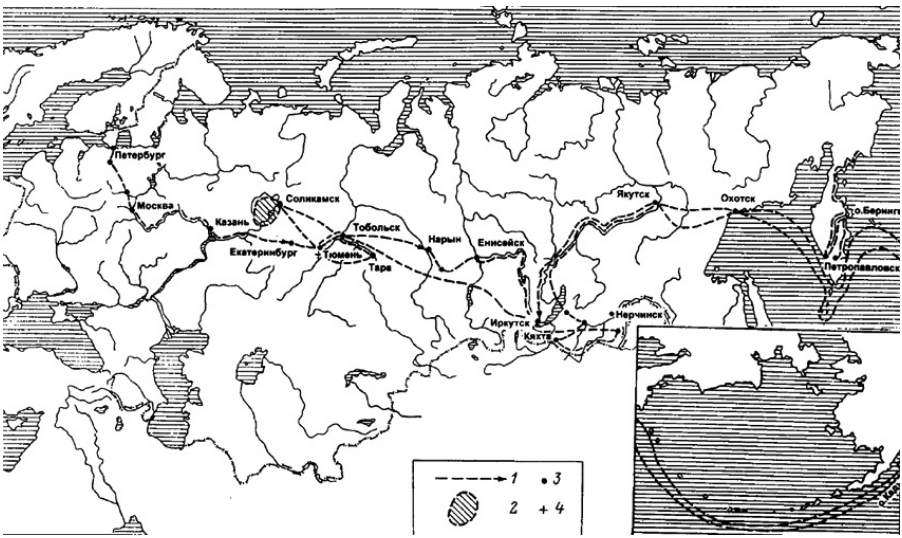
В 1735 году по протекции Феофана Стеллер предстал перед бароном Корфом, который исполнял должность конференц–секретаря Академии. Это решило дальнейшую участь натуралиста. И вот, 28 июля 1736 года Корф известил Шумахера, что *«некто медик по имени Стеллер, бывший у Его Преосвященства Архиепископа Новгородского, высказал желание, чтоб его послали в Камчатку в качестве ботаника, и ему отвечено, что, если не выписан на это место кто другой, то он будет принят вовнимание к рекомендации Архиепископа»*. Несмотря на то, что Императрица Анна Иоановна ещё в 1735 году разрешила послать вдогонку Гмелину, Миллеру и де–ла–Кроеру ещё двух учёных, Шумахер не торопился. Контракт со Стеллером был заключен лишь в феврале 1737 года. Академики после достаточного испытания убедились, что новый адъюнкт натуральной истории достаточно искушён в ботанике и оказался необычайно прилежным в исследовании растений и других предметов естественной истории.

Несмотря на нетерпение новоиспечённого адъюнкта, решение Сената пришлось ждать до августа 1737 года. К тому же амурные дела не позволили Стеллеру сразу же отправиться в путь. Он считал, что его несравненная Брегитта должна, как верная подруга, сопровождать его в этом опасном путешествии. Но, добравшись до Москвы, молодая жена, не вняв никаким мольбам и уговорам, наотрез отказалась ехать дальше. Можно только догадываться, что стало препятствием для Брегитты продолжить путь в Сибирь. Но, скорее всего, те два дня пути стали для изнеженной придворной дамы настоящим испытанием. Вот как описывает дорожные тягости супруга английского посла леди Рондо, путешествующая примерно в то же время: *«Мы выехали пятого марта на санях. Сани похожи на деревянную колыбель и обиты кожей. Вы ложитесь на постель, устланную и покрытую мехами; в санях помещается только один человек, что очень неудобно, так как не с кем поговорить. Мы ехали днём и ночью и прибыли сюда девятого (в Москву). Вы скажете, что я слишком бегло описываю путешествие, но что тут рассказывать? Нашим пристанищем каждый раз служила одна маленькая задымлённая комната, где мы останавливались поменять лошадей и поесть то, что взяли с собой. Люди изо всех сил стараются услужить, но видишь, что человеческая порода настолько унижена, встречаешь таких жалких и несчастных бедняг, что они, кажется, только по виду напоминают человеческие существа»*. Верно, и жена Стеллера, прокатившись из Петербурга до Москвы, и представив дальнейший путь во много раз больший, сочла за благо остаться в столице.

Каким был Стеллер? Скорее всего, при всех его незаурядных достоинствах талантливого натуралиста, он обладал весьма тяжёлым характером. Отправляясь в далёкую экспедицию, 29-летний исследователь был преисполнен важности своего поручения. Но, увы, Стеллер был уже не первым, и это не могло не сказаться на его дальнейшем поведении.

Путешествие проходило неровно. Он долго оставался у Строгановых в Соликамске. А добравшись до Томска, сильно занемог и только лишь в 1739 году 20 января в Енисейске встретился с академиками Гмелиным и Миллером, которые были обрадованы появлением нового сотоварища. К тому времени они работали в Сибири уже шестой год, оба изрядно устали и у них не было желания продолжать экспедицию дальше на Камчатку, а приезд Стеллера давал повод надеяться на успешное выполнение всех задач, поставленных перед академиками. В третьем томе «Путешествий по Сибири» И. Гмелин дал великолепный портрет Стеллера в начале путешествия: *«Мы очень обрадовались, что этот даровитый человек после краткого пребывания здесь, достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело и добровольно сам предложил себя к выполнению его. Если бы мне пришлось совершить это путешествие, то должен откровенно сознаться в том, что обошлось бы гораздо дороже Ея Величеству. Для моих занятий я бы взял с собою более людей, а для них потребовалось бы более продовольствия и, следовательно, значительных издержек на переезд. Могли сколько угодно представлять Стеллеру обо всех чрезвычайных невзгодах, ожидающих его в этих путешествиях, — это служило только большим побуждением к тому трудному предприятию, к которому совершённое им до сих пор путешествие служило только как бы подготовкою. Он вовсе не был обременён платьем. <…> У него был один сосуд для питья и пива, и мёда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Он имел одну посудину, из которой ел, и в которой готовились все его кушанья; причём он не употреблял никакого повара. Он стряпал всё сам и, причём, с такими малыми затеями, что суп, зелень и говядина клались разом в один и тот же горшок и таким образом варились. В рабочей комнате Стеллер очень просто мог переносить чад от стряпни. Ни парика, ни пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак был ему впору. При этом его нисколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он. У него не было печалей, кроме одной, но от неё он хотел отделаться, и, следовательно, она служила ему более*

побуждением предпринимать всё, чтобы только забыть её. Вместе с тем мы приметили, что, несмотря на всю беспорядочность, высказываемую им в образе жизни, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях; так что при этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было нипочём проголодать весь день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки».



Карта путешествий Г.–В. Стеллера. 1738—1746 гг. 1 — путь следования; 2 — территория Пермского края; 3 — города; 4 — место гибели. В правом нижнем углу — схематическое изображение морского вояжа к острову Кадьяк.

По сути, это всё, что мы объективно знаем о Стеллере. Как адъюнкт Академии он получал 600 рублей и столько же командировочных (вспомним, что Ломоносов в той же дол жности получал только 360 рублей, а студент Степан Крашенинников, проводивший исследования на Камчатке, итого меньше — всего 100). Но у Стеллера была молодая жена, на содержание которой уходила большая часть жалования. Отсюда, возможно, его непритязательность в жизни и поиск приключений и опасностей как способ добывания и экономии средств. Похоже, семейные дела были его единственной печалью, о которой писал Гмелин.

Гмелин и Миллер дали задание Стеллеру обследовать вместе со студентом Крашенинниковым Камчатку. Последний находился там уже два года — летом 1737 года, после трёхлетней

совместной работы с Гмелином, он отделился в Якутске от ближайших участников экспедиции и самостоятельно отправился на Камчатку.

Стеллер отбыл в Иркутск 5 марта 1739 года; 23 марта прибыл на место, где предпринял несколько поездок по озеру Байкал и реке Витим. Кроме того, им было предпринято путешествие в Кяхту за китайской бумагой, необходимой для закладки собранных растений в гербарий. Всё это он делал по собственному почину и сообщал о своих планах напрямую в Санкт–Петербург. Стеллер мнил себя самостоятельным посланником Академии, и считал ниже своего достоинства подчинятся длинным инструкциям чопорного Гмелина. Тот же полагал, что адъюнкт Стеллер лишь немногим выше по положению, чем студенты, но много ниже «благородных профессоров». Неудивительно, что вскоре мнение *Гмелина о Стеллере изменяется к худшему, и в дальнейшем согласия между ними никогда уже не будет.*

В апреле 1740 года Стеллер уговорился с капитаном Шпангербергом отправиться к берегам Японии. Он тут же посылает донесение Сенату об увеличении жалования до академического себе и живописцу Беркану, в связи с тем, что предстоят большие трудности. В этом же донесении он указывает, что деньги нужны так же для поддержки студентов Крашенинникова и Горланова, которые проводили самостоятельные исследования. Он всячески демонстрирует свою значимость: *«Степан Крашенинников и Александр Горланов, как оные из С.–Петербурга отправлялись, то были в молодых летах и малы[6], а ныне находятся в совершенном возрасте, и из определённого им жалования 100 рублей провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил из моих собственных денег взаём».*

Ничего не известно из того, как складывались отношения Крашенинникова и Стеллера. Согласно предписания Гмелина и Миллера, Крашенинников должен был включиться в команду Стеллера и передать все свои материалы, собранные на Камчатке. Так оно и произошло, и в дальнейшем Стеллер широко использовал данные, полученные от Крашенинникова. С другой стороны и Крашенинников использовал материалы по флоре и фауне Камчатки в своей работе «Описание земли Камчатской».

Заносчивость Стеллера становилась помехой делу изучения громадной территории. Везде он видел соперников своих

открытий, завистников своей ещё не пришедшей славы. Он начинает сочинять секретные проекты для Сената по улучшению правления на Камчатке, заключающиеся в постройке новых острогов, а священному Синоду предлагает легчайшие способы обращения камчадалов в христианскую веру. Вероятно, таким способом он пытался укрепить свой авторитет в экспедиции и стать равным партнером академикам.

Осенью 1741 года произошло ещё несколько значительных событий для ботанической науки. Великий Линней 25 сентября читает свою первую лекцию в родном Упсальском университете. Крашенинников закончил свои труды на Камчатке и в сентябре того же года в Якутске обвенчался с дочерью местного воеводы. А в Берлине в семье военного хирурга Симона Палласа 22 сентября родился ребенок, судьба которого навечно будет связана с судьбою российской ботаники, — Пётр Симон Паллас. Стеллер же совершит осенью 1741 года своё предначертание — путешествие к берегам русской Америки.

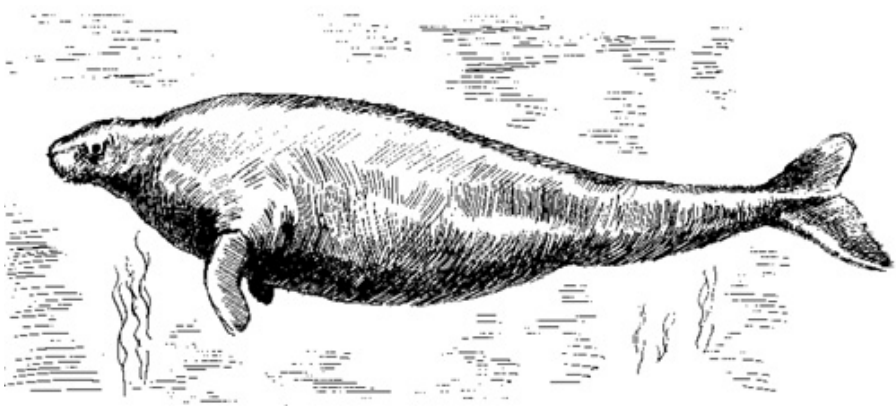
По вызову капитана Беринга Стеллер прибывает в Петропавловскую гавань для участия в морском путешествии. Он остался очень недоволен приёмом, оказанным ему капитаном и старшими офицерами. Витус Беринг, капитан петровской эпохи, был очень жёстким человеком. Он совсем не соответствует тому известнейшему изображению, которое можно найти в любом учебнике географии. Как оказалось, то был портрет его дяди — мирного литератора.

Для Беринга Стеллер представлял совершенно ненужную обузу. В свою очередь, Стеллер тут же написал жалобу в Сенат. Он писал с обидой, что его приняли не так, как положено его сану, что ни к каким советам Беринг не прислушивается. Тем не менее 4 июня 1741 года свершилось событие, о котором естествоиспытатели всей Европы мечтали весь XVIII век: на пакетботе «Святой Пётр» натуралист отправился к берегам ещё не известных земель. Однако Стеллеру было нелегко проводить свои пионерные исследования, на ходясь на борту судна, управляемого Берингом. Только посредством жалоб, угроз, скандалов ему удаётся — и то лишь несколько часов! — поработать на острове Каяк. Да и всё собранное вскоре погибло в кораблекрушении, случившемся 5 ноября 1741 года среди неизвестных тогда Алеутских островов. Чудом спасшиеся моряки во главе со своим капитаном и вместе с ними странный собиратель трав и жуков вынуждены были вступить в борьбу с суровой природой

неведомой земли. Не все из них выдержали тяжкие испытания во время зимовки на островах. Это плавание оказалось последним и для капитана Витуса Беринга.

Однако Стеллер, давно привыкший к спартанской жизни, все тяготы островной жизни переносил на удивление легко. Он был и лекарем, и поваром, и казалось, был даже рад, хотя и не совсем удобному случаю, проводить свои научные наблюдения. Здесь же он написал исследование по животному миру этого края.

Божьим даром для них была капустница или, как её в дальнейшем назовут, «стеллерова корова», которую из натуралистов живьём видел только Стеллер . Стада крупных животных в изобилии встречались в прибрежных зарослях морских водорослей и совершенно не пугались людей, поэтому охотиться на них можно было без особого труда. *«В любое время года этих животных можно найти повсюду вокруг острова в таком количестве, что всё побережье Камчатки могло бы постоянно щедро снабжать себя их жиром и мясом».* Возможно, эти слова Стеллера способствовали тому, что уже через 27 лет здесь же, на острове Беринга, был истреблён последний экземпляр этого уникального животного.



Морская, или стеллерова корова (Rhitina stelleri). Истреблена в конце XVIII века.

Надежды на то, что команду Беринга вызволят с необитаемого острова, не было никакой, и весной 1742 года, построив из остатков старого судна новый пакетбот, путешественники вернулись на Камчатку, где их считали давно погибшими.

Беринг Витус (1681–1741). Рисунок по пластической реконструкции внешности по черепу. Автор — проф. В.В. Звягин.

Портрет, долгое время приписываемый В. Берингу, на самом деле принадлежащий его родственнику литератору.

Могила Витуса Беринга.

Трудно представить, но даже из этого путешествия Стеллер привёз свой гербарий. Вернувшись на Камчатку, он совершил ряд путешествий и собрал большой фактический материал. 3 августа 1744 года он отправляет 16 ящиков с различными предметами натуральной истории. При этом отдаёт распоряжение опечатать и не вскрывать ящики до самого Петербурга. Именно в это время отношения между Стеллером и академиками достигают наибольшего напряжения. Печати ему не поставили, а в Иркутске академики вскрыли ящики и препроводили багаж уже от своего имени. Взаимопонимания с Крашенинниковым тоже не получилось. Стеллер в категорической форме потребовал сдать ему все материалы по Камчатке, которые Степан старательно добывал в течение четырёх лет.

Крашенинников имел больше опыта, чем Стеллер, он был плоть от плоти русского народа и не только обладал знаниями натуралиста, но и знанием обычаев, сложившихся на Камчатке. В этом отношении Стеллер явно уступал коллеге, и его категоричность не могла способствовать поддержанию добрых отношений. По некоторым вопросам суждения Стеллера были, мягко говоря, некомпетентны. Чего стоит, например, совет, который он давал якутской администрации, что русские на Камчатке могут совсем обойтись без хлеба, питаясь только

местной рыбой, а также корнем сараны (строго говоря, луковицами). И что это можно быстро ввести в обиход без угрозы для здоровья. При этом он ссылается на собственный опыт, мол, сам он *«от употребления по тамошнему обыкновению корму никакой скуки для себя не имел»*.

Стеллер много ездил по Камчатскому краю, посещал многие остроги и, имея горячий характер, не раз пытался облегчить участь местного населения, которое опаивалось и обкрадывалось русскими чиновниками и купцами. В частности он давал показания против мичмана Хметевского, отличавшегося большой жестокостью к камчадалам. В ответ мичман тоже слал доносы на Стеллера. Он обвинял его в том, что тот самолично отпустил из Большерецкого острога камчадалов, якобы зачинщиков бунта против русских. Стеллер давал свои разъяснения в Иркутской канцелярии в конце 1745 года, и они были признаны достаточными. Но курьёзы российской бюрократии привели к тому, что Сенат, не получив необходимых бумаг из Иркутска, назначает новое расследование. В результате чего Стеллера, уже на пути в Санкт–Петербург, 25 марта 1746 по указу Сената от 1744 года из Соликамска под конвоем сопровождают обратно в Иркутск. Расстояние даже по нынешним временам нешуточное, а в XVIII веке переезд мог растянуться на месяцы. Можно представить себе состояние Стеллера, которому не терпелось поведать миру о своих великих открытиях, почувствовать себя равным среди академиков, насладиться славой и почётом. А вместо признания, заслуженного самоотверженным трудом и смертельным риском, его как преступника таскают по бескрайним просторам Сибири.

В то время как сенатский курьер Захар Лупандин вёз подследственного в Иркутск, в Сенат дошли документы иркутской канцелярии, свидетельствующие о невиновности Стеллера. Вновь снаряжённый курьер догнал Стеллера в Таре. Можно было возвращаться назад в Санкт–Петербург, где его ждала — или, может, уже не ждала — молодая жена. Но на обратном пути 12 ноября 1746 года в Тюмени Стеллер скончался от горячки.

Мы не можем уверенно сказать, от чего же умер талантливый, но не реализовавшийся естествоиспытатель? Его первый биограф, некий Шерер, выдвинул версию, что его, пьяного, ямщики забыли в санях, где он и замёрз. Но эта версия не оправдана, поскольку Стеллер перед смертью успел распорядиться своим имуществом.

Да и памятуя характеристику Гмелина, вряд ли убедительно такое объяснение. Было ли это воспаление легких, которое нетрудно было получить, путешествуя поздней осенью, или, может, он не оправился от обвинений и оправданий, и его хватил «нервный удар»? На какой ямщицкой станции закрыли ему глаза? Всё это тоже тайна.

Несмотря на трудности пути, горячность характера и некоторую неакадемическую несдержанность и заносчивость, сделал Стеллер немало. Благодаря стеллеровой корове, его чаще всего вспоминают как зоолога, но прежде всего, он был ботаником. Только вот занятия ботаникой были в то время очень затратными. Бумаги не было, поэтому и везли растения как придётся — или семенами, или живыми экземплярами.

В последнем донесении в сенат Стеллер с горечью докладывал: *«Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал на дороге, растаяли, и я весною принуждён был их либо всё выбросить, либо в Соликамске оставить*».

Действительно, в Соликамске, в ботаническом саду Демидова прижились 80 наиболее ценных экзотов. После смерти Стеллера Григорий Демидов позаботился о его коллекции.

Собранные растения Стеллер отправил в Упсалу к Линнею с просьбой определить их и прислать ему список. Таким образом, в последний момент осуществилась связь двух великих учёных–натуралистов XVIII века. О том, что Стеллер был изрядным ботаником, говорит реестр его рукописей, в числе которых «Флора Перми с описанием многих трав», «Дополнение к флоре р. Лены доктора Гмелина», «Флора иркутская» на 90 листах, «Описание трав, растущих между Якутском и Охотском», «Описание и реестр камчатским травам» и так далее.

Так оборвалась яркая, но короткая ниточка ботанической судьбы одного из самых таинственных и вместе с тем ярких натуралистов России. Но не прервалась великая связь судеб. В это время в покорённой Россией Финляндии девятилетний Эрик Лаксман получал первые уроки ботаники. Он ещё не знал о том, что ему суждено стать *«славным господином профессором»* и сам Линней будет писать ему в далёкий Барнаул длинные письма с просьбой прислать ему немного сибирских растений.

Портрет, приписываемый Г.–В. Стеллеру (1709–1746)

Криптограмма Стеллера — Cryptogramma stelleri (S.G. Gmel.) Prantl

КРУГ ТРЕТИЙ. КРАШЕНИННИКОВ, ЛИННЕЙ

К Степану Крашенинникову судьба была более благосклонна. Он вернулся из 2-й Камчатской экспедиции, которая унесла жизни Беринга и Стеллера. Но вся его жизнь и научная карьера были тяжёлой борьбой с обстоятельствами. Кто бы мог подумать, что сын солдата Преображенского полка дорастет до звания академика. Одному Богу известно, чего ему это стоило. Русская нация, уже давшая миру «Слово о полку Игореве», великих полководцев и мыслителей, осталась в XVIII веке без языка. В то время западно-европейская культура приватизировала право на научно-технический прогресс. Мировая наука требовала латыни или хотя бы знания немецкого языка. Острому пытливому

русскому уму противостояла тяжеловесная схоластика и метафизическая ограниченность европейского мышления. Уже тогда закладывалось противостояние между Западом и Востоком, уже тогда делалась попытка «одурачивания» и «онемечивания» русской науки, свободного русского мышления, принижения открытий, сделанных русскими учёными.

Двести лет в русской науке главенствовали иностранцы и большинство из них не испытывало к России ни малейшей любви, а тех, которые служили честно, было мало. Их так же, как Гмелина, тянуло на родину. Объяснение засилья иностранцев в Академии историки видят в *«благородной деятельности»* нерусских царей. Дескать, Романовы из самых лучших побуждений *«призвали на Русь»* просвещённых немцев и голландцев, дабы с их помощью вытащить страну из мрачного болота отсталости, косности и невежества. Среди учёных, приглашённых из Западной Европы, были действительно выдающиеся мыслители, к примеру гениальный математик Леонард Эйлер, который, кстати, очень быстро уехал из России. Однако при этом обычно обходят молчанием тот факт, что все члены Петербургской Академии наук до 1742 года — сплошь иностранцы, за исключением лишь одного — Василия Евдокимовича Адодурова, избранного в Академию в 1733 году.

Достаточно посмотреть перечень академиков «просвещённого» XVIII века, чтобы убедиться, что русским в Петербурской Академии не было места. Иностранцы, и только иностранцы представляли науку в России. И как же обидно видеть в одной колонке малообразованного, бывшего истопника графа К.Г. Разумовского — Теплова и гордость русской науки М.В. Ломоносова.

1725 год:

1) Герман Якоб (Hermann Jacob) — первый академик Петербургской Академии наук,

2) Мартини Христиан (Martini Christian),

3) Коль Иоганн–Петр (Kohl Johann–Peter),

4) Бюльфингер Георг–Бернхард (Bulfinger Georg–Bernhard),

5) Гросс Христофор (Gross Christian Friedrich),

6) Майер Фридрих Христофор (Mayer Friedrich Christoph),

7) Бернулли Даниил (Bernoulli Daniel),

8) Делиль Жозеф–Никола (Delile Joseph–Nikolas),

9) **Буксбаум Иоганн–Христиан (Buxbaum Johann–Christian)**, ботаник,

10) Гольдбах Христиан (Goldbach Christian),
11) Бюргер Михаил (Burger Michael),
12) Бернулли Николай (Bernoulli Nicolas),
13) Дювернуа Иоганн–Георг (Du Vernoi или Duvernoy Johann–Georg),
14) Миллер Фёдор Иванович (Muller Gerard–Friedrich),
15) Байер Готлиб–Зигфрид–Теофил (Bayer Gottlieb–Siegfried–Teophil),
16) Беккенштейн Иоганн–Симон (Beckenstein Johann–Simon),
17) Вейтбрехт Иосия (Weitbrecht Iosias),

1726 год:
18) Лейтман Иоганн–Георг (Leutmann Johann–Georg),
19) Эйлер Леонард (Euler Leonhard),

1727 год:
20) Делиль де ля Кройер Луи (Delile de la Croyere Louis),
21) Крафт Георг–Вольфганг (Kraft Georg–Wolfgang),
22) **Гмелин Иоганн–Георг (Gmelin Johann–Georg)**, ботаник,

1731 год:
23) Винсгейм Христиан–Никола фон (Winsheim Christian–Nicolas von),
24) Юнкер Готлоб–Фридрих–Вильгельм (Juncker Gottlob–Friedrich–Wilhelm),

1732 год:
25) Фишер Иоганн–Эберхард (Fischer Johann–Eberhard),
26) Крамер Адольф–Бернхард (Cramer Adolf–Bernhard),

1734 год:
27) **Амман Иоганн (Amman Johann)**, ботаник,
28) Лоттер Иоганн–Георг (Lotter Johann–Georg),
29) Адодуров Василий Евдокимович,

1735 год:
30) Штелин Яков Яковлевич (Stahlin Jacob),
31) Леруа Пьер–Людовик (Le Roy Pierre–Louis),

1736 год:
32) Мула Фредерик (Moulac Frederic),
33) Вильде Иоганн–Христиан (Wilde Johann–Christian),
34) Либерт или Либертус Иоганн–Христофор (Libert или Liebertus Johann–Christophor),

35) Гейнзиус Готфрид (Heinsius Gottfried),
36) Геллерт Христиан–Эреготт (Gellert Christian–Ehregott),
37) Мерлинг Георг (Moerling или Morling Georg),
38) Мигинд Франциск (Mygind Franciscus),
39) Малярд Михаил Андреевич,

1737 год:
40) **Стеллер Георг–Вильгельм (Steller Georg–Wilhelm)**, ботаник,
41) Брем или Брэме Иоганн–Фридрих (Brehm или Brehme Johann–Friedrich),

1738 год:
42) Тауберт Иван Иванович или Иоганн Каспар (Taubert Johann Caspar),
43) Штрубе де Пирмонт Фридрих–Генрих (Strube de Piermont Freidrich–Heinrich),

1740 год:
44) Крузиус Христиан–Готфрид (Crusius Christian–Gottfried),
45) Рихман Георг–Вильгельм (Richmann Georg–Wilhelm),

1742 год:
46) Теплов Григорий Николаевич,
47) Ломоносов Михаил Васильевич,
48) **Сигезбек Иоганн–Георг (Siegesbeck Johann–Georg)**, ботаник,
49) Трускотт Иван Фомич или Иоганн (Truscott Johann),

1745 год:
50) **Крашенинников Степан Петрович**, ботаник,
51) Тредиаковский Василий Кириллович.

С.П. Крашенинников (1713–1755)

Вряд ли иностранцам было выгодно учить русских «студентов». И очень горько, что из тридцати молодых людей, отобранных для 2-й Камчатской экспедиции, в науке прижился только Степан Крашенинников, который сам, без помощи профессоров Академии, изучил огромные пространства Сибири и Камчатки. А остальные 29 молодых талантов сгинули, не найдя поддержки и места под небом науки. Ни у кого из «просвещённых» академиков не осталось русских учеников, которые могли бы продолжать научные исследования своих учителей. Здесь и в самом деле в пору задуматься об интеллектуальном порабощении России, которое продолжалось почти 200 лет.

С.П. Крашенинников известен больше как географ, и наибольшую известность получила его книга «Описание земли Камчатки», где не столь много места отводится ботанике. В этой книге есть лишь одна небольшая глава о хозяйственно полезных растениях Камчатки, названная автором на громоздком научном языке того времени: *«О произрастающих, особливо которые до содержания тамошних народов касаются»*[7]. Здесь охарактеризованы 34 вида растений, находивших применение в быту местного населения.

Этим, конечно, не исчерпывались ботанические наблюдения Крашенинникова. Он собирал на Камчатке семена местных растений и гербаризировал их. Но отсутствие средств не позволяло ему проводить полноценные ботанические сборы. Неизвестно, сколько материалов, собранных студентом Крашенинниковым, стало достоянием *«благородных господ профессоров»*. Да и впоследствии неоднократно делались попытки оспорить его авторство и опорочить его научное имя.

Ботанический сад при Сигезбеке

В 1743 году С.П. Крашенинников после десятилетних странствий вернулся в Санкт–Петербург. За время путешествия он сблизился с Гмелином, и последний действительно много помогал Крашенинникову стать хорошим ботаником. Это, пожалуй, единственное исключение из правил поведения академиков–иностранцев.

В это время Ботаническим садом Академии заведовал Иоганн–Георг Сигезбек (1685–1755). Он прибыл в Россию уже после отъезда экспедиции в 1735 году, работал медиком в приморском госпитале и одновременно заведовал Аптекарским огородом. Это был неплохой медик и садовод. Аптекарский огород под его руководством стал поставщиком лекарственных трав для всех аптек города. Вместе с тем он - откровенный ханжа, стоял на ортодоксальных позициях в биологии.

Линней открыл, что у растений есть мужские цветки с тычинками и женские — с пестиками. Сигезбек написал пасквильный трактат на это открытие Линнея, считая, что определение пола у растений — занятие крайне непристойное и

постыдное. Но его пасквиль не достиг цели. Академия наук, напротив, высоко оценила заслуги Линнея: именно за это научное открытие она выбрала его своим почётным членом.

Несмотря на это, Шумахер подписал прошение об определении Сигезбека академиком ботаники на место умершего академика Аммана. Шаг этот даже для того времени был неожиданным. Скандальный и склочный характер при небольших способностях к ботанике нового академика были всем хорошо известны. За этим назначением явно просматривалась дворцовая интрига.

В те смутные времена в Российской Империи многое решалось вопреки здравому смыслу. Правили временщики, которые старались везде насадить «своих немцев».

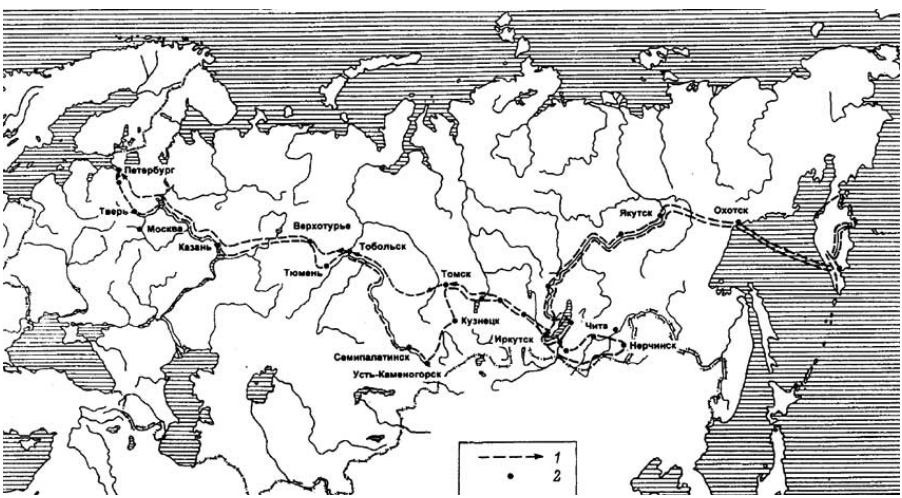
Сигезбек уже через несколько месяцев после возвращения Гмелина подал на него жалобу. Может быть, через двести пятьдесят лет и не стоит вдаваться в детали тех дрязг, но человеческих отношениях ничего не меняется. Низость и подлость, подкреплённая «мохнатой лапой», к сожалению, всегда имеет преимущества. Сигезбек писал: *«Когда г. Гмелин, химии натуральный профессор, прибыл из Сибири, то долго, будучи в отлучке и совсем отвыкнув чрез различные перемены и даже обычаи от академических постановлений, стал вмешиваться в дела ботанической профессии, а меня как профессора ботаники и начальника ботанического сада, обижал, беспокоил и часто возбуждал бесполезные столкновения…»*. В конце этой жалобы он находил, что поведение Гмелина тем непристойно, что Гмелин был новичком в ботанике, а он, Сигезбек, старый профессор, преподавал эту науку, когда Гмелин был ещё ребёнком. Именно это обстоятельство вынудило Гмелина создать возле дома свой маленький садик и в нём изучать привезённые растения.

Однако мерилом и судьёй человеческих отношений может быть только время. Именем Гмелина названы десятки видов растений. А именем *Sigesbeckia* Карл Линней назвал одну из самых уродливых колючек из семейства астровых.

И вот у такого академика заканчивал своё студенчество Крашенинников. Степан Петрович всегда был крайне беден. Жить на сто рублей с женой и шестью детьми было невозможно и в то далёкое время, поэтому он часто хлопотал перед Академией о материальной помощи. Известно, что в 1745 году на

академическом заседании, незадолго до того, как Крашенинникову дали звание адъюнкта, Сигезбек сделал выговор ему за то, что тот без его ведома принял дрова и деньги от Академии. Много крови выпил Сигезбек из Крашенинникова, пока новый президент Академии К.Г. Разумовский не уволил сварливого академика в 1747 году. Резолюция графа была категорична: *«Отрешить от Академии Сигезбека»*, на том основании, что *«...адъюнктом Крашенинниковым пробавиться можно <…>, да и нужды в ботанической науке при Академии такой нет, чтоб профессора на столь великом иждивении за одну только ботанику содержать...»* Следует порадоваться за Крашенинникова: его нить судьбы прочно вплелась в орнамент ботаники. Однако обидно за столь пренебрежительное отношение к науке ботанике со стороны государственного мужа.

На место Сигезбека был формально назначен Гмелин, получивший отпуск на родину, откуда он в Россию уже не вернулся.



Карта путешествия С.П. Крашенинникова 1733–1742 гг. 1 — путь следования, 2 — города.

Ботанический сад при Крашенинникове

Только с уходом Сигезбека Крашенинников смог самостоятельно и в полном объёме заниматься ботаникой. Более всего он, по-видимому, был занят описанием и выращиванием сибирских растений из семян, доставленных из путешествия. Растения выращивались и в Академическом саду на Васильевском острове, и в Аптекарском огороде на Аптекарском острове, и в собственном саду Гмелина.

Академический сад в этот период фактически возглавлял Крашенинников. Ему более всего досаждали хозяйственные заботы, с которыми не могли справиться предшественники. Отсутствие настоящих теплиц, протекающие крыши «ботанического дома» и валившийся забор — всё это было хроническим при крайней ограниченности средств, отпускаемых академической Канцелярией. Так и не добившись постройки сносной оранжереи, Крашенинников испросил у Академии разрешения снять оранжерею расположенного поблизости Шляхетского корпуса в саду Меньшикова дворца.

Здесь Крашенинников вёл обычную в те времена работу, расширяя коллекцию выращиваемых растений и составляя разного рода каталоги: «Генеральный индекс», «Каталог тепличных растений» и ежегодный «Перечень семян». Всё это делалось вполне на уровне европейских садов, хотя и в сравнительно более скромном масштабе.

Ко времени работы Крашенинникова в саду относится напечатанная им в «Комментариях Академии» в 1750 г. без подписи статья «Описание редких растений». Статья сопровождалась хорошими рисунками и по превосходному описанию растений, несомненно, была выше обычных в то время работ подобного типа. Были описаны в ней растения коллекции Стеллера, привезённые с Камчатки и Аляски, коллекции Гобиля — из Пекина, Гербера — с Дона. Описанные растения происходили из столь различных и отдалённых местностей, что это характеризует достаточно высокий уровень автора.

После того как Крашенинников возглавил ботанический сад, научная работа в нем значительно улучшилась. Он внёс в Академию проект об изучении растительности России. Он просил Канцелярию организовать сборы семян во всех губерниях страны. Сборщикам Крашенинников рекомендовал обращать внимание на местонахождение растений, сообщать сведения о времени сбора семян. Он понимал необходимость обмена семенами с другими

ботаническими учреждениями мира, чтобы и *«с чужестранными ботаниками содержать переписку и мену семенами»*. Сделал он также попытку определить в садовые ученики двух человек из академической гимназии, которые *«для ботанического сада способнейшими садовниками быть могут, нежели обыкновенные садовники, которые умеют водиться только с некоторыми деревьями и душистыми цветами»*. Надо заметить, что этот проект можно было реализовать тем более успешно, что, по настоянию Ломоносова, в 1748 году ректором академической гимназии был назначен Крашенинников. Ему удалось провести великолепный интродукционный эксперимент с семенами, собранными в разных географических пунктах: Америке, Камчатке, Китае, на Дону. Возможно, это были первые географические посевы в России.

В эти годы Крашенинников много работает над закладкой нового сада. Следуя устным указаниям Канцелярии, Крашенинников и ботаник Гобенштройт *«осмотрели места здешнего Васильевского острова»* и в рапорте указали, что *«способнейшего к тому места сыскать не можно, как кадетский огород, который за Малою перспективою, между 7-й и 9-й линиями находится, ибо там по обширности места можно быть саду и строению, не постыдному Императорской Академии наук, к тому же и земля там плодородна и вода внутри саду»*. Но на это место Васильевского острова сад перенесён не был.

Крашенинников стремился поддерживать связи с крупными учёными, и поэтому он пишет письмо самому Линнею. Именитый ботаник прислал незамедлительный ответ: *«Славнейшему мужу, достойному Степану Крашенинникову, Петербургскому профессору ботаники и натуральной истории шлёт нижайший привет Карл Линней. Любезное твоё письмо от 7 декабря я получил, славнейший муж, я очень благодарен тебе за него, а так же за присланные гербарии, особенно за твою лунарию...»* Таким образом, нам открылась ещё одна связь, и проявился новый узор бесконечных арабесок ботаники.

Известно, что М.В. Ломоносов относился к С.П. Крашенинникову с большой любовью. Именно он рекомендовал к опубликованию главный труд Крашенинникова — «Описание земли Камчатской». В октябре 1751 года он писал в Канцелярию Академии наук: *«Присланную ко мне сентября 24 дня при ордере книгу, сочинённую профессором Крашенинниковым, называемую “Описание земли Камчатской” свидетельствовал, которую признаю за достойную напечатания ради изрядных об оной земли*

известий».

Свои ботанические исследования Крашенинников проводил и в окрестностях Санкт–Петербурга. В одном из документов, датированном 1749 годом, он испрашивает у Канцелярии четырёхвёсельную лодку с рабочими, которые бы могли носить *«собираемые травы и выкапываемые для саду коренья»*, из чего мы видим, что он организовывал поисковые экскурсии не только для изучения растений в природе, но сбора живых экземпляров для пополнения коллекции.

Ботанические исследования

После отъезда Гмелина в Германию (1749) оборвалась связь между первыми ботаниками Петербургской Академии. Однако Крашенинников уже не нуждается в опеке и наставниках. С 1750 года он сам становится полноправным членом Академии.

В 1752 году Крашенинников предпринял новое путешествие. Свидетельством тому является рапорт в Канцелярию Академии наук, в котором был намечен маршрут его экспедиции. *«Намерен я*, — говорится в рапорте, — *для ботанических обсерваций ехать отсюду до Шлюшенбурга и от Шлюшенбурга по Ладожскому каналу до старой Ладоги и до Новгорода. Того ради Канцелярию Академии покорно прошу, чтоб о пропуске меня, переводчика Щепина и будуче при мне людей повелено дать пропуск на один из перевозных щерботов с бечевою и мачтою, а людей при нас четыре человека работников, которые будут тянуть бечевою, двое из Ботанического сада и двое из истопников гимназических, да один гимназист из сирот. Профессор Степан Крашенинников*».

На этот рапорт И.–Д. Шумахер накладывает длинную, но разрешающую резолюцию, и Крашенинников получает возможность изучить растения Ингерии. *«Понеже*, — говорится в резолюции, — *при Академии давно принято намерение о сочинении исследования и описания зверям, травам и камням, рудам и прочего в Российской Империи обретающемуся, которое исследование в некоторых провинциях произведено, а в других поныне не учинено и как оное дело есть нужное, полезное и достохвальное, которое без продолжения оставить никак не возможно и для того в Канцелярии Академии наук определено: к продолжению того*

назначить профессора ботаники господина Крашенинникова, чтоб он в нынешнее время, сколько возможно допустит, начало описания растущих трав в Ингерманландии определил и оное бы описание сочинил наподобии учинённого им Камчатского описания, а для вспоможения придан ему быть имеет переводчик Щепин и некоторые ученики, о чём оному господину профессору Крашенинникову и объявлено в Канцелярии».

Сия витиеватая резолюция, по сути, техническое задание на изучение природы северо–востока России, что Крашенинников и выполнил. В августе следующего года он докладывал в Канцелярию, что им собрано более 500 видов разных трав.

9 февраля 1755 года он опять подаёт рапорт — о необходимости путешествия в Малороссию и Новороссию: «*Известно Канцелярии Академии наук коим образом чужестранные любопытные люди требуют от нас трав и семян нашего столь пространного государства, отчего зависит честь Академии в рассуждении ботаники*». Но профессору Крашенинникову, к сожалению, уже не удалось осуществить эту поездку. 25 февраля того же года лекарь Академии Иберкамф пишет короткий рапорт: «*Сего февраля 25 числа по утру в седьмом часу ведомства Академии наук господин профессор Степан Крашенинников Волей Божию умре и о сём Канцелярии Академии наук рапортую*».

Причина смерти остаётся и доселе не известной. Можно только предположить, что неожиданная кончина эта — следствие не хронических заболеваний, поскольку профессор ещё две недели назад был здоров и строил планы на будущее.

Архивариусом И. Стафенгагеном был составлен реестр оставшихся после смерти С.П. Крашенинникова рукописей, которые поступили в Архив. Там было и полностью законченное сочинение «О растениях Ингерии», содержащее 506 видов. По всей вероятности, эта рукопись осталась бы лежать в Академическом архиве, быть может, лишь время от времени привлекая внимание историков науки, как свидетельство деятельности первого русского профессора ботаники и как первая региональная флора нашего отечества.

Однако сочинение профессора Крашенинникова счастливо увидело свет и самым действенным образом послужило науке. Это произошло благодаря почётному члену Академии лейб–медику Давиду Гортнеру, который прибыл в Санкт–Петербург 12

сентября 1754 года и был очарован природой вокруг российской столицы: *«… обошёл облесённые берега Невы, окрестные луга и поля, увидел растения, там обитающие, из которых многих не видел у себя на родине и был охвачен желанием тщательнее их исследовать. Но так как в это время флора, готовая ко сну, уже слагала свои венки, стремление мое было подавлено до следующей весны. Между тем я был очень сильно обрадован, когда через короткое время из Архива Академии мне была сообщена копия рукописи книги о растениях Ингерии, которую покойный Крашенинников представил незадолго до смерти».*

Здесь приведены собственные слова Гортнера из предисловия к книге «Флора Ингерии». На самом деле всё было несколько иначе. Сам президент Академии К.Г. Разумовский передал для доработки и подготовки к печати ему почти законченную рукопись Крашенинникова, а когда Г.–Ф. Миллер обратился к Гортнеру с просьбой вернуть рукописи, тот ответил категорическим отказом.

В 1761 году Гортнер обратился в Академию с ультимативным требованием немедленно напечатать обработанные им ботанические описания Крашенинникова, грозя в противном случае увезти все материалы в Голландию и там их опубликовать, разумеется, под своим именем.

Академическая конференция постановила передать работу Гортнера на рассмотрение и заключение академика И.Т. Кельрейтера. В материалах Канцелярии Академии наук сохранились доношения академика Миллера о предъявленном требовании Гортнера и постановление канцелярии Академии наук о напечатании его книги, а также очень обстоятельный отзыв академика Кельрейтера.

С самых первых строк этого отзыва чувствуется, что вокруг работы С.П. Крашенинникова создалась атмосфера недоверия к его авторству. Кельрейтер сразу же оговаривает свою полную беспристрастность в этом вопросе, так как он лично никогда не знал Крашенинникова и возможность судить только его работы. *«В Академии существует мнение*, — писал он, — *что Крашенинников не является единственным автором “Флоры Ингерии” и что до него над ней работали акад. Амман, Сигезбек и Буксбаум. Более того, говорят, что он работал над этим трудом так же мало, как и напечатанной в “Коментариях” статьёй, которую написал ему Гмелин. Я хорошо знаю, с какою*

тщательностью занимался Гмелин со своими учениками, но, тем не менее, я не могу присоединиться к этому мнению, позорящему первого русского ботаника. За всё моё пребывание в Академии мне не приходилось видеть ни одной рукописи названных выше учёных, трактующих эти вопросы, я искал и не находил их в академическом Архиве. Кто может сомневаться в том, что Крашенинников был в силах написать такой труд. Не сделал ли он с этой целью путешествие по всей Ингерманландии, собрал растения, описал их, указал местонахождение и присоединил к описанию свои наблюдения и замечания. Я утверждаю, что способ описания растений единообразен во всей рукописи. Манера Гмелина мне очень хорошо известна и совершенно отлична от этой работы. Ещё менее вероятно приписывать эту работу Сигезбеку, Амману или Буксбауму — так как их работы отличаются от крашенинниковской, как по манере, так и по употребляемым ими специальными терминами, которых нету у Крашенинникова, как у учёного новой, гмелиновской школы. Сам Гмелин почти совсем не бывал в этих местах. Можно ли, наконец, предполагать, чтобы Крашенинников проявил такую дерзость и напечатал бы под своим именем статью Гмелина».

Высказывая затем общие положения о том, каким условиям должно отвечать всякое ботаническое описание, Кельрейтер говорит, что если работа над рукописями Крашенинникова вообще требовала большого напряжения, то как раз для доктора Гортнера после его знаменитых работ «Flora Gelro–Zutphanica» и «Elementa Botanices» этот труд был легче, чем для кого бы то ни было другого. Первым изменением, внесённым Гортнером в работу Крашенинникова, была перестановка порядка самого описания. Крашенинников со вполне основательным намерением расположил их по системе Рея. Гортнер же переделал его по линнеевской системе. «*Это*, — говорит Кельрейтер, — *вроде моды на платья. Мне думается, что д-р Гортнер не может ставить себе эту работу в особую заслугу. Моё мнение, что если она этим изменением не была ухудшена, то и не получила никакого улучшения*».

В дальнейшем Кельрейтер сравнивает представленную Гортнером работу с рукописью покойного Крашенинникова и находит, что сделанные первым добавления очень мало существенны. Он перечисляет их в специальном приложении к «Флоре Ингерии».

В заключение он предлагает отправить ещё раз какого-нибудь

ботаника для исследования Ингерманландии и дополнения ботанических списков Крашенинникова. Однако, как уже указывалось выше, Канцелярия Академии дала распоряжение о скорейшем напечатании трудов Гортнера.

В предисловии Гортнер вынужден был дать высокую оценку работе Крашенинникова. Упоминая предшественников Крашенинникова по изучению петербургской флоры, он отметил сравнительную случайность их занятий ботаникой, подчеркивает, что Крашенинников специально и *«более обстоятельно объездил Ингерию, встретившиеся ему растения усерднейше исследовал, расположил по методе Ройена, в которой Гмелином был воспитан, добавил многим местные названия; растения, не замеченные предшественниками или мало известные, прилежно описал и учёными наблюдениями украсил*». Гортнер сумел сделать рукопись Крашенинникова читабельной и довёл её до европейского уровня.

С легкой руки Крашенинникова флора окрестностей Санкт–Петербурга стала критерием оценки готовности ботаников к их научным подвигам. Вслед за Крашенинниковым флору этих мест изучал Эрик Лаксман, а затем Н.С. Турчанинов. И эта ниточка вьётся и вьётся, касаясь судеб многих великолепных российских ботаников вплоть до настоящего времени. И как знать, не является ли продолжением этой работы недавно закончившееся издание «Флоры Северо–Запада европейской части России», выполненное одним из крупнейших ботаников прошлого и нынешнего столетия Н.Н. Цвелёвым.

Степан Крашенинников — второй после Ломоносова природный русский академик. Вне всякого сомнения, он был очень талантливым человеком, которому выпало работать в сложное время, когда в Академии царило засилье иностранцев. Не раз ему приходилось противостоять спаянной немецкой команде, защищая от посягательств свои труды. Но даже и в этих условиях он прославляет разум. В своем первом академическом докладе «О пользе наук и художеств» на Академическом собрании в 1750 году он говорит: *«Блаженство и бедность рода человеческого единственно зависит от разности и просвещения разума. Сколько кто может постигать истину, столько приближается к сущему своему благополучию*».

Личного благополучия С.П. Крашенинников так и не достиг и умер он, если не в нищете, то в крайней бедности. Горько читать монолог одной из пьес А.П. Сумарокова, в котором угадывается

судьба семьи Крашенинникова: *«А честного человека дети пришли милость просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был в Камчатском государстве, об этом государстве написал повесть; однако сказку его читают, а детки его ходят по миру. А у дочек-то его крашенинные бастроки, да и те в заплатах, — даром то, что отец их был в Камчатском государстве и того, что они в крашенинном толкаются платье, называют их крашенинкиными».*

Но не оборвалась бесконечная нить арабесок. В далёкой Германии 13летний мальчик Пётр Симон Паллас поступил в Берлинскую медикохирургическую коллегию, чтобы через пятнадцать лет продолжить изучение растительных богатств Сибири.

Но это уже другая история.

Славное имя Степана Петровича Крашенинникова увековечено в названиях растений. Основатель Сибирской ботанической школы П.Н. Крылов описал род *Kraschenninnikowia* в честь первого русского ботаника.

КРУГ ЧЕТВЁРТЫЙ. ЛИННЕЙ И ДЕМИДОВЫ

Тайна великого Линнея более 250 лет волнует умы учёных. А может, вовсе и не было никакой тайны – был просто гений. И мерить его мерками среднестатистического человека вряд ли уместно, даже спустя два с половиной столетия. Он появился в нужное время, в нужном месте и обладал всеми качествами, чтобы обеспечить развитие естественных наук для необозримого будущего.

Ботаника начала XVIII века зашла в тупик «усилиями» швейцарского биолога Иоганна Баугина. Он поставил своей целью описать все растения, известные человечеству в XVII веке, — и достиг этого, описав их около 6 тысяч. За редким исключением растения в его реестре не имели названий. Их заменяли описания, иногда точные, а иногда путанные. Опознать по ним растение было очень трудно, если не прилагался рисунок. Отсутствие единых названий частей растения — таких понятных для нас, как венчик, нектарник, пыльник, завязь — не позволяло

качественно различать растения. В русском вертограде (травнике) это выглядело так: *«Есть трава парамон, собою волосата, как чёрный волос, растёт возле болота кустиками, а наверху будто шапочки жёлтые...»*

Попробуй угадай, о каком растении идет речь. Выход из тупика не находился, и наука пребывала в состоянии кризиса. Для естествоиспытателей того времени задача казалась неразрешимой. Вся ботаника зациклилась на запоминании растений, а между тем их становилось всё больше и больше. Лейденский ботаник Бургав объяснил ботаническую науку следующим образом: *«Ботаника есть часть естествознания, посредством которой удачно и с наименьшим трудом удерживаются в памяти растения»*.

Карл Линней преобразовал всё естествознание. Совершенствовать ботанику он начал с терминологии. У него она стала точной, краткой и ясной. Сформулированные им понятия напоминают афоризмы. Вот некоторые примеры, взятые из «Философии ботаники», которую он написал в 1750 году: *«ВСЁ, что встречается на земле, принадлежит элементам и натуралиям. НАТУРАЛИИ распределяются по трем царствам природы: камней, растений и животных. КАМНИ растут. РАСТЕНИЯ растут и живут. ЖИВОТНЫЕ растут, живут и чувствуют»*. Едва ли возможно лаконичней выразить сущность элементов природы!

Основной страстью Линнея было узнавание нового. Он собирал растения со всего света и с нетерпением ожидал новых поступлений. Тщательно выращивал растения из семян, присланных как знакомыми, так и незнакомыми корреспондентами. И, конечно же, несказанно его завораживала далёкая Сибирь с её огромными просторами. Он стремился получить все, что было собрано на её необозримой территории. Он великолепно был осведомлён о путешествии и Стеллера, и Крашенинникова и с огромным нетерпением ждал, когда от них поступят новые ботанические материалы.

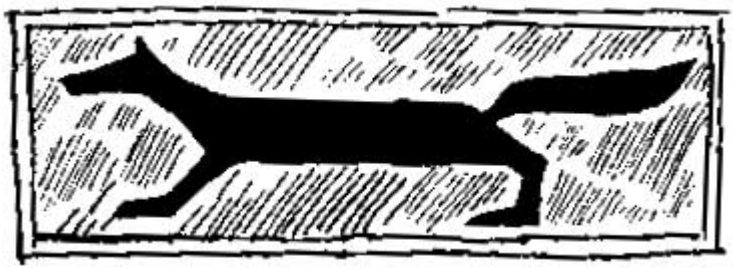
С. Крашенинников в 1750 году предложил избрать Линнея академиком Петербурской Академии, но это предложение не было принято. Только четыре года спустя, уже по представлению академика Миллера, Линней был избран почётным членом Академии наук. В связи с его избранием Линней прислал в

Академию сообщение о селитрянке — растении, которое им было описано, очевидно, с юга России (он живо интересовался всеми ботаническими новостями из России). Академик Миллер посылает ему «Флору Ингерии» Крашенинникова–Гортнера. Несколько раз Миллер по поручению Академии предлагал Линнею переехать в Санкт–Петербург, но тому уже было под шестьдесят, и он не соблазнился этими заманчивыми предложениями.

Тем не менее, интерес к Сибири у Линнея никогда не угасал. Он сам активно ищет корреспондентов в России, и ему это удаётся. Судите сами: в 1746 году на пути из Сибири в Москву умирает Стеллер, тремя годами раньше (в 1743 году) — в Санкт–Петербург возвращается Крашенинников, а уже в 1750 году ученик Линнея Иона Галениус защитил диссертацию на тему: «Редкие растения Камчатки», в которой описывается 26 видов растений, привезённых оттуда. В 1766 году А.М. Карамышев, русско–сибирский дворянин защитил в Упсальском университете диссертацию, посвящённую натуральной истории России. В последней главе он указывает 351 сибирское растение, выращиваемое в ботаническом саду Упсалы.

Демидовы — первые и самые богатые промышленники России — на протяжении двух веков были одними из самых знаменитых поставщиков металла из России. В Европе марка стали и чугуна «старый соболь» (тавро Демидовых) почти два столетия не нуждалась в рекламе.

Акинфий Никитич Демидов (1678–1745). Рисунок с репродукции портрета Г.Х. Грота



Тавро “старый соболь”

Дворянский герб Демидовых, сочинённый Ф. Санти (французский вариант)

Именно промышленники и рудознатцы открывали для естествоиспытателей Сибирь и Алтай.

А начало этому послужило жадное стремление Петра I найти «бухарское золото», которое в большом количестве находили в скифских могилах. Путь освоения южной Сибири вымощен драматическими событиями. Поскольку вся территория от Тобольска на юг была под протекторатом (если говорить современным языком) Джунгарии, джунгарские хунтайчжи всячески противились продвижению русских на юг. Только что построенная на месте слияния Бии и Катуни летом 1709 года Бикатунская крепость была сожжена кочевниками уже на следующий год. В 1715 году один из сподвижников Петра I, полковник Иван Дмитриевич Бухольц возвёл крепость возле Ямышевского озера. После длительной осады кочевниками она была бесславно оставлена. Но уже в 1717 году майор Лихарёв заложил Усть–Каменогорскую крепость.

Быстрое освоение территории южной Сибири обеспечили не столько военные успехи, сколько градообразующая деятельность Демидовских заводов. В 1729 году задымились трубы первого из медеплавильных заводов Акинфия Демидова на Алтае. Очевидно, богатство недр и красота сибирской природы произвели неизгладимое впечатление на Акинфия Демидова (1678–1745). Этот суровый человек оставил своим сыновьям — Прокофию,

Григорию и Никите — не только несметный капитал, но и передал стремление изучать окружающий мир и быть щедрыми меценатами. Прокофий и Григорий оправдали ожидания отца и остались в памяти как создатели и радетели ботанических садов.

Прокофий Демидов (1710–1786) создал самый большой, самый красивый ботанический сад в России XVIII века. Сад этот в своё время был описан знаменитым академиком Палласом, который дал общий план, списки растений и вообще увековечил его. Паллас провёл целый месяц в доме Демидова, основательно познакомился с его садом и сообщал, что *«сей сад не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других государствах славными ботаническими садами сравнен быть может как редкостью, так и множеством содержащихся в нём растений, и ныне с согласия своего владетеля сего прекрасного сада издаю я в свет описание оного дабы иностранные могли быть известны о изящности оного, и вместе любители ботаники и друзья знали, что они от него заимствовать, а так же чем его ссудить могут»*.

Прокофий Акинфиевич Демидов (1710–1786)

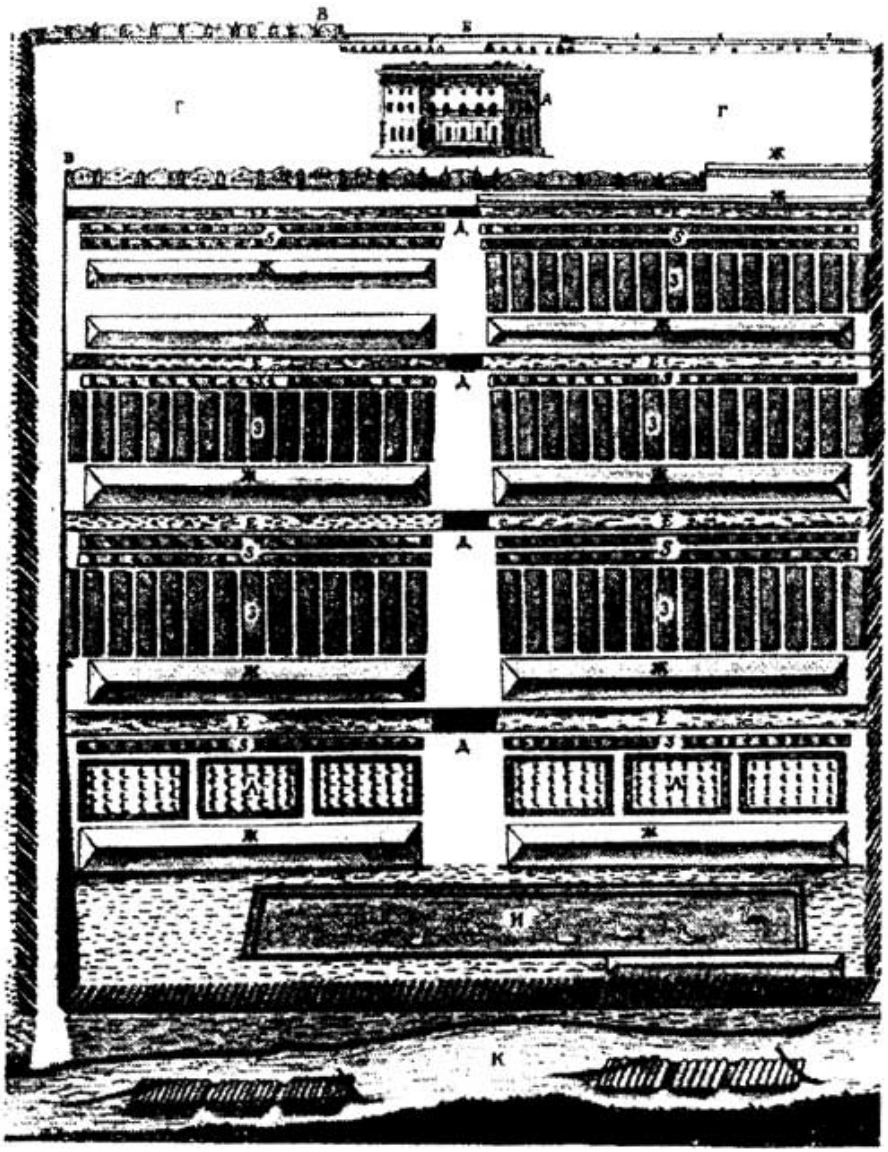
Ботанический сад Демидова находился в подгорной части Москвы, близ Донского монастыря (основанного донскими казаками), в очень красивом месте на берегу реки Москвы. По другую сторону расстилались луга, рощи, возвышался Девичий монастырь, и хорошо был виден город с десятками золотых церковных куполов. Прежде на территории сада была холмистая,

неудобная местность. В течение двух лет 700 рабочих выравнивали землю. Сад получил форму амфитеатра и спускался пятью уступами к Москве–реке. Дом и прилегающие к нему постройки находились на противоположной стороне реки, на высоком *«обрубе возвышенной земли дабы вода не заливала»*.

Дом был великолепный, трёхэтажный, от сада и от улиц отделялся эффектным чугунным забором. В саду были и каменные оранжереи, и воздушные растения, парники для ананасов, плодовые деревья, пруд для птиц, помещение для кроликов, а прочие оранжереи и гряды располагались симметрично по обе стороны дорожки, ведущей к реке. Каждая оранжерея — длиной 40 саженей, а, следовательно, протяжение всех восьми — 320 саженей, то есть более полверсты. Были здесь оранжереи для винограда, пальм, многолетников и прочих растений. Сад был устроен около 1756 года.

Описания Палласа весьма выразительны, а приложенный план сада (где указан даже пруд с утками и Москва–река с плотами, дом, чугунный забор) очень рельефен. Особо останавливается Паллас на том, что все работы в саду проходят под присмотром самого Прокофия Демидова, что благодаря искусной культуре малые растения выведены в деревья.

Особенно восхитил Палласа способ проращивания семян: «*А именно он* (Демидов. — А.К.) *раскладывает каждого растения семена в глиняные блюдечки, прилагая к каждому свой номер и полагая их под мох или подкладывая холстинку под оный и намочив их раставливает в Оранжерее к солнцу обращённой, которую в холодное время и топят. Приставленные к сему садовники каждый день смотрят блюдечки и семена, кои пустили росточки, с великой осторожностью вынимают и сажают в горшки мелкою просеянною землею наполненные; сим средством мало семян теряются, растения кои с трудом достать можно, легко из семян вырастают*».



План ботанического сада П.А. Демидова в Москве, составленный в 1781 году

После этих наблюдений Палласа — об отношении Демидова к выращиванию растений — неимоверно жалкими кажутся оправдания возглавлявшего Аптекарский огород Фалька перед Линнеем, когда он по своей халатности погубил всходы редких семян (очевидно, лотоса). Можно даже сравнить эти два отношения к делу. Вот выдержка из письма Фалька к Линнею: *«Плод N Nelumbo с Волги в первое же лето, как поступил сюда в*

сад, велел бросить в канаву, предварительно расщепив его с одной стороны и закатав его в глиняный шарик (по совету г. Лерхе); но, несмотря на эти все ухищрения, он не хотел взойти. Нынче летом мне опять захотелось сделать пробу с несколькими оставшимися семенами. Я осторожно срезал всю твердую скорлупу, не повредив ореха, затем положил их в смешанную с глиной садовую землю в горшок и весь горшок поставил в саду в кадку с водой, через 8–10 дней я с удивлением заметил, что мой Nelumbo взошёл. Но со мной случилось то же, что со старухой с яйцами. Я уже надеялся похвастаться перед своими немцами, но вскоре после этого, когда однажды меня не было дома, является глупый работник и выливает воду из кадки, чтоб опустить её в канаву, так как она сверху заплесневела и вместе с тем портит горшок и растения».

В Демидовском саду такое вряд ли было возможно. Более того, все растения, выращенные в саду, поступали затем в Гербарий, и хозяин раздавал их другим любителям. Паллас, будучи гостем Демидова, по его собственному выражению, «*получил знатное собрание растений для травника*». Он составил каталог растений на 149 страницах и перечисляет 2224 вида. Скорей всего перечень включал только те растения, которые были определены ранее и имели этикетки. Любому ботанику понятно, что сделать критическое определение более двух тысяч видов всего за месяц — нереальная задача. Сколько же растений не имело этикеток, теперь мы уже не узнаем. Хотя известно, что через пять лет Демидов сам выпустил «Каталог растений», который насчитывал 4363 вида. Один из виднейших историков–ботаников В.И. Липский по этому поводу не без юмора добавляет: *«Как большой любитель растений, всегда с ними возившийся, он конечно, лучше Палласа знал свои растения. И свой каталог выпустил, вероятно, в дополнение к Палласовскому*».

Число растений в коллекции Демидова было весьма значительно, если принять во внимание, что в ту пору Московский ботанический сад имел 3528 видов, а Императорский ботанический сад, считавшийся богатейшим в Европе, значительно позже, в 1824 году, имел 5682 вида.

Демидов свой каталог посвятил Екатерине II. В предисловии к нему он писал: *«Из любопытства моего собрал я по Линнеевой системе из четырёх стран света более осми тысяч различных растений с их ботаническими характерами и изъяснением их природы, в одном том намерении, чтоб возбудить удивление о премудрости и величии Божием. Сотворение его толику хитро, что*

его разума не достает, к открытию всего. Ежели, например, делать наблюдение через микроскоп собранных некоторых семян, хранимых в продолговатых скляночках с одного конца на другой, то скрываются в них столь чудесные подобия иногда похожие на насекомые или на другие одушевлённые вещи; иногда кажутся в совершенном виде съедомых плодов, так что разность их восхищает разум. Тоже самое случается при наблюдении маленьких стручков открывающихся и различных кореньев, которых по нескольку сохраняю с немалым попечением и трудом в моём Московском саду, невзирая на суровость нашего климата, и с оного растения имею по алфавиту Гербарию… Вашего Императорского Величества всенижайший и всепокорнейший верноподданный Прокофий Демидов».

В дополнении к списку Демидов приводит следующий реестр:

Вновь прислано из разных мест семян, которых в каталоге не написано 665
Да сибирских, американских, индийских плантов, которые ещё цветов не принесли 2000
Итого по каталогу 4363
Да сверх каталогу 3634
А всего 8000

Даже по современным понятиям поражает полнота коллекции. Род касатик имел 70 сортов, живокость – 25, гвоздика – 52, шиповник – 45, нарцисс – 32, тюльпан – 47, рябчик – 33, вероника – 23, астра – 21. Подорожников и тех было 26 видов.

Паллас в честь Демидова описал один из родов *Demidowia* (*D. tetragonoides*). Другой ботаник — Гофман, описал ещё один вид – димидовия многолистная.

После смерти Прокофия Демидова часть библиотеки попала в Московское общество испытателей природы. Большинство растений погибло или разошлось по частным коллекциям. Осталась только слава о московском чудаке, запечатлённая не только в документах, но и в анекдотах того времени.

Никита Демидов (1724–1787), младший, любимый сын Акинфия, удачливый заводчик, тоже не был чужд ботанической романтики. Он создал прекрасный сад возле Слободского дома в Москве. Во многом он был похож на сад Прокофия, только террасами был обращён не к Москве–реке, а к Яузе. Сад

располагался на третьей террасе и имел регулярное устройство, наиболее распространённое в XVIII веке. Четыре искусственных фигурных пруда подпитывались от маленькой речушки Чичеры, впадавшей в Яузу. Кроме того, сад украшали причудливые фонтаны, беседки, грот, декоративные скульптуры из чугуна и мрамора.

Среди служебных построек особое место занимали десять оранжерей. В их числе были овощная, персиковая, виноградная, сливовая и ананасная. Летом оранжерейные растения выставлялись в садик. Общее количество растений в оранжереях усадьбы Слободского дома в 1774 составляло девять тысяч видов. На территории усадьбы, преимущественно в оранжереях, росли тисы, лавры, кедры, пальмы, самшиты, герани, розы, алоэ (15 видов), фикусы (8 видов), ананасы (5 видов), цитрусовые, арбузы, виноград, разнообразные цветы. Ботанический сад в Москве неоднократно посещали специалисты, среди которых были А.Т. Болотов (1779), И.А. Гюльденштедт (1768), Ф. Стефан (1800).

Никита Акинфиевич Демидов (1724–1787) с портрета работы Л. Токке

Никите Демидову Сибирь обязана тем, что сначала на заводах, а затем и в его садах появились невиданные ранее растения: турецкая гвоздика, тихвинские огурцы, английские бобы, голландские огурцы, ставшие родоначальниками местных акклиматизированных сортов. Занятия ботаникой были в то время чрезвычайно затратными. И.Н. Юркин приводит такую статистику: перевозка одного «малого» дерева из Сибири в Москву приближалась по стоимости к перевозке 10 пудов железа.

После смерти Никиты Демидова созданная в его оранжереях коллекция была сохранена, но без надлежащего присмотра

постоянно уменьшалась. Положение усугублялось и тем, что Николай Никитич Демидов, кому достался ботанический сад, часто жил за границей. Тем не менее, в 1803 году он насчитывал более трёх тысяч видов. И немалая заслуга в том принадлежала работавшим тогда в оранжереях при Слободском доме таких великолепных садовникам, как Андриас Фогт, Иоганн Пренер, Андрей Ткачев (крепостной Демидовых).

Средний сын Акинфия Демидова — Григорий (1715–1761) принял живейшее участие в судьбе коллекций несчастного Стеллера. В.И. Липский приводит собственно ручную пометку Линнея, где прямо об этом говорится: *«…чернь взяла его коллекции и продала их Демидову (Григорию), который потом прислал мне всё, чтоб я написал названия, с позволением взять от всех дублеты»*.

В Соликамске Пермской губернии одновременно с Московским садом, и даже раньше его, существовал другой сад Демидовых. Сад этот посетил и описал академик И. Лепёхин во время своего путешествия в 1771 году. Вернее сказать, он сделал список растений, насчитывающий 422 вида. Среди них много южных оранжерейных – пассифлора, кофе, кактусы и прочих. Лепёхин писал: *«Сколь изобилен сей сад разными растениями, а особливо с великим речением из отдалённых частей света привезённых, читатель усмотрит, может из следующего исчисления, где только те замечены, которые мне в короткое время рассмотреть было можно»*. Сведения об этом саде мы находим *и в письме Стеллера в Академию от 18 августа 1746 года, написанное на обратной дороге с Камчатки: «Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал, на дороге растаяли, и я весной принужден был их всех бросить, либо в Соликамске оставить, к чему мне сад г. Демидова и прилежное надзирание сего саду способным казались»*.

По другим данным ботанический сад Григория Демидова насчитывал 525 видов.

Григорий Акинфиевич проводил в Соликамском саду большую научную работу, выписывал новейшую ботаническую литературу. Благодаря удачному расположению сада его посещали практически все путешествующие ботаники. В собственности рода Демидовых сад находился до 1772 года, когда вместе с селом Красным он был продан заводчику А.Ф. Турчанинову. Сад прекратил своё существование в 1810 году после раздела соликамского имения

между турчаниновскими наследниками.

После переселения в Петербург Григорий не оставил ботанических занятий. В доме на Мойке у Демидова жил садовник. В публикациях «Санкт–Петербурских ведомостей» встречаются объявления о торговле садовника «заморскими цветочными луковицами». Садовник вёл энергичную деятельность *по разведению цветочных растений, как для внутреннего потребления, так и на продажу.*

Сыновья Григория — Павел (1738–1821), Александр (1737–1803) и Пётр (1740–1826) поддерживали связь с Линнеем. Даже есть сведения, что они некоторое время были у него в ученичестве. Линней через них получал образцы минералов, семена и растения. Сохранились письма Линнея к Фальку, чтоб тот нашёл Демидовых, с тем чтобы они посодействовали приобрести семена или живые растения цимицифуги (очень интересного растения из семейства лютиковых с резким неприятным запахом).

Можно, конечно, видеть в интересе Линнея к Демидовым некоторую корысть в знакомстве с богатейшими промышленниками, имеющими доступ практически в те земли, где не ступала нога исследователя. Можно считать, что Демидовым, получившим дворянство в 1726 году, было лестно знакомство с «князем ботаники». Так или иначе, но в этом сотрудничестве ясно проявилось эпохальное событие — сращение огромного промышленного капитала с «чистой» наукой. Несомненно, научные занятия Демидовых у Линнея не прошли даром. Конечно, господам капиталистам в их светской жизни ботаника была без надобности. Но тяга к знаниям, стремление к научным достижениям, уважение к науке сохранились у них на всю жизнь. Всё это они смогли передать своим детям и внукам. Именно это обстоятельство имело большое значение для развития ботаники в России.

В память о своём ученичестве Павел Демидов был многолетним корреспондентом Линнея. Он всецело осознал пользу от сбора естественнонаучных коллекций и прославился тем, что тратил огромные семейные капиталы на приобретение естественных коллекций, переданных впоследствии в Московский университет. Им было пожертвовано 100 тысяч рублей для поддержания кабинета натуральной истории, с тем, чтоб проценты от этой суммы шли на содержание музея и жалование хранителя музея.

Он первый из Демидовского рода предпринял ряд «научных путешествий», которые были совершены им с образовательной целью. Ему принадлежит ряд зоологических открытий. В частности, он описал степного корсака, обитающего между Уралом и Обью, мелкого сокола кобчика, красную астраханскую утку. Сведения о них были переданы Линнею и были использованы им в своих сочинениях.

Павел Григорьевич Демидов (1724–1787) с портрета работы Ф.

В 1803 году были опубликованы *«высочайше утвержденные предварительные правила народного просвещения»*, в них было записано, что в учебных округах *«утверждаются университеты для преподавания наук в высшей степени»*. Павел Демидов сразу откликнулся на это «высочайшее повеление» и предложил недавно созданному Министерству просвещения 100 тысяч рублей на открытие Тобольского и Киевского университетов . Можно считать, что семена любви к науке, посеянные в душу Павла Демидова великим Карлом Линнеем, более чем через 40 лет дали великолепные всходы.

При этом Демидов так распорядился своим имуществом: *«… пока приспеет время образования сих последних, прошу дабы мой капитал положен был в государственное место с тем, чтобы обращением своим возрастал в пользу тех университетов, представляя дальнейшее распоряжение оных благоразумию министра просвещения»*.

И лежали эти деньги более 50 лет, и не были растрачены они государством на бессмысленные прожекты, и не похитил их недобросовестный министр, и приумножились они до 150 тысяч рублей.

На эти значительные средства в период с 1880 по 1888 годы в Томске был построен знаменитый университет, снискавший городу славу «сибирских Афин». В этом университете развился гений П.Н. Крылова, основавшего первую в Сибири ботаническую школу. Так и вилась эта ниточка до начала XX века. А сколько соприкоснулось с ней славных ботанических имен!

Многозначительная связь демидовских капиталов и российской науки продолжалась очень долго. Николай Никитич Демидов (1773–1828) более известен по ратным событиям. Он выстроил фрегат на Черном море во вторую турецкую войну (1787–1791). А во время Отечественной войны 1812 года на свой счёт выставил целый «демидовский» полк. Он же пожертвовал Московскому университету громадную коллекцию редкостей; в Крыму развёл сады с виноградом, оливками и другими деревьями; во Флоренции, где проживал на своей вилле, он устроил детский приют и школу. И это далеко не полный перечень благородных дел славного потомка Демидовых.

Николай Никитич Демидов (1773–1828) с портрета работы К. Морелли

Его сын Анатолий Николаевич Демидов (1812–1870), тот самый, который купил себе во Флоренции титул князя Сан Донато и был женат на племяннице Наполеона, также имел отношение к ботанике. Он снарядил экспедицию в южный Крым. По результатам экспедиции им были написаны две книги — «Путешествие по России (Крым и Молдавия)», изданная в Париже (1854) и «Путешествие в южную Россию и Крым» — в Лондоне (1853).

Другой его сын, Павел Николаевич Демидов (1798–1840), учредил в Академии наук специальную премию за научные

достижения. Решение об этом было принято в Париже 4 октября 1830 года. Он написал об этом Николаю I, сообщив, что желает *«… по самую кончину дней <…> ежегодно из своего состояния жертвовать в Министерство народного просвещения сумму двадцать тысяч ассигнациями для вознаграждения из оной пяти тысячами рублей каждого, кто в течение года обогатит российскую словесность каковым либо новым сочинением, достойного отличного уважения по мнению членов Санкт–Петербургской Академии наук»*. Инициатива Демидова была принята благосклонно, а сам жертвователь царским указом был награждён орденом Св. Владимира III степени и к тому же избран почётным членом Петербургской Академии наук, Российской Академии, Московского и Харьковского университетов.

Слева направо: *Анатолий Николаевич Демидов (1812–1870) с литографии 1835 г. Павел Николаевич Демидов (1798–1840) с портрета неизвестного художника.*

Согласно положению, премия должна *«содействовать к преуспеванию наук, словесности и промышленности в своём Отечестве»*. Сумма для премий (20 тысяч рублей) вносилась Демидовым начиная с 1831 до его смерти (1840) и ещё в течение последующих 25 лет по его завещанию. Эти премии были важным событием в общественной жизни России, ибо во многом стимулировали развитие естественных наук. Один из первых лауреатов этой престижной премии был доктор Геблер, который прославился изучением природных богатств Алтая. Он получил

эту премию в 1837 году. Через 20 лет Демидовскую премию получил величайший сибирский ботаник Н.С. Турчанинов, которая помогла ему выжить в той бедности, в которой он тогда находился.

За время существования премии было рассмотрено 903 работы, в том числе 769 на русском языке. Было присуждено 55 полных премий, 220 половинных, 127 работ отмечены почётными отзывами. На оплату этих премий ушло 2,5 миллиона рублей. Славная традиция крупнейшего российского промышленника была возрождена в России в 1993 году.

Безусловно, фамилия Демидовых оставила значительный след в истории России. По щедрости добровольных пожертвований наиболее преуспел Прокофий Акинфиевич — более 4 млн рублей; Павел Николаевич пожертвовал 2,3 млн рублей; Анатолий Николаевич — более 2,2 млн рублей.

Вместе с тем невозможно не обратить внимания на обратную сторону медали демидовского меценатства. В Змеиногорске, центре рудной добычи XVIII века, в маленьком краеведческом музее стоит выразительная скульптура А. Иевлева, выполненная из дерева, — «Пугачёвцы в змеиногорской каторжной тюрьме». Колодников пожизненно оставляли под землёй, где они и умирали. Так Императрица Екатерина II карала своих непокорных подданных. И хотя рудники уже не принадлежали Демидововым, тем не менее, и их богатство пропитано болью и страданием бесчисленных приписных крестьян, замученных непосильной работой. И я спрашиваю себя, нравственно ли восхищаться вкладом этого семейства в развитие ботаники и других наук или это кощунственно? Богатство любого капиталиста создаётся потом и кровью простого народа, не зря говорится: *«Своим трудом сыт будешь, а богатым — никогда»*. И если вспомнить, какие бешеные деньги тратились развлечения ради первыми фамилиями России на протяжении веков, если взглянуть на сегодняшнее положение, когда горстка подлецов разграбила Россию и ничего не положила на алтарь науки и просвещения, то остаётся радоваться и гордиться, что в истории России была фамилия Демидовых, поддерживавших развитие отечественной науки почти полтора столетия.

В 1701 году архиерей Дмитрий Ростовский посвятил напутствие Никите Демидову.

Никита Демидовичь, муж благословенный,
и з сином Якинфом буди во всём умноженный!
О всепетая Мати! Ему сопутствуй
сохраняй в дому здрава, на пути присутствуй.
Архиерей Тобольский молит тя усердно:
даруй ему здравие цело и невредно,
Храни благополучно в премногая лета,
избавляй и покрывай от злаго навета.

Дай бог, чтобы не перевелись Демидовы в России!

А нам надо вернуться в середину XVIII века в просвещённое царствование Елизаветы и подобрать тоненькую ниточку, начавшуюся в разорённой Финляндии, и обратить свой взор на молодого лютеранского пастора Эрика Лаксмана.

КРУГ ПЯТЫЙ. ЛИННЕЙ, ПАЛЛАС, БЮФФОН

Вторую половину XVIII века во время царствования Екатерины II называли «просвещённой эпохой». Даже кошмарная тень Пугачёва, на подавление восстания которого были брошены лучшие полки во главе с непобедимым Суворовым, не могла разрушить прелесть дозволенного вольнодумства. В моду вошли философские салоны, подобно тем, что были в Париже. Там обсуждались вольнолюбивые идеи Вольтера, Дидро, Руссо, Гельвеция, Юма, Смита. Сочинения французских просветителей ходили по рукам в студенческой среде Петербурга и Москвы, в среде дворянской молодёжи. Довольно большими тиражами издавались лучшие произведения Вольтера, Монтескье, Руссо и других. Их можно было найти в Оренбурге, Казани, Симбирске, Орле. С 1767 по 1777 годы было переведено и издано отдельными сборниками свыше 400 статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Исключительно важную роль для широкого русского читателя сыграли сочинения Вольтера, написанные в простой и доходчивой форме.

Естествознанию в этот период в обширнейшем смысле оказывалось покровительство не только с теоретической, но и с практической точки зрения как наиважнейшему условию процветания государства.

В европейской ботанике безраздельно господствовали идеи Линнея, имевшего в шестидесятые годы колоссальный научный авторитет. Судьба благоволила к Линнею — в 1762 году шведский сейм утвердил его во дворянстве. На фамильном гербе было изображено яйцо, как символ постоянно обновляющейся природы. Яйцо — на щите, окрашенном в три цвета: черный, зеленый и красный, символизирующие три царства природы. Внизу герба — его девиз *«Famam extendere factis»*[8]. Этот девиз в полной мере соответствовал самому Карлу Линнею, создавшему основополагающие научные труды, которые при жизни принесли ему громкую славу и почёт.

Е.Г. Бобров, русский биограф Линнея, приводит его чрезвычайно важное письмо, написанное брату и сестрам в родную деревню Стенброхульт. Оно позволяет нам понять

мироощущение гения в тот момент: *«Я стал профессором, королевским врачом, кавалером и дворянином. Я был удостоен увидеть больше из чудесных созданий Творца, в чём я видел величайшую радость, чем кто нибудь из смертных до меня. Я послал моих учеников во все четыре части Света. Я написал больше, чем кто-нибудь другой из ныне живущих; 72 мои собственные книги находятся на моём столе. Имя моё стало известным и достигло до самых Индий, и я получил признание как крупнейший в своей науке. Я стал членом почти всех научных обществ: в Упсале, Стокгольме, Петербурге, Берлине, Вене, Лондоне, Монпелье, Тулузе, Флоренции и недавно в Париже, где был назван в ряду восьми наиболее знаменитых людей мира*». Он был тщеславен, как все великие люди, и не жаловал тех, кто не склонялся перед его величием. Может поэтому никто из учеников и не превзошёл учителя.

Именно в эти годы на научном небосклоне Европы стремительно восходила звезда Палласа. Пётр Симон Паллас родился в то время, когда линнеевские идеи уже проникли в умы естествоиспытателей. И как это бывает с идеями, которые появились в нужное время и были правильно сформулированы, да еще и подкреплены упорством и талантом их автора, они очень быстро распространились по Европе.

Палласу незачем было проникаться идеями Линнея — он уже не мыслил другими категориями. Его предначертанием было развивать естествознание на заложенном Линнеем фундаменте. Поэтому Линней ему представлялся, скорее всего, как почётный анахронизм, который следовало уважать, но жизнь и научное развитие ботаники требовали идти дальше. Тем более, что естествоиспытателей того времени влекли и другие идеалы. Главной альтернативой линнеевскому пониманию устройства природы были идеи Бюффона. Единственное, что объединяло этих жестких оппонентов, — они были одногодками.

Жорж Луи Леклер де Бюффон (1707–1788). Рисунок с портрета 1753 г.

Жорж Луи Леклер де Бюффон был выдающимся натуралистом — писателем и пропагандистом науки. Но он был дилетантом. Пока Линней упорно изучал естествознание, Бюффон занимался юриспруденцией, физикой, математикой. Идеями о живой природе он стал проникаться лишь после назначения его на должность главы Ботанического сада в Париже.

В 1748 году он взялся за осуществление грандиозного издательского проекта «Естественная история общая и частная, с описанием кабинета короля». Бюффон сам, с небольшой группой помощников, написал 36 томов. В этих фолиантах ничего не

значилось о растениях, они были заполнены исключительно описаниями животных, их повадок и биологии. Написанные живо, увлекательно, они оставались источниками знания почти сто лет, несмотря на то, что научные факты там перемежались с выдумкой автора. Но, конечно же, не в этом было противопоставление с Линнеем, отстаивавшим всю свою жизнь только точные факты. Бюффон защищал идею трансформизма. Его ближайшим учеником был Ламарк, который отрицал вид (краеугольный камень систематики) и был первым эволюционистом.

Бюффон отрицательно относился к систематике, он утверждал, что систематик стремится *«подчинить произвольным законам законы природы»* и намеревается измерить её силы с помощью нашего слабого воображения. О Линнее Бюффон говорил, что тот сделал язык науки более трудным, чем сама наука. Он считал, что система Линнея есть метафизическая ошибка. *«Эта ошибка*, — писал Бюффон, — *состоит в непонимании продвижения природы, которое происходит всегда незаметными сдвигами, и в намерении судить о целом по одной его части»*. Согласно представлениям Бюффона *«природе есть только индивидуумы, а роды, отряды и классы суще ствуют только в нашем воображении»*.

Основная беда Бюффона состояла в том, что он был дилетантом и французом. Первое порождало сомнительные идеи, а второе — безудержную фантазию и неиссякаемую энергию в отстаивании этих своих сомнительных идей. Молодёжь бредила Бюффоном, и Паллас, долгие годы вращаясь в среде учёных, не мог не заразиться этим «бредом». В сердце его всё же, скорее всего, был Бюффон, но в уме — властвовали идеи неизменности вида Линнея. Этот дуализм сопровождал его всю жизнь.

Несмотря на очевидное научное превосходство Линнея, идеи Бюффона прожили довольно долгое время. В.И. Вернадский, великий ученый XX века, как и многие другие естествоиспытатели, тоже был очарован идеями Бюффона. В одном из писем, датированном 1942 годом, он писал: *«Я очень высоко ценю Бюффона, и одно время им очень занимался. В основу своего университетского курса в Москве я клал не Линнея, а Бюффона, который рассматривал не продукты, а процессы — Бюффон первым научно пытался выразить геологическое время»*.

Паллас дружил с молодыми учёными, которые уже впитали идеи Линнея, однако ж, и идеи Бюффона не считали совсем уж

бредовыми.

Паллас почти повторил судьбу Линнея, странствуя по университетам Европы, везде обрастая знакомствами и полезными связями. Главное — он имел возможность обмениваться идеями. Его обучение проходило в университетах Галле, Гёттингена, Лейдена, Лейпцига, Гааги, Лондона. Он изучает растения в лучших ботанических садах и естественных музеях Европы. Блестящее знание европейских языков делает его «человеком мира», а способность к тонким наблюдениям – талантливым исследователем.

В Гёттингене судьба подарила ему встречу с Антоном Бюшингом, который прежде (в 1760 году) был пастором церкви святого Петра в Петербурге. И как знать, не было ли между ними разговоров о далёкой России и её природных богатствах.

Слева направо. *Карл Линней в возрасте 32 лет. Рисунок с репродукции портрета работы Шеффеля (1739). Пётр Симон Паллас в 80 х годах XVIII века.*

В Амстердаме он знакомится с Николасом Бурманом, с которым он не прекращал переписки на протяжении всей своей жизни. Бурман был сыном близкого друга Линнея — Иоганна Бурмана, директора Амстердамского ботанического сада и

выдающегося ботаника. Именно в его доме Линней познакомился с директором Ост–Индийской компании и бургомистром Амстердама Георгом Клиффортом, который оказал неоценимую помощь Линнею в трудное для того время. Через несколько лет Линней издал книгу «Сад Клиффорда», которая стала классическим трудом описания растений ботанического сада. Поэтому тесное знакомство Палласа с ботанической семьей Бурманов, а их — с Линнеем, делает связь Палласа и Линнея очевидной.

Первая крупная научная работа Палласа «Перечень зоофитов», опубликованная в 1766 году, сразу же привлекает к нему внимание учёных. Профессор Г.–Х. Людвиг рекомендовал его для работы в Петербургской Академии. И уже в 1967 году Паллас принимает предложение секретаря Академии Штелина переехать в Россию и стать членом Академии.

Только вот с Линнеем тесного сотрудничества у него не получилось. Линней, будучи в зените славы, безусловно, знал о новой «звезде» в естествознании и, вероятно, ждал, что тот придёт к нему за благословением. Но Паллас не нуждался ни в чьём покровительстве.

Как позднее заметил Карл Бэр: *«До Палласа систематическая обработка естественной истории всецело принадлежала Упсале, теперь же эта наука получает крупнейшие богатства из Петербурга*». Палласу досталась вся коллекция И. Гмелина, Г. Стеллера, С. Крашенинникова, о чём более тридцати лет мечтал Линней, располагая лишь крохотным количеством дублетов этих коллекций.

Линней тоже не считал нужным склоняться перед «выскочкой». Посредником между ними был вездесущий Миллер, о чем свидетельствует следующий отрывок из письма Линнея к Миллеру от 10 августа 1773 года: *«Приношу тебе, знаменитый муж, благодарность столь великую, какую только могу за семена, собранные г-ном Палласом; семена эти весьма редки и весьма многочисленны. Помимо твоей милости едва ли они попали бы в мои руки. Я выражу, также признательность г-ну Палласу, как только узнаю, где он находится, за эти самые новые семена, из которых многие уже проросли. Я устроил отдельный садик для них, а также для ранее полученных мною сибирских растений теперь. Ваши азиатские растения являются единственными, которые украшают сады северной Европы, что прежде всего и более всего*

является твоей заслугой, знаменитый муж, ты, который оживил Петербургскую Академию и способствовал её восстановлению».

За церемонной вежливостью Линнея сквозит чувство ревнивой досады, что ему приходится — хоть и опосредованно — пользоваться результатами работы Палласа. Недоверчивым брюзжанием он встречает все открытия Палласа, сделанные в России. Он явно несправедливо критикует его за описание нового рода *Rindera*, очень своеобразного растения из семейства бурачниковых. «*Rindera tetraspis г-на Палласа*, — писал он, — *представляется мне видом Cynoglossum. Нельзя ли получить один экземпляр этого растения? Мне представляется невероятным, что у нее 10, а не 5 тычинок. Обычно природа не делает скачков. Может быть г-н Паллас сосчитал 5 тычинок?*»

Rindera tetraspis Pallas

Astragalus ammodytes Pallas

Впервые риндеру нашёл московский штаб–лекарь Риндер на песках восточнее Самары. Позже Паллас сам отыскал это замечательное растение и назвал его в честь штаб–лекаря. Паллас хорошо изучил особенности распространения риндеры. 22 июня 1771 года в Семипалатинске он отмечает: *«На высоких местах, на коих я в десяти верстах от Семипалатной ночевал, усмотрел я на другой день поутру множество сухих стеблей и листьев редкого растения Rindera, которое только здесь и выше при Красноярском форпосте, а более нигде по Иртышу не попадается»*. По сути, этот род настолько характерен, что не было сомнений в его

самостоятельности. Пренебрежение Линнея больно задело Палласа, он жаловался впоследствии: *«Rindera, как новый род, был бы принят в “Systema plan tarum”, если бы его автором был кто-либо из последователей Линнея. Несправедливо отвергнув этот род, он не принял во внимание существенные признаки*». Паллас вынужден был идти на компромисс и, чтобы сгладить ситуацию, называет это растение во «Флоре России» *Cynoglossum rindera* Pall.

Но, с другой стороны, Паллас, воспитанный на смелых идеях Бюффона, скептически относился к искусственной системе Линнея, когда тот группировал растения по количеству тычинок. При этом он никогда не позволял себе открыто критиковать Линнея. Для этого он был искусным дипломатом и очень хорошо воспитан, а своё принципиальное несогласие выразил в названиях растений.

Пётр Симон Паллас с гравюры Крюгера (1767)

Так, описывая род *Polycnetum* из семейства маревых, он описал несколько видов, делая акцент на количестве тычинок: поликнем однотычиночный, поликнем трёхтычиночный, поликнем противолистный – *«тычек обыкновенно бывает пять*».

Много позднее замечательный ботаник А.А. Бунге, наводя систематический порядок в этой группе растений, часть видов, описанных Палласом, отнёс в новый род – Петросимония, тем самым увековечив имя Петра Симона Палласа, намекая на причины возникновения видовых эпитетов. Так и растет по солонцам южной Сибири петросимония трёхтычиночная, ставшая средством в идейном противоборстве двух ботанических титанов.

Петросимония трёхтычиночная — Petrosimonia triandra (Pallas) Simonk.

Линней считал, что видов столько, сколько их создал бог. Он отстаивал незыблемость своей системы. Однако, причисляя себя к ортодоксам, не был педантом. Преданный истине, он к концу жизни сам усомнился во многих им же утвержденных догматах.

Как проницательно заметил Паллас: *«Линней в тайне предпочитает своей системе естественный порядок и иногда исправляет первую против собственных правил в угоду законам природы»*.

Линней верил в правильность системы, поскольку при помощи её можно было навести порядок в царствах природы. Как любая искусственная система, она грешила недостатками и подвергалась множественной критике ещё во время его «царствования». Линней требовал неукоснительно следовать своей системе. Он её пропагандировал, внедрял, отстаивал, и только благодаря его бескомпромиссной борьбе с инакомыслием ему удалось навести порядок в ботанике.

Паллас всю жизнь оставался в оппозиции великому шведу. К.Ф. Вольф в своем неоконченном трактате «Предметы размышлений в связи с теорией уродов» предположительно датируемом 1778–1783 гг., приводит наблюдения Палласа над сибирскими растениями. Паллас сообщает о 6 растениях, привезённых из Сибири и посаженных в Петербургском ботаническом саду. По его наблюдениям, сибирские растения, размноженные семенами в Петербурге, сохраняли свои «сибирские» признаки в первом, втором, третьем поколениях. Однако после шестого и в последующих поколениях они заметно менялись. Изменения Паллас относит к воздействию нового климата, то есть то, что сейчас называют акклиматизацией. *«Ведь разве могут растения,* — пишет он, — *несущие на себе многовековой отпечаток жизни в Сибири, не медленно, в первом или во втором поколении, сбросить с себя этот отпечаток*?»

Он предполагает, что *«растения некогда были перенесены в Сибирь из более южных областей: так что отпечаток, налагаемый на них петербургским климатом, и есть первоначальный и естественный признак, который Сибирь изменила и к которому эти растения при культивировании их здесь наконец возвращаются»*.

Следовательно, на основании опытов по акклиматизации сибирских растений в Петербурге Паллас пришёл к заключению, что адаптивные признаки у интродуцентов усиливаются в ряду поколений в течение времени. Надо сказать, что к общепризнанному заблуждению о «перерождении естества», на примере трансмутаций, якобы наблюдаемых у хлебных злаков, Паллас относился иронически. Он не верил в перерождение видов, как и его замечательный современник Андрей Болотов.

Очевидно, что европейские учёные не раз пытались «замолвить словечко» за Палласа. В этом отношении чрезвычайно показательно его письмо Николаю Бурману, написанное в апреле 1778 года после кончины Линнея. Паллас пишет: *«Теперь, когда скончался великий Линней, кто станет диктатором для ботаников? За несколько месяцев до смерти он написал мне через сына, и, по видимому, смягчил свой старый гнев»*.

История разобралась в величии действительном и мнимом и в череде знаменитых учёных мужей поставила их в следующем порядке: Линней, Паллас, Бюффон.

КРУГ ШЕСТОЙ. ЛАКСМАН, ЛИННЕЙ

Новый 1725 год Россия встретила вместе с великим Императором Петром I. Он был полон новых планов относительно переустройства Империи. Спустя всего 37 лет, летом 1762 года на престол взошла восьмая по счёту императрица — Екатерина II. В этот промежуток на престоле, сменяя друг друга, успели побывать Екатерина I (февраль 1725 – май 1727), Пётр II (май 1727 – январь 1730), Анна Ивановна (январь 1730 – октябрь 1740), Иван VI Антонович (октябрь 1740 – ноябрь 1741), Елизавета Петровна (ноябрь 1741 – декабрь 1761), Пётр III (декабрь 1761 – июль 1762). Страной правили временщики, которые были «калифами на час»: Меншиков, Остерман, Бирон, Шувалов, Разумовский. Деньги тратились великие и в основном на забавы: то на ледяные дворцы, то на фейерверки.

Вот как описывается обед Анны Ивановны по случаю взятия Данцига. Повод для войны был самый банальный. Императрицу не устраивал выбранный сеймом король польский Станислав, и она гоняла его по всей Европе, пока не поймала в Данциге и не сменила своим ставленником Августом III.

«Императрица и императорское семейство обедало в гроте, обращённом к длинной аллее, которая заканчивалась фонтаном и была обрамлена высокими голландскими вазами. По всей длине аллеи тянулся длинный стол, одним концом упиравшийся в стол императрицы в гроте. Над этим длинным столом был навес из зелёного шелка, поддерживаемый витыми колоннами, которые снизу доверху были увиты гирляндами живых цветов. Между этими колоннами вдоль всего стола в нишах живой изгороди были

устроены буфеты: на одном столовая посуда, на другом фарфор. Дам для кавалеров определял жребий, и соответственно этому пары сидели за столом так, чтобы мужчины и женщины чередовались. За столом сидело триста человек, и для каждой перемены требовалось шестьсот тарелок, а перемен было две и десерт…»

В Академии по-прежнему полновластными хозяевами были немцы. Ломоносов изнемогал в непосильной борьбе за историческое место России в системе наук. После безвременной кончины Аммана, Гмелина, Крашенинникова в Петербургской Академии опять возникла необходимость в ботаниках.

В 1763 году по рекомендации Линнея в Петербург прибыл Иоганн–Петер Фальк (1725–1774). Сначала он исполнял обязанности хранителя натурального кабинета, а позднее его назначили заведующим Медицинским садом. Будучи прямым учеником Линнея, он защитил у него диссертацию, но в силу своих душевных качеств вряд ли мог стать организатором длительных экспедиций и продолжать дело великих путешественников.

Посредником между Академией и Линнеем выступал академик Миллер. Судя по его переписке с Линнеем, вопрос о развитии ботаники в России обсуждался между ними, но ученики Линнея не хотели связываться с варварской страной, их пугали российские просторы.

Миллер просил Линнея найти ботаника для Академии. Линней сначала рекомендовал своего лучшего ученика Соландера, затем Фагрея, но те не согласились. После этого Линней предложил испытать шведа финского происхождения Эрика Лаксмана, которого ему, в свою очередь, рекомендовали его ученики П. Гаад и П. Кальм.

И вот 19 января 1764 года, по представлению вездесущего Миллера, Академия избрала практически неизвестного пастора Эрика Лаксмана (1737–1796) своим корреспондентом с жалованием 100 рублей в год. Такое выгодное мнение о себе Лаксман снискал не только потому, что он был учеником ученика Линнея, но и хорошими ботаническими знаниями. Он представил Академии список растений, собранных в окрестностях Санкт–Петербурга. В этом списке были новые растения, не указанные в «Flora Indrica» Крашенинникова–Гортнера, в частности адокса —

невзрачное растеньице, и многие другие. Надо сказать, что этот труд, как и в случае с Крашенинниковым, присвоил лейб–медик Гортнер.

Линней был доволен: он получил корреспондента, готового ехать на край света за новыми диковинными растениями и животными (и при том, что тот был природным шведом). Линнея не смущало, что его новый корреспондент был пастор и не имел специального биологического образования.

Перед самой поездкой на Алтай Лаксман женился, и 25 января 1764 года с молодой женой Кристиной–Маргаритой, урожденной Руненберг, прибыл в Москву для получения последних инструкций. 31 января он пишет письмо Линнею, в котором извещает его о своём путешествии и согласии быть его добровольным корреспондентом. Он ещё не мечтает о карьере естествоиспытателя и хочет быть хорошим пастором для своих далёких прихожан. Но 12 августа 1764 года Линней пишет ему ответ в далёкий предалёкий Барнаул. И это письмо изменяет всю жизнь и судьбу Лаксмана.

Мы считаем необходимым представить читателю письмо полностью, поскольку в русских изданиях приводятся только выдержки из него.

«С несказанным удовольствием я получил письмо Ваше от 31 января, — писал Линней, — *из которого вижу, что Провидение и судьба заставила Вас отправиться в такие места, куда ещё почти никто не попадал с открытыми глазами...*»

Необходимо отметить, что со времени путешествия Гмелина прошло почти тридцать лет. Те материалы, которые привезли Гмелин, Стеллер, Крашенинников, были явно неполными. Их было мало, и они только разожгли любопытство. Сибирь так и оставалась землей неизведанной, таинственной и казалась невообразимо богатой. Линнею досталась лишь небольшая толика от большого гмелинского гербария.

«Да ниспошлет Всевышний на Вас благодать свою, чтобы Вы могли видеть чудеса Его и открывать их миру, — продолжал Линней. — *Сочинения Мессершмидта, Стеллера, Гмелина, Гербера и Гейнцельмана есть у меня в рукописях. Из сибирских растений у меня едва сотня живых в саду. Никакие другие растения так хорошо не растут в наших садах, как эти. Англичане и французы*

посредством многих и редких деревьев и растений, привозимых ими из Северной Америки, превращают свои дома и замки в рай, но у нас эти североамериканские растения не принимаются так хорошо и редко достигают зрелости. А сибирские придали бы садам нашим новое великолепие, и Вы, государь мой, можете украсить отечество наше и сделаться бессмертным в потомстве, если будете высылать мне семена трав, растущих в Сибири в диком состоянии. Более всего я желал бы Actaea cimicifuga с 4 пестиками, а потом Hyasciamus physaloides, Hypericum erectum, Fumaria spectabilis, Trollius asiaticus, многие сорта растущих там Spiraea, маленькие Ulmus frutex и другие из этих прекрасных растений, ещё не попа давших в европейский сад. Каждое из них было бы драгоценным украшением. Насекомых я получал со всего света, и ещё недавно мне была прислана коллекция их с мыса Доброй Надежды. Но ни один естествоиспытатель ещё не знает ни одного из сибирских. Бесконечно обяжете меня собиранием для меня травянистых семян и насекомых».

Карл Линней в возрасте 64 года. Рисунок по репродукции с работы Крафта (1771)

В этом письме отражена вся философия ботанического Ренессанса середины XVIII века. Мореходы бороздили океаны и привозили несказанной красоты растения из Бразилии, Вирджинии, Индии и Австралии. Капитаны, отправляясь в заморские плавания, получали чёткие инструкции по транспортировке семян и растений. И только Сибирь оставалась холодной, неприступной и неизученной.

Линней один из первых понял также и другое: новые растения таят новые полезные свойства. Это один из надёжнейших способов к процветанию маленькой Швеции. Это мы сейчас не задумываемся, откуда пришли растения в наши сады и скверы. К примеру, клен и карагач считаются у нас исконными природными растениями, но это не так. Родина клёна — Северная Америка, а карагач появился в наших краях из Северной Монголии. Мы лакомимся чилийской земляникой, а весь мир — нашей чёрной смородиной.

Линней предвосхитил необходимость мобилизации растительных ресурсов, то, что сейчас называется интродукцией растений. Он верно догадался использовать виды таволги для озеленения улиц городов, а вяз мелколистный, или карагач, также с подачи великого Линнея до сих пор имеет широчайшее применение в зелёном строительстве многих стран. Кроме того, вяз считается непревзойденным для озеленения солонцовых степных земель. Купальница азиатская с легкой руки Линнея заняла почётное место в декоративном садоводстве Европы (но не у нас в Сибири). Чрезвычайно перспективна и в декоративном, и в сырьевом отношении пузырница физалисовая, растущая по каменистым осыпям Алтайских гор. Это растение эфемероид и ранней весной отрастает сразу цветоносами с голубыми цветами. Но она так и не нашла своё место в культуре как цветочное растение, хотя несомненно заслуживает самого присталь ного внимания садоводов.

«Можете адресовать письма в Королевское Учёное Общество в Упсале, потому что я сам вскрываю все письма, назначенные в общество. В Петербургском музее я вижу несметное количество мелких птичек и рыб из Сибири, но Бог знает, что это такое,

потому что имена так чужды, что по ним толку не добьёшься…»

«В склянке в спирту могут быть сохранены многие виды, — поучал Линней молодого коллегу. *— Изготовьте их для самого себя. Соберите маленький гербарий собранных в Сибири растений. Если что нибудь покажется Вам неизвестным, то пошлите его в письме с отмеченным номером ко мне. Я потом буду отвечать на каждый номер отдельно и напишу Вам, что оно такое и что доныне известно о нём. Между Spiraea растет в Сибири один низкий сорт Frutex foliis pinnatis, которую я чрезвычайно желал бы получить с семенами. Spiraea salicifolia повсеместна, все другие по красивым белым цветам своим были бы особенно хороши для изгородей наших садов. Господин Карамышев издаёт теперь под моим руководством диссертацию, обнимающую все до сего времени известные растения. Как только она будет готова, я вышлю её…»*

Судьба А.М. Карамышева (1744–1791) совершенно случайно вплелась в ботанический орнамент. Этот *«русско–сибирский дворянин и императорского Московского университета студент»* учился у Линнея и защитил у него диссертацию в мае 1776 года на тему: *«Диссертация, показывающая необходимость развития естественной истории в России»*. В ней он первый привёл для России 351 вид растений с правильными биноминальными названиями.

«Если Вы будете так добры и станете высылать мне сибирские семена, то не выбирайте только виднейшие растения, а берите также из самых жалких и некрасивых, потому что именно эти бывают часто самыми редкими, никем не замеченные по своей малости. Если доживу до осени, то издам опять Sistema naturae. Тогда увидите, как громадно возросло число животных. Дай Вам Все вышний охоту и силу, чтоб наблюдать и собирать, да сохраните Вашу дружбу ко мне. С нетерпением буду ждать Вашего первого письма из Колывани».

Это писал «князь ботаников», о самочувствии которого справлялся сам король Франции. Великий Линней просил Лаксмана, простого лютеранского пастыря, сохранить дружбу с ним. Письмо стало судьбоносным для Лаксмана, который отдал себя естествознанию во славу науки и далёкой Швеции.

Замечательно то, что по прошествии 250 лет пожелание великого систематика не потеряло своего смысла — ботаники и теперь внимательно обследуют скалы и берега рек, пытаясь

отыскать новое, никем ещё не описанное растение. И самое удивительное, что время от времени им это удаётся.

Через три месяца молодая чета Лаксманов прибывает в Барнаул, где Эрик Лаксман принимает запущенный приход с немногочисленными прихожанами, разбросанными по всей Сибири от Колывани до Иркутска. Со своим жалованием в 400 рублей, да 100 рублей от Академии, он мог считать себя богачом. Сажень дров в то время в Барнауле стоила каких-то 10 копеек, а пуд сала — 50. Лаксман сразу нанял себе лошадь и экипаж всего за 12 рублей в год.

С первых шагов своей деятельности он завёл возле дома маленький садик на пример того, что был у его учителя Гаада в Або и Линнея в Упсале. В нём росли дикорастущие растения. Вместе с молодой женой они выращивали на огороде овощи, которые не были известны жителям Сибири, в частности дыни.

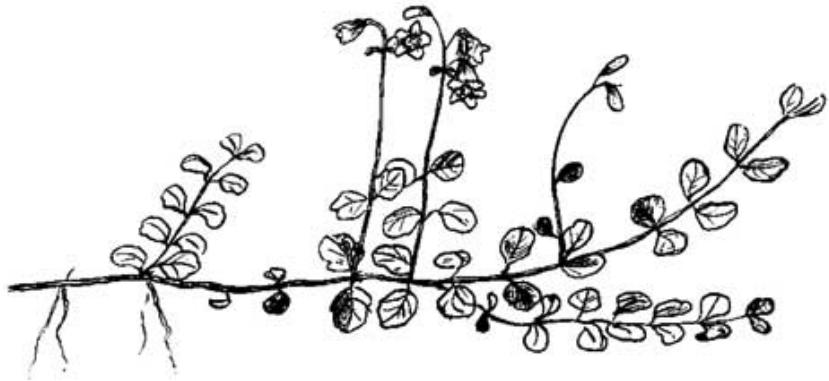
Эти дни были, наверно, самыми счастливыми в его жизни. Он собирает растения, учится горному делу, а у аптекаря Брандта — ещё и химии. Вот как он пишет И. Бекману:

«Ваше письмо я получил 5 августа, в то самое время, когда с моей женой был в саду и ел первую созревшую дыню. <…> В Сибири живу в полном удовольствии и наслаждаюсь со всем моим семейством совершенным здоровьем. <…> До сих пор я был в большой дружбе с здешним аптекарем Брандтом. У него я научился многим практическим и химическим приёмам, но теперь я должен лишиться этого друга, так как через несколько недель он уезжает в Кяхту, где назначен аптекарем по приёмке ревеня. Утешаюсь, что он станет моим хорошим корреспондентом и будет писать мне как о китайцах, так и относительно естественной истории и других предметах».

Живя в Барнауле, Лаксман познакомился с И.И. Ползуновым. Русские монографы Лаксмана Н.М. Раскин и И.И. Шафрановский указывают, что Ползунов был руководителем Лаксмана в горном деле. Прямых доказательств этому, однако, мы не находим, но в одном из писем Лаксман подробно описывает деятельность замечательного механика.

«Другое лицо, с которым я был знаком — горный механик Иван Ползунов, муж, делающий истинную честь своему отечеству. Он

строит теперь огненную машину, совсем отличную от английской и венгерской. Эта машина будет производить в действие посредством огня и без помощи воды меха в плавильнях, которые до сих пор приводились в движение водой. Какая же после того в России будет выгода! Со временем в России (если будет необходимо) можно будет строить заводы на высоких горах и даже в самих шахтах. От этой машины будут действовать 15 печей, а именно 3 трейбофена и 12 рудоплавильных».



Линнея саверная (Linnaea borealis L.)

Во время своего путешествия на восток, к границе Монголии и Китая, где велись поиски тангутского ревеня, Лаксман без устали проводил свои натуралистические исследования. Он собирал растения, семена, коллекции насекомых и всё отправлял в Академию и своим друзьям в Швецию. Коллекции отсылались с караванами, которые вывозили серебро с колыванских заводов.

Гора Ревнюха (Алтайский край). Скала, от которой был отколот монолит яшмы для изготовления «Царь—вазы»

Алтайский период его деятельности, очевидно, был самым плодотворным. Первым из ботаников он поднялся на Тигирекский хребет. Маршрут его лежал к истокам рек Тигирека и Ини. Именно там, на высоте 2000 метров, он нашёл растение, обессмертившее его имя. Это была генциана крупноцветная. Можно вообразить себе тот восторг, который охватил молодого исследователя, когда среди порыжевшей высокогорной тундры он увидел крупные тёмно-синие цветки, цветущие как будто без листьев. Удивительно, что никто из ботаников, куда более славных, чем он сам, не обнаружил это маленькое природное чудо. Из предгорий Алтая, там же на Тигирекском хребте, он описал сиббальдию алтайскую, лютик алтайский, змееголовник

алтайский. Наверное, европейским ботаникам и в самом деле трудно было сдерживать своё немалое восхищение при осмотре Лаксмановских коллекций.

Лаксман был теснейшим образом связан со шведскими учёными. Его первый биограф В. Лагус приводит много писем, в которых говорится о материалах, посылаемых Лаксманом в родную Швецию. *«Как только успею пересмотреть гербарий и окажется надёжный случай,* — сообщает он в очередном письме к Бергиусу — *буду иметь честь поднести Вам всё, что могу доставить. Как по ботанике, так и по минералогии я собрал много дублетов, которые предоставляю своим друзьям. В королевскую Академию наук я пошлю Hirundo daurica (даурская ласточка), рисованную с натуры, вполне описанную. Изрядную коллекцию минералов я поднесу ей, как скоро представится к тому удобный случай*».

Переписка с Бергиусом, Шлецером, Бекманом и другими шведскими учёными содействовала той известности, которую он получил в Швеции в учёных кругах. Несомненно, этому способствовали и многочисленные посылки семян, гербариев и некоторых минералов в различные шведские научные учреждения и отдельным лицам. Первая его научная статья о даурской ласточке тоже была опубликована в Записках Стокгольмской Академии наук. Линней не ошибся в своём корреспонденте. За научные заслуги в 1769 году Лаксман был выбран действительным членом Стокгольмской Академии наук. Это научное учреждение пользовалось высокой научной репутацией. Среди её членов были Линней и Ломоносов. Вот только зарплаты своим действительным членам эта Академия не платила, в отличие от Петербургской.

Казалось, что научная карьера Лаксмана в России удалась. 26 февраля 1770 года его избирают академиком по кафедре экономии и химии. Эту кафедру с великой пользой для науки возглавляли сначала И. Гмелин, а после него — М. Ломоносов. Конечно, Лаксману не хватало их академических знаний, но он очень старался. Читал лекции, воспитывал учеников, оснащал кабинет химии.

Вся его научная карьера сломалась в одночасье, когда Президент Академии С.Г. Домашнев приказал Лаксману предоставить в его распоряжение некоторые реактивы, а также изготовить термометр. Это не входило в служебные обязанности

академика, и Лаксман отказался. Верно, он забыл, что он на службе в российской Академии, где и академики не лучше холопов. Домашнев был в ярости. Лаксману стало совершенно ясно, что оставаться в Академии он не сможет, и он подал в отставку. Используя свои связи, ему удалось получить вроде бы неплохую должность помощника на Нерчинских заводах. Несомненно, в этом назначении он видел возможность продолжать исследования трёх царств. После унизительной сдачи всех материалов, с установлением солдатского караула возле квартиры, бегства из Петербурга, 12 декабря 1780 года он уехал в Нерчинск, чем окончательно разрушил свою академическую карьеру. В следующем году, по предложению Домашнева, Лаксмана перевели в число почётных членов Академии (без жалования), а позже и вовсе исключили из списков Академии. В качестве иностранного члена он был восстановлен уже после смены академического руководства. Всё это сильно обижало Лаксмана, и в письме академику Эйлеру от 21 декабря 1784 года он писал:

«Совершенно неожиданно для меня я увидел недавно у одного приезжего адрес–календарь на этот год и нашёл моё имя среди иностранных членов Имп. Академии. Признаю, что для меня это немалая честь стоять в ряду с людьми, известными всему миру, но, к сожалению, эта честь мне не подабает, ибо я родился в русской провинции и как русский подданный в годы моего обучения всякий раз, когда брал паспорт, должен был давать обязательство о своём возвращении. В отношении моей собственной персоны безразлично, принадлежу ли я к отечественным или иностранным учёным. Но с точки зрения пользы, которую я могу принести Имп. Академии как естествоиспытатель, а также доверия нации к отечественному учёному или иностранцу разница очень значительна. Поэтому, прав я или не прав, я хотел бы, чтоб моё имя впредь, как раньше, стояло между именами моих друзей — г-на коллежского советника Палласа и господина надворного советника Протасова…»

Работа на новом месте не удалась. Нерчинск — прежде всего каторга, и нравы в то время там были каторжные. Начальство безнаказанно воровало, бесчинствовало. Честный и правдивый Лаксман был там всем как кость в горле. По донесению генерала Бекельмана, указом Сената его освободили от занимаемой должности. В письме Г.Ф. Миллеру он перечисляет все беды, свалившиеся на него:

«Итак, я живу без жалования, без покровителей и должен теперь начинать добывать себе пропитание трудом рук своих, после того как 20 лет пользовался известностью в учёном мире и отдавал науке свои способности. Так приходится честному человеку терпеть оскорбления от самодура, который возвеличился лакейскими услугами, без подвигов, за счет других героев и полагаться только на своего шурина. Поверьте мне, я не прожил здесь ни одного дня без притеснений. Всем моим начинаниям ставилось препятствие. Кто может всё это рассказать?

…Подумать только! Сколько есть у меня друзей в Петербурге! Сколько естествоиспытателей во всей Европе! И ни от кого я не получил ни строчки, как будто я уже никуда не годен. Никто не замолвит за меня ни слова, никому нет дела до моей участи! Таков свет. Мои друзья, наверно, с улыбкой получают редкие и прекрасные натуралии и ведут об этом весёлый разговор за бокалом вина или чашкой кофе».

Это письмо очень яркое, горькое и правдивое. Пятьдесят лет назад так же унижали Гмелина, Стеллера, Крашенинникова. Интеллект и научные заслуги в сибирской глуши ничего не значили. Бесчинствующих чиновников несколько пугали указы Сената, но человек, лишившийся и этой поддержки, становился щепкой в житейском море.

В то время у Лаксмана уже было восемь детей: двое мальчиков от первой жены и остальные шесть — от второй. Поэтому он не гнушается никакой работой. Переменив несколько мест, он становится исправником в Нерчинске. И, несмотря на житейские потрясения, продолжает оставаться естествоиспытателем. Именно в эти годы он собирает коллекцию растений и со своими уже подрастающими сыновьями отправляет её в Петербург высокопоставленным особам, среди которых будущий император Павел I. Этот дар имел свои последствия — отношение к Лаксману изменяется к лучшему. В Академии тоже произошли некоторые события: академики взбунтовались против Домашнева и отказались ему подчиняться. На его место была назначена княгиня Екатерина Дашкова. Лаксману не вернули место действительного академика, но назначили *«минералогическим путешественником»* при императорском кабинете, деятельность которого заключалась в поиске и доставке в Петербург поделочных камней и самоцветов для царской семьи. С него сняли все обвинения в служебных «проступках» и назначили оклад в 600 рублей.

Окрылённый Лаксман покидает опостылевший Нерчинск и отправляется в Иркутск — тогдашнюю столицу Сибири. Именно здесь, за 8 000 километров от Петербурга, он встречается с другим учеником Линнея — А.М. Карамышевым. Тот уже не занимался ботаникой, а исполнял должность директора банковской конторы, что не мешало ему превосходно знать растения Сибири.

Недалеко от Иркутска, в сельце Тальцинском, Лаксман построил завод по производству стекла, который, надо сказать, просуществовал довольно долго и был едва ли не единственным в Восточной Сибири. Но самое знаменательное — его компаньоном в строительстве завода был купец А.А. Баранов, тот самый, который станет вскоре властителем Аляски и расширит владения Российской империи до Калифорнии. Именно знания, которые Баранов получил от Лаксмана, помогли ему выжить в Северной Америке, наладить добычу угля и начать плавить медь. Уезжая из Иркутска, Баранов оставил свою долю в Тальцинском стекольном заводе и долгие годы состоял в переписке с Лаксманом.

Но это уже другая ниточка, намечающая другую неботаническую арабеску, такую же прекрасную, таящую неожиданные находки и переплетение судеб.

Благосклонность нового президента Академии вдохновила Лаксмана на дальнейшие открытия. Для Дашковой он собирает камни, животных, растения. В этот период им был найден способ посадки растений с мёрзлым комом, который переоткроют через полтора столетия. Вот как он сам его описывает в письме из Иркутска от 8 апреля: *«…считаю своим долгом описать найденный мною очень простой способ надёжной перевозки сибирских растений. Моё мнение по этому вопросу расходится с мнением различных знаменитых учёных–садоводов. Их предписания утверждали следующее: нужно растения* осторожно вынуть из земли, стараясь, насколько возможно, не повредить корни, удалить почти всю землю, окружающую их нити, обложить их сухим мхом, обвязать и, покрыв снаружи мягким мхом, упаковать в ящики. Чтоб познакомить меня со всеми этими приёмами, они даже взяли на себя труд переслать ко мне различные русские растения, упакованные по правилам. Но мне каждый раз так везло, что ни один корень я не получал неповреждённым.

Я же в течение многих лет пользовался следующим способом

и убедился в его надёжности. Зимой, когда земля промерзает как камень, я вырубаю дёрн так глубоко, как это требуют в нём находящиеся корни, упаковываю их как можно плотнее в ящик и отправляю.

Прошедшей зимой я вырубил дёрн с различными корнями в последние дни ноября, чтобы выставить их на ещё больший холод, и оставил их на целых четыре месяца лежать на моей крыше. В последние дни марта я посадил дёрн с Trollius, Anemona, Narcissiflora, Corthusa, Mattioli в ящики и имел удовольствие видеть, что все эти корни благополучно проросли и, более того, упавшие на этот дёрн семена различных однолетних трав тоже проросли...»

Этот способ Лаксмана позволял транспортировать растения в течение всей длинной сибирской зимы. Жаль, что это не пришло в голову Стеллеру. Большинство растений, которые он вёз живыми из Сибири, в пути помёрзли, и он вынужден был их бросить в Соликамске.

В настоящее время способ Лаксмана широко используется в садовом строительстве. Особенно при пересадке крупномерных хвойных растений. Для этого на питомнике в феврале тракторной фрезой вырезают монолит почвы с корнями. Захватывают растение с комом краном и грузят на машину. Потом в заранее приготовленные ямы ставят вырезанные растения. При этом достигается их полная сохранность и приживаемость. Жаль, что никто из озеленителей не знает автора этого остроумного метода.

Лаксман стремился попасть на берег Тихого океана и там осмотреть натуралии трёх царств. Его мечта не сбылась. И тем не менее, Лаксман и здесь оказал России неоценимую услугу. В Иркутске он познакомился с японским купцом, которого спасли русские рыбаки. Из разговоров с ним у Лаксмана возникла мысль о возможности России завязать торговые отношения с Японией. Он подал соответствующую записку Екатерине II, она и возложила на него организацию этой экспедиции. Начальником и уполномоченным по делам Лаксман поставил своего сына, поручика Адама Лаксмана. Миссия прошла успешно, и Адам вернулся в Россию. В подарок Императрице японский Император прислал три сабли. Екатерина II разрешила изобразить их на семейной печати Лаксманов.

Личная печать Э.Г. Лаксмана

Лаксману всю жизнь недоставало образования, широты знаний, эрудиции и светского воспитания. Он был странником как в огромном мире науке, так и на просторах Сибири, кочующим и не находящим пристанища. Его открытия есть в ботанике, зоологии, метеорологии, горном деле, химии, технологии, садоводстве и так далее, и так далее. Он удивлялся многообразию природы и от этого получал истинное удовольствие.

Его биограф Мангус писал о его кончине: *«У одной ямской станции, в 118 верстах от Тобольска, надо было переменить лошадей. Сани остановились. Ездок не показывался. Его вынесли из саней умирающим, а может быть и умершим. С ним случился*

апоплексический удар. Это случилось 5 (16) января 1796 года». Эрик Лаксман умер на станции Дресвянской, у реки Валай, впадающей в Иртыш. И более ничего о его кончине не известно.

Казалось, время стёрло семейство Лаксманов со страниц истории, не оставив даже портрета знаменитого ученого. В последней его монографии, выпущенной издательством «Наука» в 1971 году Н.М. Раскиным и И.И. Шафрановским, на месте, где должен быть портрет автора, помещена гравюра из его книги. Но оказалось, что в Алтайском краеведческом музее сохранилась газета «Просторы России» с портретом Эрика Лаксмана.

Портрет этот нашёлся в Португалии, где живёт его дальний родственник — Эдгар Лаксман. Он и подарил шведским краеведам портрет своего дальнего предка. С него на нас глядит доброе открытое «пасторское» лицо выдающегося естествоиспытателя. Нет в нём ни академической чопорности, ни надменности, его волосы не спрятаны под париком, завитым буклями, как требовал этикет его времени. На груди — единственная награда, полученная за организацию экспедиции в Японию — орден Св. Владимира четвёртой степени.

Эрик Густавович Лаксман (1737–1796)

КРУГ СЕДЬМОЙ. ПАЛЛАС, ЛАКСМАН

Пётр Симон Паллас был баловнем судьбы. Он родился 22 сентября 1741 года в достаточно обеспеченной семье. Отец — военный хирург, имел достаточно средств для воспитания сына, кроме того он был профессором Берлинской медико-хирургической Коллегии. Мать была француженка, гугенотка. Семья отличалась строгими правилами, где детей не только любили, но воспитывали и обучали.

Практически у Петра Симона было только домашнее воспитание. Упор делался на классические науки и языки. С молоком матери он впитал французский язык, им он владел в совершенстве. Великолепно знал и древние языки: греческий и латинский, поскольку на них говорила наука того времени. Была и ещё одна черта, которая отличала Палласа от других его сверстников — глубокая порядочность и моральная твёрдость. Этим качествам Паллас не изменял на протяжении всей своей жизни.

К тому же Паллас родился в счастливое время. Незадолго до его рождения, в 1740 году, на престол прусского королевства вступил Фридрих II, которого позже назовут Великим. Пруссия переживала свой Ренессанс. Была восстановлена Прусская Академия наук, отменена цензура, бурно развивались искусство, музыка.

Один из последних портретов П.С. Палласа, сделанный неизвестным художником в 1810 году

Сам Фридрих был кумиром и образцом для подражания молодёжи. Этот великий король был разносторонней личностью. Он умело чередовал блистательные победы своих войск с катастрофическими поражениями (при нём русские взяли Берлин), проводил реформы в духе французского «просвещённого абсолютизма», писал стихи на французском языке и воевал с Францией. Пруссия при Фридрихе II выдвинулась в первый ряд европейских государств.

Эрик Лаксман — современник и соперник Палласа на научном поприще — родился 27 июля 1737 года в маленьком

местечке Нейшлот. В детстве на его долю выпали тяжёлые испытания. Война, необдуманно начатая Швецией, жестоко опустошила его страну, и особенно местность возле Нейшлота. Крепость, куда стекались толпы беженцев из окрестных сел, в августе 1742 года была вынуждена сдаться русским войскам. Женщинам и детям вместе с главами их семей было разрешено покинуть город, и они вернулись к своим сгоревшим домам, вытоптанным полям, к голоду и болезням. Вся эта территория отошла к России. Так и осталось тайной — кто же Лаксман по национальности: швед или финн. Сам он всю жизнь жил в России и считал себя российским подданным, а когда надо — шведским.

Семья отца Лаксмана, мелкого торговца, была многочисленной (девять человек детей) и жила в крайней бедности. Только в 20-летнем возрасте Эрик поступил в гимназию, которую окончил в 1757 году. В сентябре того же года Лаксман несколько недель посещал университет в городке Або, находившийся в Швеции, но из-за бедности вынужден был прекратить учёбу.

Определяющим событием его жизни стала встреча с учениками Карла Линнея, ботаником Г. Кальмом и химиком–технологом П.А. Гаадом. За очень короткое время они выучили способного к наукам юношу основам ботаники, химии и минералогии. Собственно, эти занятия и составили всё его «университетское» образование.

После ухода из университета Лаксман не по призванию, но по необходимости поступил в духовное училище и до 1762 года занимал скромное место помощника пастора в маленькой финской деревушке. Единственно, чем располагал Лаксман на тот момент, это собственными, ещё не развитыми способностями и случайными знакомыми — учениками великого шведа. Впрочем, этого было достаточно, чтобы Лаксман начал изучать растения, совершил ряд больших экспедиций по России и в конце концов стал считать себя русским.

Палласу досталось то, чего страстно желал Линней, — весь гербарий, собранный первыми исследователями Сибири: Гмелином, Стеллером и Крашенинниковым. Почти все растения этого гербария не имели названий в соответствии с бинарной системой Линнея. Паллас исправил этот недостаток и стал автором многих видов сибирской флоры.

Паллас никогда не был только российским ботаником или зоологом, и хотя его называют «отцом русской териологии», он всегда оставался вне национальных рамок. Он отправлял европейским специалистам научные коллекции, при этом не только свои собственные, но и принадлежавшие Российской Академии. В России так не было принято. Российское сановное общество испокон пыталось жить за железным занавесом, но использовать иностранный интеллект. Весной 1774 года академическая администрация задержала и вскрыла посылку Палласа, отправленную в Голландию. Было установлено, что в коллекции насекомых некоторые экземпляры не были представлены в Академической коллекции, а другие выглядели лучше, чем те, что хранились в Кунсткамере. Палласу было выражено порицание и от академиков, и от графа Орлова, который был её директором. Паллас переписывался практически со всеми известными естествоиспытателями Европы. Он был светским человеком и даже одно время служил при дворе воспитателем цесаревича — будущего императора Павла I.

Ничего подобного в жизни Лаксмана не было. Лишь стремление видеть новые земли, собирать коллекции минералов, насекомых, растений захватило его целиком. Большую часть времени он посвящал этому делу и увлечённо рассказывал о своих научных изысканиях в письмах своим высокообразованным покровителям.

Он не принимал участия в экспедициях, которые организовывала Академия наук, и путешествовал сам по себе, страдая от насмешек обывателей и притеснения чиновников. Как и многие исследователи–инородцы, он страдал от подозрительности русских чиновников, которые видели в Лаксмане шведского шпиона, поскольку не понимали научной значимости собираемых материалов. Свои посылки с научными коллекциями в Европу Лаксман отправлял без указания имени отправителя. Гаад писал в одном из писем: «*Русские чрезвычайно ревнивы относительно семян и корней ревеня, почему настоятельнейше прошу не объявлять имени друга мне их приславшего*». В письмах Лаксман открыто обличает начальников, едва умевших читать и писать, офицеров и чиновников, имевших слабость к разного рода увеселениям и пустым собраниям, способных вести только горные журналы да счета, а химию и горное дело презиравших как что-то неприличное. Он находил утешение только в своих материалах, которые добывал во время экспедиций и поездок.

Лаксман, от природы наделённый большими способностями, имел огромную работоспособность, однако ему сильно не хватало академической грамотности, вот почему описания его страдали отсутствием научности и точности определений. Он не мог, как Паллас, сидя в экипаже, составлять списки растений, растущих вдоль обочин дорог. С другой стороны, он был ставленником самого Линнея, а это многого стоило.

Очевидно, Паллас и Лаксман не были знакомы к моменту прибытия в Россию. Паллас приехал в Петербург в 1767 году, в то время Лаксман уже жил в Сибири. А в 1769 году, когда Лаксман прибыл в Петербург, Паллас годом ранее отправился в многолетнее путешествие, и они опять не встретились.

В первый период работы в России их общение было заочным, через изучение работ друг друга. Вернее, Лаксман читал труды Палласа, а Паллас читал только те письма Лаксмана из Сибири, которые без ведома автора опубликовали в Гётеберге. Эти письма, по признанию самого Лаксмана, не предназначались для печати. «Сибирские письма» сильно подмочили научную репутацию Лаксмана. Как он сам писал П.И. Бергиусу, в одном из его писем приводится дурацкое описание мыши–землеройки. На самом деле его намерением было уведомить о существовании этого неописанного животного, которое он нашёл мертвым и вспухшим. Другой конфуз вышел с даурской ласточкой, заметка о ней послужила поводом для избрания Лаксмана в Стокгольмскую Академию наук. Вот как он сам пишет о своей промашке с этой ласточкой секретарю Академии Барейтину:

«Имея честь быть шведского происхождения, я счёл своей обязанностью представить Королевской Академии эту неизвестную птицу. Я видел эту птицу несколько лет сряду в Змеиногорске и у Колыванского завода, около Усть–Каменогорской крепости и на скалах Алтайских гор. Эта ласточка относится к Сингории, описанной несколько лет назад китайцами, почему я назвал её Hirundo singoriensis и послал несколько экземпляров в Петербургскую Академию наук, однако же без описания.

Так как при возвращении моём я увидел её в Петербургском кабинете редкостей и нашёл, что Мессершмидт назвал её Hirundo saxatilis daurica, то пусть это имя останется за нею. <…> Так как и профессор Паллас называет её не иначе в своих “Spicilegiis zoologicus”, которые в нынешнем году печатаются в Берлине, то не

хочу быть упрямым и оставаться при старом имени, потому что не желаю навязывать естествоиспытателям нового слова, чем они уже бесконечно мучаются...»

Такие казусы не могли украсить научную репутацию Лаксмана. Поэтому присвоение за эту краткую заметку академического звания можно поставить в заслугу не Лаксману, а Линнею, хлопотавшему за него. Лаксман стал стокгольмским академиком, но рассчитывать на уважение Палласа он уже не мог.

Спустя два года Паллас и Георги практически повторили маршрут Лаксмана на Алтае. Лагус, первый монограф Лаксмана, так пишет об этом периоде отношений двух натуралистов:

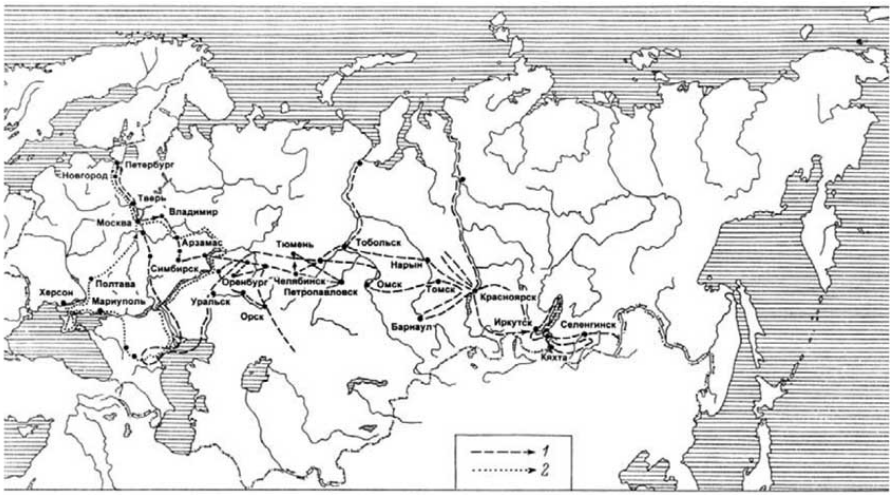
«Можно легко представить себе, что занятие это не было особенно приятно [Лаксману], так как он должен был видеть, что его собственные сибирские исследования, как по объёму, так и по точности, нередко уступали этим сочинениям, вовсе не упоминавшим о нём даже в таких местах, где сравнение было бы весьма поучительно, например, при описании горячих источников речки Турке. Нельзя полагать, что Георги не знал о "сибирских письмах" своего предшественника, но в настоящее время, по примеру Палласа, слава и влияние которого с каждым днём возрастали, он, вероятно, желал следовать его примеру постоянного умалчивания».

Рыжепоясничная, или даурская ласточка (Hirundo daurica)

Действительно, ничем другим подобную «забывчивость» объяснить нельзя, как только крайним пренебрежением Палласа и его команды к Лаксману. Даже когда они прибыли в Барнаул, который Лаксман оставил всего два года назад, в адрес жившего здесь исследователя не было сказано ни одного слова. В то же время много слов восхваления рассыпано многим живущим там горным мастерам — Лейбе, Гану и другим. О Лаксмане не упоминается даже при перечислении растений и животных, которых открыл этот естествоиспытатель, между тем Георги, по словам Лагуса, постоянно восхваляет Палласа *«часто весьма пышными эпитетами»*.

Видимо, такое отношение объясняется тем, что в то время Паллас не рассматривал Лаксмана как самостоятельного учёного, но только лишь как корреспондента Линнея, с которым Паллас не сотрудничал.

Во второй раз интересы Лаксмана и Палласа столкнулись вокруг научного наследства Фалька, который застрелился в Казани. Этот неуравновешенный, психически нездоровый человек, был подвержен частым депрессиям. Он тоже был учеником Линнея и считался другом Лаксмана. Но и Паллас тоже считал его своим *«искренним»* другом. Научное наследие Фалька насчитывало около 7000 листов, написанных на разных клочках, часто не связанных между собой. Но всё равно это был очень ценный научный материал, и Георги, которого Фальк обвинял во всех своих бедах, хотел забрать его себе. Паллас тоже делал всё возможное, чтобы получить в своё распоряжение эти дневники и сборы. И тем не менее, осенью 1774 года все материалы были переданы Академией Лаксману. Разумеется, отношения Палласа и Лаксмана в этот период были довольно напряжённые. Получив бумаги Фалька, Лаксман в этой интриге выиграл, но он совершенно не готов был к тщательной редакторской работе. Он продержал материалы у себя целых пять лет, но так и не смог привести их в порядок. После этого эпизода за Лаксманом закрепилась слава *«ленивого сочинителя»*.



Карта путешествий П.С. Палласа. 1— 1768–1774 гг.; 2 — 1793–1794 гг.

В то время академики писали очень много. Это было необходимо для поддержания имиджа. Сочинения подносились влиятельным покровителям, от кого зависело как продвижение по службе, так и денежное вознаграждение. В этом отношении Паллас был в числе первых. Он работал очень плодотворно и на высоком научном уровне.

После того как Академию возглавил С.Г. Домашнев, там стали происходить большие перемены. Новый президент в августе 1776 года задал вопрос Академическому собранию: *«Какие места в России ещё не исследованы и где ещё можно надеяться сделать открытия?*» В ответ Паллас даёт программу экспедиционных исследований. Ниже мы приводим её полностью:

«Обзор путешествий, которые необходимо ещё сделать в Азиатской части Российской Империи.

1. В Оренбургской губернии много интересных открытий обещают пустынные степи (Deserts) за рекой Уралом, прежним Яиком. При наличии хорошей охраны следовало бы достигнуть и пройти по тянущимся от этой реки до Алтайских гор горным цепям.

2. Совершенно не тронута и обещает бесконечно много открытий в отношении горных богатств часть Уральских гор, расположенных к северу от р. Сосьвы, и вообще вся местность

между реками Печорой и Обью. Сюда должна быть направлена чисто минералогическая экспедиция, и для выполнения её задач по открытиям этого рода она должна быть усилена несколькими рудокопами и довольно большим числом рабочих.

3. В южном районе Сибири большого внимания наблюдателя, подкреплённого отрядом рудокопов, заслуживает гористая и дикая местность, расположенная между реками Чарышом и Томом.

4. В доступных для прохождения местах заслуживают также обозрения тянущиеся от р. Енисей до оз. Байкал приграничные горы. Не останется без интересных ботанических открытий всякое ботаническое путешествие за пределы этих гор до Монгольских пустынь, так же как и путешествие по Кяхтинской дороге вплоть до местожительства верховных правителей (commandants en chef) этой монгольской орды, называемого Ургой.

5. На севере Сибири полезно было бы произвести следующее путешествие: спуститься по р. Енисею до Океана и, возвратившись в Мангазею, подняться по течению Нижней Тунгуски, осматривая и изучая образующие горную цепь горы между Нижней и Подкаменной Тунгусками. После этого следует пройти от истоков первой из этих рек к Лене и посетить окружающие её устье арктические местности, а также всё течение р. Вилюй.

6. Расположенная за Леной самая восточная часть Сибири почти совершенно неизвестна в физическом отношении и очень мало изучена в отношении географическом; в этих диких районах можно было бы сделать несколько маршрутов, в особенности начиная от Колымского зимовья или Ямского острога.

7. Путешествие на Камчатку, продолженное с одной стороны Курильскими, а с другой Алеутскими островами и примыкающими к Северной Америке так называемыми Лисьими островами, помимо своего чрезвычайного, географического интереса, явилось бы для всех частей физики и натуральной истории самым важным из всех путешествий, которые можно было бы произвести в пределах обширной Российской Империи.

Более чем вероятно, что пустынная и гористая местность, ос тавшаяся в промежутках между дорогами, по которым следовали путешествовавшие по Сибири наблюдатели, таит в себе ещё беско нечно много интересных открытий по минералогии и скрывает предназначенные будущим векам богатства. Но в части ботаники

и зоологии Сибирь может считаться почти вполне исчерпанной, так что для этих двух областей знания всякое путешествие, кроме Камчатского, сможет дать лишь очень немного новых открытий».

Мог ли Паллас ошибаться в своих прогнозах? Он описал огромное количество видов растений и животных на территории России, в обработке у него находились многочисленные материалы — кроме своих собственных, добровольных и подневольных корреспондентов, поэтому он хорошо представлял, какой огромный потенциал последующих открытий таит в себе сибирская земля. Но быть абсолютным монополистом в области естествознания ему мешал Эрик Лаксман, который сам имел широкую переписку с большим количеством учёных Европы. И возможно, последние строчки его программы были направлены против своего собрата академика, с тем чтобы принизить значение новых естественнонаучных открытий Лаксмана, сделанных им в Сибири. Но это только предположение. Почему так написал всегда осторожный в выводах, точный в расчетах Паллас, осталось невыясненным.

И Лаксман, и Паллас в 70-х годах много путешествуют по России. Лаксман не утруждает себя писанием толстых книг и статей. О его открытиях учёный мир по-прежнему узнаёт из писем. В то время как Паллас публикует без ведома Лаксмана сданные в Академию дневниковые отчёты. В примечании Паллас писал: «*Данное сообщение так богато содержанием, что я не мог удержаться и не поместить его здесь, тем более что вследствие отсутствия автора оно могло бы долгое время оставаться ненапечатанным*».

Так или иначе, в соперничестве двух академиков победил Паллас. Признав первенство за Палласом, Лаксман становится его постоянным корреспондентом. И постепенно отношения между ними становятся деловыми, без особой теплоты и ревности. Из Иркутска он отсылает Палласу череп ископаемого носорога. Ему же была отправлена коллекция великолепных драгоценных камней, собранных в Восточной Сибири. В сопроводительном письме он открывает Палласу свою любовь к камням: «*Я до безумия и до мученичества влюблённый в камни и в дикой Сибири совсем испортивший свой вкус, не в состоянии судить о прекрасном. Поэтому осмелюсь переслать целую партию синих камней моих для представления их высшему приговору*».

Эти строки никак не могли быть написаны чужому, враждебному человеку. Далее в этом длинном письме Лаксман описывает природу долин речек Слюдяной и Безымянной, где были им открыты залежи ляпис лазури. Значит, время их примирило и расставило по своим местам, и они оба в меру своих способностей и сил служили познанию природных богатств России.

Более всего Паллас прославился изданием «Флоры России». Екатерина II хотела знать всё, что известно учёным о природе её громадного государства. Появление этой книги стало настоящим событием в российском книгопечатании.

Она украсила царствование императрицы, увековечила имя Палласа и до сих пор не потеряла своего научного значения, а полиграфические её достоинства остаются практически непревзойденными и более поздними изданиями. В хорошем кожаном переплете книга была поистине царским подарком для иностранных гостей.

Конец XVIII века был очень бурным. Паллас жил в России, но многие его друзья были во Франции, где бушевала революция. Переписка с вольнодумствующими учёными стала в России не в моде. Русский монограф Палласа А.К. Сытин связывает переезд Палласа в Крым именно предвестием опалы, которой Паллас искусно избежал. Была ещё одна причина, которая могла коснуться и судьбы, и карьеры Палласа. 12 августа 1794 года от управления Академией была отстранена Е. Дашкова. «*Любительницей свободных наук*» назвал Дашкову известный русский просветитель Н.И. Новиков. Она была соратницей и практически близкой подругой Екатерины II (если у императриц таковые могут быть).

Она попала в опалу за разрешение печатания книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но и после этой «провинности» Екатерина II не хотела надолго расставаться с Дашковой. Как следует из черновика распоряжения императрицы, она хотела лишь на два года сослать Дашкову в подмосковное село Троицкое с сохранением жалования.

Но Дашкова вскоре даёт разрешение на печатание в издававшемся при российской Академии журнале трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса была пронизана тираноборческими мотивами. Её главный герой выступал против

самодержавия Рюрика, отстаивая свободу Новгорода. В результате трагедию изъяли, Дашкову сослали, да и Паллас мог вполне попасть в число «провинившихся».

Впрочем, причины переезда Палласа в Крым могли быть и более простыми. Красота и богатство природы Крыма никого не могли оставить равнодушным. Вполне вероятно, что Палласу захотелось исследовать эту малоизученную территорию. Кроме того, здоровье Палласа требовало спокойной и размеренной жизни, тишины и уединения. Именно эти причины, очевидно, были главными при решении переселиться в Крым, куда он и переехал в 1795 году.

По какой-то звёздной случайности в этом же году в далёком Витебске, в семье скромного аптекаря родится мальчик, которого назовут Карлом. Он повторит путь Палласа на Алтай и станет академиком через пятьдесят лет. Это был К.А. Мейер.

П.С. Паллас не был мотом и очень экономно расходовал как свои, так и казённые деньги. Сумма самого продолжительного путешествия Палласа по России с апреля 1768 по 15 марта 1773 года была совершенно ничтожна. Они составила 1798 рублей. Правда, в эту сумму не входило жалование самого Палласа, которое составляло 800 рублей от Академии наук, 200 — прогонных и 500 — на путевые расходы. Надо сказать, что его помощнику капитану Рычкову жалование определялось в 100 рублей, а гимназистам Вальтеру, Зуеву и Соколову — всего по 72. Кроме того, жалование выплачивалось рисовальщику Дмитриеву — 100, чучельнику Шумскому — 150 и егерям по 10 рублей в год.

Практическая сметка и отсутствие средств заставляли искать пути дополнительных доходов. Поэтому он предпринял все необходимые действия, чтобы Екатерина II одарила его землей в Шуле и Судаке, домом в Симферополе и пожаловала ему 10 тысяч на обзаведение. Благодаря распоряжению императрицы, Паллас рассчитывал на содействие Таврического генерал–губернатора графа Зубова, губернатора Жигулина и своего друга вице–губернатора, натуралиста Габлицля. Уже через два года Паллас владел следующими участками: небольшим имением в Колму–Кала, в степи, в 18 верстах от Симферополя; полосой земли, занятой садами вблизи Симферополя, большим имением в 3 тысячи десятин в Шульской долине с виноградниками и дровяными лесами; 25 десятин виноградников в Судакской долине. Именно Палласу должны быть благодарны жители Крыма

за развитие виноградарства, поставленного на научную основу.

Паллас намного пережил Лаксмана. Он прожил в России 42 года, знал взлеты и падения, при жизни достиг земной славы и вкусил горечь забвения. В 1810 году 69-летним старцем, больной и изнурённый путешествиями, тяжёлым непрерывным трудом, семейными неурядицами, бросив всё в России, Паллас вернулся в родной дом в Берлине, чтобы начать новую жизнь.

Окружённый заботами своей дочери, обрадованный встречей с любимым братом, радушно и восторженно встреченный старыми друзьями и молодыми натуралистами, воспитанными на его трудах и преисполненными восхищения его подвигом изучения далёкой и суровой страны, Паллас продолжал свои научные работы. С жаром юноши он окунулся в мир новых естественно–географических открытий. Именно в это время взошла новая звезда первой научной величины — Александр Гумбольдт. Его судьба также вплетётся в арабески российской ботаники, и как знать, не завязался ли узелок между великим Палласом и блистательным Гумбольдтом где-нибудь на светском рауте. И не рассказы ли Палласа определили маршрут Гумбольдта по Сибири, который он осуществит спустя шестнадцать лет.

Здесь следует вспомнить и ещё об одном событии, произошедшем в Берлине, которое имело громадное значение для российской ботаники. Выпускник Грейфсвальдского университета Карл Фридрих Ледебур, отправляясь в Дерпт, где должен был занять профессорскую кафедру, посетил величественного старца. Об этой встрече Ледебур написал спустя тридцать лет: «*Когда в 1810 году мною наконец, было по*лучено приглашение работать в России, я воспользовался знакомством со знаменитым Палласом, жившим в то время в Берлине, чтоб получить от этого многоопытного мужа различные сведения о стране. С дружеским участием отнесся он к моим стремлениям, надеждам и даже написал несколько рекомендательных писем в Россию».

Как пишет А. К. Сытин, «личная встреча зачинателя и завершителя “Российской флоры” состоялась». Осуществилась связь времен, но это уже другая история.

Недолгой была жизнь Палласа в Берлине. Он скончался через год после возвращения 8 сентября 1811 года на руках своей дочери. Его похоронили в Берлине на Гальском кладбище. Тихая

могила зарастала бурьяном и забвением. Но в 1852 году по инициативе академиков Миддендорфа и Шренка на деньги, собранные среди академиков Петербургской и Берлинской Академий, на месте погребения был воздвигнут памятник со следующей эпитафией:

Petrus Simon Pallas
Berolinensis
Academicus Petropolitanus,
multas per terras jactatus,
ut naturam indagaret,
hic tantum requiescit.
Titulus ad ipso conscriptus.
Academiae Scientiarum
Berolinensis et Petropolitana conjunctae.
D C C C L II[9]

К этому можно было бы добавить только слова императора Павла I в рескрипте Палласу от 25 марта 1797 года: *«Я вполне уверен, что автор “Российской Флоры” везде употребил своё время на исследования и открытия, полезные человечеству»*.

История расставила по своим местам и Палласа, и Лаксмана, и оба они, несмотря на всю несхожесть своих стремлений, противоречия и, может, вражду, создали узор в бесконечном орнаменте истории российской ботаники.

Gentiana grandiflora Laxm.

КРУГ ВОСЬМОЙ. ФИШЕР, ТУРЧАНИНОВ, ЛАНГСДОРФ

Как люди становятся ботаниками? Это решается где-то на небесах, где плетутся судьбы и раздаются дары богов. Мы живём в прозаическое время, когда растительный покров неразличим из окна самолета, откуда он представляется не иначе как одно зелёное пятно, чередующееся с чёткими разноцветными квадратами жилых кварталов городов и крестьянских полей. И случайно забредая в густые заросли сорняков возле человеческого жилья, мы стараемся быстрее покинуть эту обитель застарелого мусора и недружелюбной крапивы.

И всё же перед некоторыми своими избранниками царица Цинхона открывает удивительный мир растений, абсолютно бесконечный, поразительно прекрасный, неповторимый своим разнообразием форм и цвета. Человек, очарованный невиданным богатством, становится «скупым рыцарем», собирающим «зеленые сокровища». Маленькие знания порождают большие, и хочется

узнать всё разнообразие видов, сотворённое природой. Страсть к этому знанию затмевает всё.

Для Провидения не важны ни происхождение, ни образование, ни должность. Главное, чтобы человек не уставал удивляться, чтобы у него не угасала жажда обладания этими зелёными драгоценностями, накопленными в тонких гербарных листах. И судьбе было угодно остановить свой выбор на маленьком Николеньке, родившемся в богом забытой Никитовке Бирючинского уезда Воронежской губернии в 1796 году.

Здесь провел свои первые годы Николай Степанович Турчанинов (1796–1864) — обыкновенный барчук, опекаемый нянькой, а позже — дядькой. Отец его был отставным военным, мелкопоместным помещиком. В доме велись обыкновенные разговоры о ценах на зерно, о нарядах, об охоте. Да и нравы вряд ли отличались от тех, что описаны Пушкиным в поэме «Граф Нулин»*: «В деревне скука, грязь, ненастье…*»

Вспоминая свои детские годы, Турчанинов рассказывал Бекетову, что уже с детских лет начал собирать гербарий.

«Я даже описывал тогда растения, описывал, разумеется, по-своему, без всякого понятия о ботанике, ибо у меня вовсе не было книг. Я даже не знал тогда о существовании науки ботаники и составлял себе довольно странные теории, например, хоть об образовании плода». Возможно, уже в это время возникла та страсть к приобретению знаний о растениях, которая сопровождала всю его жизнь. Очевидно, с того самого раннего детства жизнь для мальчика раздвоилась: одна — это обыденная жизнь, учеба в Воронежском народном училище, а потом в Харьковской гимназии, а другая — тайное любование растениями. В то время он не знал, как выразить эту любовь. Окружающие вряд ли разделяли его увлечение. Ещё немного лет — и Грибоедов выразит отношение общества к естественным наукам презрительной фразой Скалозуба: *«он химик, он ботаник»*.

И поэтому в 1811 году родители определили Николая в Харьковский университет на физико–математический факультет, который он окончил в 1814 году со степенью кандидата. В этот период его судьба схожа с судьбой великого художника слова С.Т. Аксакова, который несколько раньше его учился в гимназии и готовился к поступлению в Казанский университет. Казённые гимназии той поры были устроены по типу интернатов. Дети

жили в общежитии с полным казённым пансионом. Это диктовалось тем, что гимназии были только в крупных губернских городах и детей привозили издалека. Помещики позажиточней определяли своих детей по квартирам молодых учителей, которые и присматривали за ними, и давали дополнительные знания, — так называемые «*своекоштные*» гимназисты. Турчанинов скорее всего относился к таким приходящим слушателям гимназии. Его наставник вдобавок ко всему научил его латыни — языку ботаники того времени. Вряд ли гимназические нравы в Харькове существенно отличались от казанских, о которых Аксаков оставил ярчайшие воспоминания. Не будет большим уклонением от истины, если мы спроецируем воспоминания Аксакова на состояние и чувства молодого Турчанинова.

«Лучшие ученики в высшем классе, слушавшие курс уже во второй раз, конечно, надеялись, что они будут произведены в студенты; но обо мне и некоторых других никто и не думал. В тот же день сделался известен список назначаемых в студенты; из него узнали мы, что все ученики старшего класса, за исключением двух или трёх, поступят в университет; между ними находились Яковкин и я. В строгом смысле человек с десять, разумеется в том числе и я, не стоили этого назначения по неимению достаточных знаний и по молодости; не говорю уже о том, что никто не знал по латыни и весьма немногие знали немецкий язык, а с будущей осени надобно было слушать некоторые лекции на латинском и немецком языках. Но тем не менее шумная радость одушевляла всех. Все обнимались, поздравляли друг друга и давали обещание с неутомимым рвением заняться тем, чего нам недоставало, так чтобы через несколько месяцев нам не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчас был устроен латинский класс, и большая часть будущих студентов принялась за латынь. Я не последовал этому похвальному примеру по какому-то глупому предубеждению к латинскому языку. До сих пор не понимаю, отчего Григорий Иваныч, будучи сам сильным латинистом, позволил мне не учиться по-латыни.

Нельзя без удовольствия и без уважения вспомнить, какою любовью к просвещенью, к наукам было одушевлено тогда старшее юношество гимназии. Занимались не только днём, но и по ночам.

Все похудели, все переменились в лице, и начальство принуждено было принять деятельные меры для охлаждения такого рвения.

Дежурный надзиратель всю ночь ходил по спальням, тушил свечки и запрещал говорить, потому что и впотьмах повторяли наизусть друг другу ответы в пройденных предметах. Учителя были также подвигнуты таким горячим рвением учеников и занимались с ними не только в классах, но во всякое свободное время, по всем праздничным дням. Григорий Иваныч читал для лучших математических студентов прикладную математику; его примеру последовали и другие учителя. Так продолжалось и в первый год после открытия университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения! Я могу беспристрастно говорить о нем, потому что не участвовал в этом высоком стремлении, которое одушевляло преимущественно казённых воспитанников и пансионеров; своекоштные как-то мало принимали в этом участия, и моё учение шло своей обычной чередой под руководством моего воспитателя. Вероятно, он считал, что я не имел призвания быть учёным, и, вероятно, ошибался. Он судил по тому страстному увлечению, которое обнаруживалось во мне к словесности и к театру. Но мне кажется, что натуральная история точно так же бы увлекла меня и, может быть, я сделал бы что-нибудь полезное на этом поприще. Впрочем, родители мои никогда не назначали меня к учёному званию, даже имели к нему предубеждение, и согласно их воле Григорий Иваныч давал направление моему воспитанию. Конечно, университет наш был скороспелка, потому что через полтора месяца, то есть 14 февраля 1805 года, его открыли».

Возможно, был бы в университете факультет с естественными дисциплинами, жизнь Турчанинова прошла бы по-другому. Но тогда не было таких отделений. Он поступил на физико–математический факультет, а курс ботаники слушал на медицинском — там читал лекции профессор Франс Александрович Делавинь. Это был ещё один шаг в сторону ботаники. Все его детские воспоминания оживали, когда на листах гербария он узнавал научные латинские названия растений, с которыми был знаком давным-давно, и это доставляло ему радость. Здесь же, в залах Гербария Харьковского университета, он видел растения, которые не растут в его местности, и перед студентом открывался огромный и неведомый мир.

Вот какую ботаническую характеристику Харьковскому университету дают Р. Камелин и А. Сытин: *«Харьковский университет в то время был одним из значительных центров*

России. Много внимания ему уделял Ф.А. Маршалл фон Биберштейн, в то время уже почти закончивший свою знаменитую "Floratauricо–caucasica" и живший в своём недальнем имении в Мерефе.

Университетский ботанический сад находился под особым наблюдением попечителя университета, влиятельного петербургского сановника, графа С.К. Потоцкого. Коллекция ботанического кабинета насчитывала 11460 видов растений, а общее количество гербарных листов составляло 100 тыс. экземпляров». Эти флористические богатства не могли пройти мимо юного Турчанинова, и сам он часто и подолгу просматривал этот гербарий.

Другое обстоятельство, направившее его по стезе ботаники, было знакомство с Василием Матвеевичем Черняевым. Эта дружба продолжалась всю жизнь, и во времена студенчества, и когда В.М. Черняев стал профессором ботаники. Она во многом определила последний творческий этап великого ботаника, когда местом своего проживания он выбрал Харьков. *«Долгие годы спустя после университетского учения в преклонных летах эти два друга вспоминали с юношеским жаром свои ботанические похождения, чистосердечно сознавались они, что в уединённых, тогда ещё густых лесах Основы, Даниловки, Куряжа, в степи Роганской, вдали от городского шума, сосредоточенные в восторге от окружавшей их богатой растительности, они утверждались всё более и более в любви к науке и во взаимной дружбе, и в том направлении, по которому впоследствии оба шли неуклонно»* — писал об этой поре первый биограф Турчанинова Н.Д. Борисяк. Надо сказать, что Черняевым написана одна из лучших книг по изучению полезных растений Харьковской губернии, которая и сейчас не утратила своего значения.

В 1814 году, окончив физико–математическое отделение Харьковского университета, Турчанинов отправляется в Петербург для поиска места службы. Это диктовалось, прежде всего, необходимостью зарабатывать деньги на жизнь, поскольку его семья не была достаточно зажиточной, чтобы позволить сыну заниматься ботаникой. Он устраивается сначала в Министерство юстиции, а затем в Министерство финансов, где специализируется на финансовом контроле. Но всё свободное время он посвящает любимой ботанике и всякий раз ищет случая посетить ботанический сад на Аптекарском острове. Именно здесь произошло знакомство молодого Николая Турчанинова со

знаменитым учёным–садоводом, талантливым организатором Ф.Б. Фишером, которое во многом сформировало его как ботаника.

Фёдор Богданович Фишер (1782–1854) был намного старше Турчанинова. Он родился в Пруссии, в маленьком городке Гальберштат. В 1804 году окончил университет в Галле, а в 1812 году поступил адъюнкт–профессором в Московский университет. Однако проработал там недолго. Вскоре он был приглашен заведовать частным ботаническим садом к графу А.К. Разумовскому в Горенках. Благодаря энергии Фёдора Богдановича коллекции этого сада стали не только самыми крупными в России, но сам сад стал центром изучения российской флоры, затмив все академические учреждения объёмом коллекций и тщательностью проводимых исследований. Фишер всех поражал размахом своей деятельности. Он засылал своих эмиссаров в самые различные уголки света и, конечно же, в Сибирь. Отовсюду в больших количествах к нему стекался посадочный и гербарный материал. Все, что присылалось, высаживалось, изучалось, гербаризировалось. Без преувеличения, Ботанический сад Разумовского сыграл огромную роль для развития ботаники в России. Вот как писал о нём известный писатель П.М. Майков: *«Любимым пребыванием графа К.Г. Разумовского было подмосковное село Горенки, где он устроил замечательный ботанический сад, вызвал из заграницы для этого профессора Стефана, а потом Фишера. Сад этот считался одним из чудес Москвы и имел до 2000 родов растений; известные ботаники ездили в различные страны России для пополнения коллекции сада, при котором имелась огромная библиотека, богатейшая в России по естественным наукам. В оранжереях насчитывалось до 500 больших померанцевых деревьев, а сад был расположен на двух квадратных верстах. В теплицах выращивались долее неизвестные растения, получившие в честь графа название Rasumowia»*. Но так уж была устроена российская жизнь, что тот великий труд, который был затрачен на создание величайшего, даже по европейским меркам, ботанического сада в Горенках, со смертью его владельца пошёл прахом.

Фёдор Богданович Фишер (1782–1854)

А в ботаническом саду на Аптекарском острове, принадлежавшем в то время Императорской медико–хирургической академии, царили разор и запустенье. Это следует из многочисленных жалоб его директора Ясона Петрова в вышестоящие инстанции. Здесь не было его вины. Управлял финансами всё тот же Разумовский, которому, очевидно, роднее был свой сад в Горенках. Вот как, по свидетельству автора замечательной истории Императорского ботанического сада В.И. Липского, выглядел ботанический сад, который застал Турчанинов и который принял Ф.Б. Фишер в 20-х годах: *«Ботанический сад Академии сначала помещался на Аптекарском острове, там профессору полагалась квартира; лекции он читал в*

Академии, но для экскурсий студенты летом еженедельно отправлялись в сад. Всё здесь представляло картину разрушения: и квартиры и сад. По словам профессора Ясона Петрова, крыша и потолок в квартире служителей обветшали до того, что во время дождя во многих местах течёт вода в комнату и трубочисты ходить на верх отрекаются. Фундаменты домов разстроены так, что некоторые стены оседают и пропускают ветер со всех сторон, отчего открытые двери сами собой запираются. Дождь отмачивает штукатурку, и та падает большими кусками. Не лучше были помещения для растений. Прежде насчитывалось 20 оранжерей и 34 парника, потом число оранжерей сократилось до 5, а парников до 6. Оранжереи готовы были рухнуть от ничтожного сотрясения; во время морозной погоды растения в них гибли от холода...»

В одном из донесений Петров даже предлагал продать все тропические растения из оранжереи. И вот это хозяйство принял Фишер в 1823 году. Н.С. Турчанинов в это время был в Петербурге и знал состояние ботанического сада.

Императорский Ботанический Сад Петра Великого (старое здание Гербария и Библиотеки на Песочной улице)

Очевидно, не раз он сетовал на отношение власть имущих к ботанике. И на его глазах произошли изменения, связанные с деятельностью его нового директора. За два года Императорский

сад фактически из руин превратился в крупное научное учреждение мирового уровня. Профессор ботаники Петербургского университета Бонгард восторженно отзывался о деятельности Ф.Б. Фишера, вернувшегося из-за границы с богатейшими поступлениями в коллекции: *«Этот изысканный ботаник вернулся с такими сокровищами, что уже в конце первого года сад предложил такое большое количество растений со всех концов света, что превзошёл в этом отношении Горенки своим великолепием. Сегодня, бесспорно, это самый красивыйсад этого типа».*

Квитанция.

Дана сія Г. Адъюнкт Профессору Императорской Медико-хирургической Академіи Ивану Прокофьевичу Прото попову, въ томъ, что Ботаническій Садъ находящійся въ ведомствѣ оной Академіи со всѣми къ оному служительскими строеніями и инструментами и прочими вещами по описи въ свое Управленіе принялъ. Дана 5-го дня 1820. года.

Директоръ Императорскаго Ботаническаго Сада

Федоръ Фишеръ

Квитанция о приёмке Ф.Б. Фишером ботанического сада, принадлежащего Императорской Медико хирургической академии

А между тем коллекции сада росли так стремительно, что Фишер не успевал обновлять каталоги. Генералу Раевскому на его запрос по этому поводу он отвечал: *«К сожалению, я не могу отправить вам, мой генерал, каталог ботанического сада: нет старого каталога 1824 года, который содержит едва ли половину*

растений, которые есть в саду сейчас. Если Вам угодно, когда понадобится использовать меня в качестве каталога, то это будет лучше».

Очевидно, у Турчанинова не было в тот момент другого учителя кроме Ф.Б.Фишера, который был единственным штатным ботаником в саду и практически знал все 15 тысяч выращиваемых растений. Держа в порядке весь сад, Фишер успевал описывать новые виды. Турчанинов видел поступления от одесского аптекаря О.И. Шовица, приславшего гербарий закавказских растений, насчитывающий 60 тысяч листов. Ему посчастливилось познакомиться с гербарием бразильских растений, который был прислан русским консулом, экстраординарным академиком Г.И. Лангсдорфом и ботаником Л. Риделем, состоящий из 8 тысяч видов (80 тысяч листов). Бесценные грузы, таящие многочисленные открытия, доставлялись в северную столицу обыкновенной почтой. Благодаря Лангсдорфу, северный город Петербург на несколько лет стал ботаническим центром по описанию новых тропических видов.

Григорий Иванович Лангсдорф (Георг Генрих фон Лангсдорф) — это потерянное и вновь обретённое российское ботаническое имя. Липский в своей обстоятельной монографии об истории Императорского сада не упоминает о нём, только приводит слухи, что у Фишера в Бразилии было своё ботаническое представительство.

Григорий Иванович Лангсдорф (1774–1852)

Г.И. Лангсдорф был удивительным человеком. Задолго до своих бразильских путешествий он участвовал в первом кругосветном плавании российского флота. Он буквально упросил капитана И.Ф. Крузенштерна и российского посла Н.П. Резанова взять его натуралистом на одно из российских судов. Настойчивость и безграничная преданность науке произвели на руководителей плавания большое впечатление, и отказать Лангсдорфу они не смогли. «Радость и благодарность Лангсдорфа нелегко описать, — писал Крузенштерн. — *Он заявил о своей готовности по возвращении возместить то золото, которое он потратит из своих средств, если Император ни чего не сделает для него».*

Жажда познаний Лангсдорфа была удовлетворена сполна. Вместе с экспедицией он побывал на Канарских и Маркизских островах, в Бразилии и Японии, Аляске и на Камчатке. В качестве личного врача Н.П. Рязанова он участвовал в дипломатической миссии в Калифорнию, где началась великая и романтическая любовь русского вельможи и юной испанской девушки. Но это уже неботаническая история.

Хорошее знание португальского языка определило дальнейшую судьбу талантливого натуралиста. Он становится консулом в Бразилии и получает возможность проводить более детальные исследования вдоль побережья Атлантического океана — в окрестностях Рио–де–Жанейро и Сан–Паулу. Интереснейшие сведения о природе Бразильского нагорья, населяющих её индейских племенах, богатые коллекции минералов, растений и животных регулярно переправлялись в российскую Академию, а также в музеи Германии, Англии и Франции.

Закончив свою консульскую миссию, Лангсдорф возвращается в Россию. В 1821 году, намереваясь отправиться с торговым караваном в Бухару, он выехал в Оренбург, но экспедиция была отложена на неопределённое время. А вскоре он получил личное указание Александра I вернуться в Бразилию во главе снаряжённой на средства *«Кабинета Его Величества»* научной экспедиции, в которой он пробыл до 1829 года.

Обратно в Европу Лангсдорф вернулся совершенно больным и неспособным к работе. Ввиду расстройства умственных способностей (следствие перенесённой тропической лихорадки), Лангсдорф был не в состоянии обработать собранные им материалы, а вскоре после смерти его имя утерялось почти на сто лет.

Учитывая увлечённость Турчанинова растениями, можно не сомневаться в том, что и он вместе с Фишером принимал участие в разборке поступающих из далёкой Бразилии ботанических коллекций.

Несмотря на большую занятость, Фишер добросовестно формировал дублетный фонд, обменивался и растениями, и гербарием с различными европейскими учреждениями, обогащая свои коллекции. Безусловно, Турчанинову было чему поучиться у шефа, и впоследствии он на протяжении всей своей жизни

собирал растения, где только это было возможно, обменивался с коллегами, шёл на любые материальные затраты, покупая чужие коллекции. Живя далеко в Сибири, оторванный от ботанических центров, от новейшей литературы, от общения с коллегами, он описывал новые виды из Китая, Филиппин, Индонезии, Австралии, Новой Зеландии, Африки, Мексики, Венесуэлы, Перу, Чили. По мнению Р. Камелина и А. Сытина, в общей сложности Н.С. Турчаниновым описано около 150 родов и более 1000 видов. А гербарий к концу его жизни насчитывал более 150 тысяч листов.

Прогулки в окрестностях Петербурга, активное гербаризирование растений не прошло даром. В 1825 году он публикует «Список растений, находящихся в окрестностях Санкт–Петербурга», в котором указывает 646 видов растений. Это на добрую сотню видов больше, чем было отражено в предыдущей сводке Г.Ф. Соболевского. Выполняя свою первую научную работу, Н.С. Турчанинов общался со многими ботаниками. Прежде всего, ему помогал академик Карл Антонович Триниус, который и впоследствии оказывал Турчанинову большое содействие.

Остаётся всё же неясным, почему Турчанинов не стал профессиональным ботаником. Конечно, трудно поверить, что преградой научной деятельности стала русская национальность, как считали некоторые его биографы. Скорее всего, действительно в тот момент в ботаническом учреждении не было вакансий. Кроме того, у него не было специального биологического образования для замещения профессорской должности. Он работал в Министерстве финансов на должности финансового контролёра. Острый глаз, великолепная зрительная память, способности к логическому анализу позволяли ему блестяще справляться со своими обязанностями.

И скорее всего, по совету Ф.Б. Фишера и К.А. Триниуса, он «выхлопатывает» себе должность в Восточной Сибири, куда отправляется в 1828 году.

Ни один из биографов Турчанинова, которые к тому же были ботаниками (А.Н. Бекетов, С.Ю. Липшиц, Е.М. Козо–Полянский, Р.В. Камелин и А.К. Сытин), никак не освещают период с 1814 до 1828 года. Но именно в этот период проходило становление Николая Степановича как ботаника–профессионала, как человека. Формировался круг его друзей, в числе которых оказался опальный офицер Н.С. Карелин. Но это уже другая ниточка в

бесконечном узоре ботанических арабесок. Очевидно, Турчанинов участвовал в знаменательном событии встречи в Петербурге знаменитого путешественника Александра фон Гумбольдта, который, словно метеор, пронесся по Сибири, оставляя яркий след своего таланта.

КРУГ ДЕВЯТЫЙ. ГУМБОЛЬДТ, КАНКРИН, ТУРЧАНИНОВ

На начало XIX века пришёлся переломный момент в истории России. Молодой Император Александр I решил начать крупные преобразования в стране. Крупные успехи были достигнуты им в сфере образования: во всех уездных городах учредил уездные училища, а в губернских — гимназии; открыты новые университеты в Казани, Харькове и Санкт–Петербурге, а прежде бывшие университеты в Москве, Вильне и Дерпте устроены в лучшем виде. Кроме того, в Санкт–Петербурге и Москве были устроены высшие учебные заведения под названием педагогических институтов для подготовки учителей в гимназии. Реформировалась и Академия, которая, по принятому в 1803 году регламенту, стала называться Императорской Академией наук. На русском языке стали выходить периодические научные издания «Умозрительные исследования» и «Труды Академии наук». Авторитет Академии в тот момент неуклонно возрастал о чём свидетельствует список её иностранных членов, среди которых имена блистательных писателей и учёных XIX века: А.–М. Ампера, Т.Г. Гексли, И. Гёте, А. Гумбольдта, Ч. Дарвина, Ж. Кювье и многих других.

В первой половине XIX века в российском обществе произошли большие изменения, связанные, прежде всего, с ростом национального самосознания. Трибуной для выражения новых идей стали русское исскуство и, особенно, литература. В этот период появляется много новых писателей и поэтов, произведения которых стали русской классикой: И.А. Крылов, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов. Развивается гений Пушкина, шокирующее неудержимое поведение и талантливые творения оказали огромное влияние на интеллигенцию. Пушкин и великие писатели времени уже следующего Императора Николая I Гоголь и Белинский произвели совершенный переворот в литературе.

Одним из значительных событий не только в научной, но и в общественной жизни России того времени было посещение

Сибири Александром фон Гумбольдтом. Без преувеличения, это путешествие имело мировое значение, широко освещалось всеми газетами и вызвало новую волну интереса к познанию природных богатств России.

Александр Фридрих Вильгельм Гумбольдт (1769–1859) — крупнейший естествоиспытатель начала XIX века, который совершил ряд научных открытий в геологии, минералогии, географии, ботанике. Известно, что Гёте недолюбливал Гумбольдта, но когда речь шла о знаниях, великий поэт говорил, что Гумбольдт один равен целой академии. Его духовное развитие пришлось на конец «просвещённой» эпохи Пруссии при Фридрихе II, правление которого отмечено развитием наук. Один из первых монографов Гумбольдта Р. Гайом писал: *«Король мог находить известную прелесть в саркастической мудрости Вольтера, в карикатурной теории де Ламетри, в грубом материализме гольдбаховской "Системы природы" подобно тому, как находил удовольствие во французской стряпне, появившейся на его столе, но только для своего ума... Для широкого обихода эту слишком острую философию приходилось разбавлять: ей не следовало стремиться так неуклонно к своим конечным выводам...»*

Гумбольдт застал «золотой век» и был воспитан на одних и тех же ценностях, что и Паллас, который был старше его на 26 лет. Они имели общего знакомого — естествоиспытателя И.Г. Форстера, который совершил поездку с капитаном Куком и которого одно время Паллас приглашал для работы в Россию. Молодой Александр Гумбольдт, безусловно, знал этого прославленного учёного, великого натуралиста–естествоиспытателя, поставившего точку в развитии естественных наук, как единой нерасчленённой всеобщей гео- био- натуральной истории. Крупнейший путешественник и первооткрыватель внутренней части континента Южной Америки, Гумбольдт вместе с французским ботаником Э. Бонпланом открыл пространства водоёмов великих рек Америки. В 1829 году, благодаря содействию министра финансов России Е.Ф. Канкрина, совершил путешествие к Каспийскому морю, на Урал и Алтай, вовремя которого открыл гигантскую систему внутренних соответствий между горными хребтами, климатом, течением рек между Каспием и Тянь–Шанем.

Страсть к путешествиям стала проявляться у Гумбольдта благодаря знакомству с различными растениями. В письме французскому физику Пикте в 1808 году, уже после

блистательного путешествия по Южной Америке, он писал: *«Я ничего не слышал об изучении растений до 1788 г., когда я имел случай познакомиться с Вильденовым, который только перед этим опубликовал свою “Флору Берлина”. Его мягкий и любезный характер способствовал ещё большей любви к ботанике. Он не давал мне формальных уроков, но я приносил собранные мною растения, и он их определял. Я увлёкся ботаникой и особенно низшими растениями. Вид даже сухих растений заполнял мое воображение теми радостями, которые должна доставлять растительность более теплых стран. Вильденов был в тесном контакте с Тунбергом и часто получал от него японские растения. При виде их я не мог не думать о посещении этих стран»*. Таким образом, география обязана ботанике появлению великого путешественника.

Позже увлечение растениями переросло в серьёзную научную работу, и Гумбольдт основал целое направление в ботанике — географию растений. Подобно тому, как много позднее В.И. Вернадский вдохнёт жизнь в термин «экология», предложенный Зюссом, так и Гумбольдт использует малоупотребляемое сочетание слов и сделает из них одно из актуальнейших в наши дни направлений науки, изучающей закономерности распределения растений по поверхности Земли. И что особенно важно, он предвидел значимость своих идей. В небольшой работе «О географическом распределении растений» он отметил: *«Поделив земной шар на продольные полосы между двух меридианов и сравнивая численность соотношения видов для одних и тех же широтных изотерм, можно установить существование различных систем группировок видов»*.

Гумбольдт, да простят меня приверженцы других наук, был в большей степени всё же ботаником. Это следует хотя бы из того, что из громаднейшего научного наследия большая часть — это книги *in folio*, посвящённые растениям. При этом он очень гордился своими ботаническими достижениями: *«Из пяти тысяч пятисот видов явнобрачных (*цветковых в современном понятии — А.К.*), найденных нами, три тысячи новых и совершенно не известных ботаникам видов. Это приобретение науки покажется особенно значительным, если вспомнить, что в книге “Sistema Vegetabilium”, изданной в 1797–1811 гг. Вильденовым, включая и папоротники, описано только три тысячи сто восемьдесят семь растений из тропической Америки»*. А всего в то время ботаники знали 38 тысяч видов. Первую свою награду, золотую медаль от курфюрста Саксонии, Гумбольдт получил за «Флору Фрейнберга»,

которая нашла всеобщее признание. О приверженности Гумбольдта к ботанике говорит и тот факт, что, вернувшись из Америки, он совместно с Бонпланом в 1805 году в Париже издаёт два тома «Plantae aequinoctialae»[10], где приводит почти 40 новых для науки родов растений, сопровождая описания растений превосходными иллюстрациями. Он разорился, издавая великолепнейшие ботанические фолианты, в которых рисунки раскрашивались вручную в каждом экземпляре! Могут возразить, что Гумбольдт всегда пользовался услугами других ботаников, например, Вильденова, а после его смерти — Карла Куна. Но, прочитывая небольшую работу «О географическом распределении растений», можно насчитать свыше 700 (!) видов растений, процитированных автором, причём видов из различных частей света. Исходя из этого, можно с уверенностью говорить о Гумбольдте как о крупнейшем ботанике XIX века.

Гумбольдт первый из ботаников обратил внимание на однотипность изменения габитуса различных растений в одинаковых условиях, то есть показал существование экоформ: *«Бесчисленное множество растений, покрывающих землю, при внимательном наблюдении можно свести к немногим основным формам»*. Только спустя целое столетие К. Раункиером в Швеции и И.Г. Серебряковым в России будут разработаны системы экоформ.

Идеи Гумбольдта о сумме температур, необходимой для каждого растения, привели его последователя Мейера к развитию прогностических предположений в интродукции растений. Метод климатических аналогов, предсказанный Гумбольдтом и разработанный Мейером, более чем сто лет был главенствующим при отборе растений для интродукции. Благодаря этому, культурофлоры стран мира взаимно обогатились новыми полезными растениями. В небольшой по объёму работе «Идеи о географии растений», посвящённой французскому ботанику Лорену Жусье (1748–1836) — автору первой естественной системы растений, Гумбольдт впервые затрагивает вопрос о значении интродукции растений. Приводя примеры стихийной интродукции винограда из районов Каспия, вишни — из Понта в Италию, а также на основании других примеров, он делает вывод, что *«человек по своему желанию изменяет первоначальное распределение растений и собирает вокруг себя произведения отдалённых климатов»*.

Современная флористика опирается на метод конкретных

флор как единицу сравнительного анализа. Эти идеи стали развиваться только в середине XX столетия, но предсказаны они также Гумбольдтом: *«Можно пожелать, чтобы уже существовала полная флора двух областей по 20000 кв. миль каждая, лишённых высоких гор и плато, которые были бы расположены между тропиками в Старом и Новом Свете».*

В Россию Гумбольдт стремился всегда. Но сумел осуществить свою мечту благодаря министру финансов России Е.Ф. Канкрину, с которым был давно и близко знаком. Министра всерьёз интересовал вопрос о замене золотых монет на платиновые и он считал, что именно Гумбольдт способен помочь ему, отыскав в России новые месторождения платины. И тогда граф Канкрин в одном из писем предложил Гумбольдту совершить путешествие по России, назначив конечными пунктами Урал и Арарат. 26 февраля 1828 года Гумбольдт отвечал графу, что с дозволения короля прусского он решился предпринять такое путешествие весною 1829 года, и в первое время намерен посетить Уральские горы и доехать до Тобольска, не надеясь, однако, достигнуть Алтайских гор. А в следующем году предполагает отправиться на Арарат, а также в Персию.

При получении такого отзыва граф Канкрин доложил суть письма Государю императору. Александр I изъявил на приезд Гумбольдта своё согласие и приказал назначить из Государственного Казначейства сумму на издержки по этой экспедиции, предоставив собственной воле учёного совершить прежде путешествие на Уральские горы, а в следующие годы — на Арарат и другие места, которые он признает любопытными для своих исследований. Ещё не выезжая из Берлина, Гумбольдт получил перевод на 1200 червонцев.

18 апреля 1829 года Гумбольдт в сопровождении берлинских профессоров — минералога Густава Розе и натуралиста Христиана–Готфрида Эренберга — прибыл в Петербург. Государь отметил заслуги великого учёного орденом Св. Анны I степени. На путешествие было выделено 20 000 рублей, из которых Гумбольдт возвратил 7 000. По его просьбе эти деньги были ассигнованы на путешествия Гельмерсена и Гофмана.

Экспедиция была организована с предельной тщательностью. Всюду заранее были подготовлены экипажи, квартиры, лошади; в проводники Гумбольдту назначен чиновник горного департамента Меншенин, отлично владевший немецким и

французским языками; в опасных местах на азиатской границе путешественников сопровождал конвой; местные власти заранее были уведомлены о прибытии путешественников. Одним словом, эта экспедиция скорее походила на *voyage* представителей «голубой крови» и сильно отличалась от той, когда Гумбольдт и Бонплан плыли по Ориноко в индейском челне, шли босиком и мокли под ливнями, пробираясь через горные перевалы в Андах.

По совету графа Канкрина, Гумбольдт составил маршрут предстоящего путешествия. Первоначально предполагалось доехать до Екатеринбурга, оттуда отправиться в Богословские заводы и, возвратившись в Екатеринбург, следовать до Тобольска. Отсюда через Омск доехать до Семипалатинской крепости и, если можно, до Бухтарминской и, возвратясь в Омск, выехать на Оренбургскую линию, а доехав до Троицка, отправиться в округ Златоустовских заводов и осмотреть заводы Кыштымские; отсюда, выехав снова на

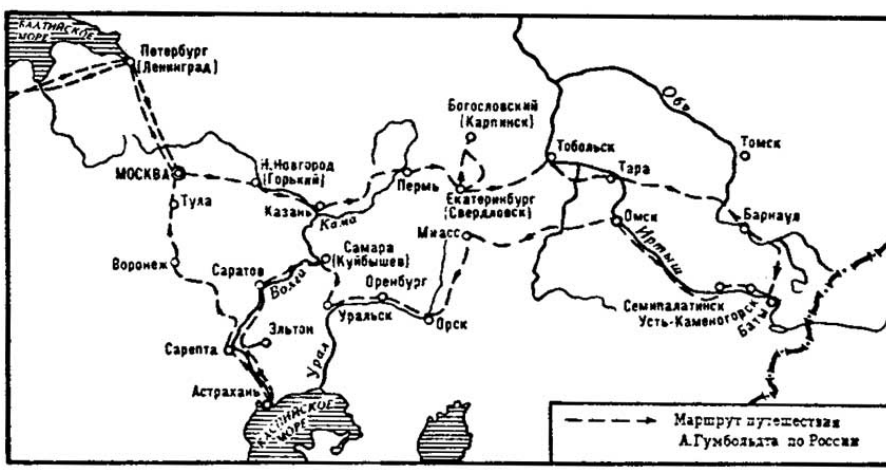
линию, отправиться в Оренбург и через Самару, Симбирск и Москву возвратиться в Санкт–Петербург.

Прекрасное время года и быстрота переездов изменили маршрут совершенно, так что Гумбольдт из Тобольска проехал на Колыванские заводы и даже в пределы Китая со стороны Омской области; а из Оренбурга, через Уральск и Саратов, посетил Астрахань; откуда, через землю войска Донского, посетил Воронеж, Тулу и Москву и после этого возвратился в Петербург.

Маршрут этого путешествия известен из записок его спутников Розе и Эренберга, переведённых на русский язык в 1857 году.

10 июля 1829 года, когда Гумбольдт был в Тобольске, он меняет свой маршрут и едет на Алтай. За 9 дней Гумбольдт и его спутники преодолели 1500 вёрст до Барнаула по маршруту Тара–Каинск–Бараба. Впечатления у Гумбольдта остались не самые приятные: *«15-го числа рано утром приезжаем в Тару, а вскоре потом въехали мы в так называемую Барабу, здесь должны были ехать по наихудшей бученой дороге, ибо большая часть сей огромной степи состоит из болот непроходимых, заросших высоким тростником, простирающихся вёрст по 50 по обоим сторонам оной»*. В другом письме он называет Барабинскую степь *«страшной по множеству язвительных, из семейства долгоножек, насекомых»*. Неудобства пути усилились известием об эпидемии сибирской язвы. И тем не менее, по собственному признанию

Гумбольдта, *«настоящую радость азиатского путешествия нам дал только Алтай»*. 21 июля Гумбольдт прибывает в Барнаул, по его словам, *«один из красивейших городов Западной Сибири»*. От него путь лежит мимо живописного Колыванского озера в Змеиногорск, Риддер, Зыряновск, Усть–Каменогорскую крепость, а дальше к границе с китайской Джунгарией. Это было благодатное предосеннее время, и природа поразила воображение Гумбольдта. Много позднее в книге «Картины природы» он даёт великолепное описание алтайской степи, сделанное где-то недалеко от Усть–Каменогорска: *«Растительность азиатских, кое где холмистых и разделённых сосновыми лесами, степей много разнообразней, чем в льяносах и пампасах Каракаса и Буэнос–Айреса. Самую красивую часть равнины, населённую племенами азиатских кочевников, украшают низкорослые кустарники из семейства розовых с роскошными белыми цветами, рябчики, тюльпаны и башмачки. В то время как жаркий пояс отличается в целом тем, что все растения становятся в нём древовидными, для некоторых среднеазиатских степей умеренного пояса характерна та необыкновенная высота, которой достигают цветущие травы сосюреи и другие сложноцветные, бобовые и в особенности множество разных видов астрагала. Когда едешь в низкой татарской повозке по бездорожью травяных степей, можно ориентироваться только стоя и наблюдать, как обступившие, словно лес, растения склоняются под колесами. Одни из этих азиатских степей — травяные равнины, другие покрыты сочными вечнозелеными солянковыми растениями».*



Путешествие Гумбольдта по России (12 апреля – 28 декабря 1829 г.)

Однако радость долгого и захватывающего путешествия Гумбольдта по просторам России было изрядно омрачена назойливой подозрительностью чиновников. От ареста он был гарантирован, но определённая опасность исходила от малообразованных и враждебно настроенных военных начальников русских поселений. В русском историческом журнале «Русская старина» было напечатано следующее письмо от исправника Ишима к сибирскому генерал–губернатору, писанное в 1829 году, когда Гумбольдт проводил здесь свои изыскания:

«Несколько дней тому назад приехал сюда немец, приземистый, невзрачный на вид, с рекомендательным письмом от Вашего Превосходительства. Согласно письму, я принял его учтиво, но должен сознаться, что мне он кажется человеком подозрительным и даже опасным, невзлюбил я его с первого взгляда. Слишком много говорит и пренебрегает моим гостеприимством. Чиновным людям в городе никакого внимания не оказывает, а водится всё больше с поляками и прочими политическими преступниками. Осмелюсь довести до сведения Вашего Превосходительства, что его шашни с политическими не ускользнули от моей бдительности. Один раз он ходил с ними на гору, с которой виден весь город. Они брали с собой какой то ящик и вынимали оттуда какую-то трубку, которую мы все приняли за ружье. Укрепивши эту трубку на треножнике, они навели вниз на город и один за другим смотрели, хорошо ли видно. Это явно большая опасность для города, в котором все постройки деревянные; так что я послал отряд войска с заряженными винтовками следить за немцем на горе. Если оправдаются мои подозрения относительно вероломных замыслов этого человека, мы готовы положить жизнь за Царя и Святую Русь. Сию депешу посылаю Вашему Превосходительству с нарочным».

Более характерное письмо, чем это донесение жандармского чиновника, найти трудно. Цивилизованный мир должен поздравить себя с тем, что блестящей карьере великого Гумбольдта не положила конец пуля из казацкой винтовки или полицейская сабля в то время, как он, при помощи угломера, делал съемку в маленьком сибирском городке Ишиме.

Гумбольдт вроде бы особняком стоит в истории российской ботаники, но всё же есть узелок, который связывает его с Н.С. Турчаниновым и Г.С. Карелиным, — это общее знакомство с

графом Канкриным. Возможно, Турчанинов пользовался большей свободой, работая в Министерстве финансов, благодаря покровительству сиятельного графа Егора Францевича Канкрина (1774–1845).

Это был необычный министр финансов. Родился он в 1774 году в Ганау (Гессен); занимался в университетах Гессена и Марбурга. Приехал в 1797 году в Россию, где его отец заведовал старорусскими соляными заводами. Он много наблюдал, имел своё мнение о разных отраслях сельского хозяйства. В 1800 году по просьбе графа Остермана Канкрин подал записку о развитии овцеводства в России. Записка понравилась, и молодого человека назначили помощником отца. В войне с Наполеоном он служил генерал–интендантом. А позже написал научный трактат об интендантстве и войне. И хотя его книги выходили анонимно, он пользовался уважением как финансист. Александр I в 1823 году пригласил его возглавить Министерство финансов и не ошибся в своем выборе.

С именем Е.Ф. Канкрина связано упорядочение русской денежной системы, усиление протекционизма и улучшение государственной отчётности и счетоводства. Стремясь развивать промышленность в государстве, Канкрин провел ряд инициатив: учредил мануфактурный совет, устраивал промышленные выставки в Санкт–Петербурге и Москве, давал специальные поручения агентам министерства за границей, основал Технологический институт в Санкт–Петербурге, распространял специальные издания, устранял формальности при открытии промышленных учреждений; содействовал расширению овцеводства, горного дела (преобразование горного законодательства, казённой горной промышленности, горного управления, корпуса горных инженеров, организация геологических изысканий); лесного дела (преобразование лесного института, новые училища для подготовки лесничих, заграничные командировки, особые инструкции по лесному хозяйству); ввел уставы о векселях, торговой несостоятельности и о системе российских мер и весов. И что немаловажно, он понимал, что только изучение всех природных ресурсов поможет упрочить экономическое положение России.

Длительное пребывание его на посту министра, своеобразный внешний вид и характер становились предметом многочисленных салонных острот великосветских шутников. Среди них был и такой анекдот:

«Граф Канкрин справшивает директора департамента: — А по каким причинам хотите Вы уволить от должности этого чиновника? — Директор: — Да стоит только посмотреть на него, чтоб получить от него отвращение: длинный, сухой, неуклюжий немец, физиономия суровая, рябая... — Граф Канкрин: — Ах, батюшка, да Вы мой портрет рисуете! Пожалуй, Вы и меня от должности отрешить захотите!»

Другой анекдот касался введения в российский оборот ценных бумаг и бумажных ассигнаций, его приписывают весельчаку и балагуру А.С. Меншикову — адмиралу и управляющему морским министерством.

«Однажды Меншиков разговаривал с государем, увидал проходящего Канкрина и говорит: — Фокусник идет. — Какой фокусник? — спрашивает государь, — министр финансов что ли? — Фокусник, — продолжал адмирал, — в правой руке держит золото, в левой платину, дунет в правую — ассигнации, дунет в левую — облигации».

Именно при содействии графа Канкрина на ботанические исследования выделялись десятки тысяч рублей. Так, К.Ф. Ледебуру была предоставлена возможность совершить своё первое путешествие, Карелину он помог осуществить самое знаменитое его путешествие на Алтай, десятки лет покровительствовал Н.С. Турчанинову. Можно смело признать, что все блестящие ботанические исследования в середине XIX века были совершены только благодаря помощи министра финансов России.

При этом Е.Ф. Канкрин был очень рачительный (если не сказать скупой), очень осторожный экономист, умеющий держать и сохранять государственную копейку, и тем не менее, он поощрял ботанические исследования. Можно было бы объяснить такое отношение тем, что граф сам проявлял интерес к ботанике или увлекался гербариями. Но это не так. Кроме того, ему была известна пренебрежительная фраза, брошенная Наполеоном Гумбольдту при знакомстве: «Вы занимаетесь ботаникой? — спросил Наполеон путешественника, — моя жена делает тоже самое». Скорее всего, это был всё же экономический расчет на возможную пользу от исследований растительного мира России. И кроме того, как проницательный человек он не мог не понимать значимость своих деяний для науки. Ведь благодаря его поддержке Карелин, Кирилов, Ледебур, Турчанинов наперегонки публиковали в

Бюллетене Московского общества испытателей природы описания новых видов.

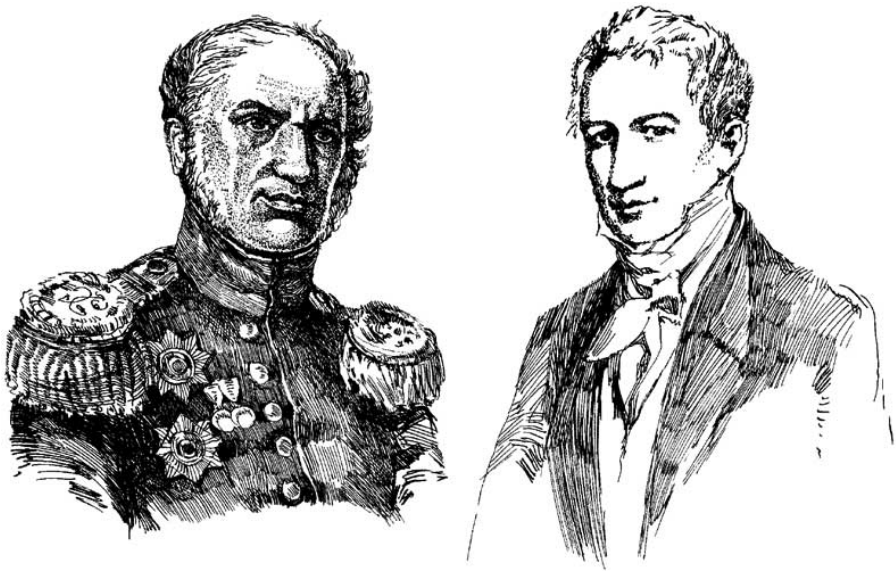
И сегодня, в тяжёлое для всей фундаментальной российской науки время, приятно сознавать, что были в России такие чиновники, как Егор Францевич, которые, не требуя ни степеней, ни научных званий, помогали развиваться отечественной науке.

Известно много писем Гумбольдта к Канкрину, в которых он благодарит графа за организацию поездки по России. Из этих писем следует, что министр финансов чрезвычайно был заинтересован в изучении растительных богатств России, что он и сам когда-то выдвигал теории по происхождению степей. Гумбольдт был очень доволен поездкой, о чём явно свидетельствуют его письма графу.

Гумбольдт — Канкрину. Астрахань. 1/13 октября 1829 г.

«Мы проехали 12 тысяч вёрст от Петербурга и 48 тысяч связанных с ними толчков (я скромно считаю по четыре огромных моста с подъездами на версту) принесли облегчение моим утробным болям. Мне кажется, что я меньше страдал здесь от болей в животе, невзирая на сибирские соусы и фруктовые инфузии (называемые вином), которые могли бы сойти за яды. Почти никогда за всю мою беспокойную жизнь в столь короткое время (6 месяцев) и на столь чудовищно необъятных пространствах я не собирал такого количества мыслей и впечатлений. Я воспользовался возможностью (Императорское соизволение, продолжительная благоприятная погода) для того, чтобы проложить свой путь по Алтаю к Каспийскому морю. Приятнейшие воспоминания оставили у нас: область на юго востоке от Тобольска между Томском, Колыванью и Усть–Каменогорском; прекрасная, похожая на швейцарскую местность в Зыряновских снежных предгорьях Алтая; посещение китайского форпоста Хонимаилэ–ху в китайской Джунгарии; проезд вдоль казачьей линии от Нарына до Семипалатинска, Омска, Петропавловска, Троицка, Оренбурга и Уральска; обильная озерами южная часть Уральских гор, Златоуст и Миасс. На непрерывном отрезке более чем в 700 немецких миль мы увидели казачьи поселения на Иртыше, Тоболе, Яике, от Оренбурга до Астрахани (в степях между Доном и Волгой), и порадовались их нравственности и устроенности. Для военного человека такое путешествие в течение двух месяцев вдоль линии было бы очень познавательным. Среди блестящих впечатлений, наиприятнейших воспоминаний

отмечу музыкальные и конные скачки. Праздник киргизов в степи под Оренбургом; путешествие с князем Голицыным (губернатором Саратова) по процветающим немецким колониям».



Егор Францевич Канкрин (1774–1845) и Александр Фридрих Вильгельм Гумбольдт (1769–1859)

Находясь в переписке, Гумбольдт и Канкрин обсуждают проблему истощения лесных богатств. Канкрин писал по этому поводу: *«Печальное лесное хозяйство побудило меня расширить лесной институт, чтобы подготовить лесных хозяев для горно заводских округов. Но всё хорошее двигается медленно, дурное — летит…»*

Канкрин очень тепло относился к им же созданному лесному институту. Известен ещё один анекдот о российском министре финансов, присутствующем на экзамене в лесном институте:

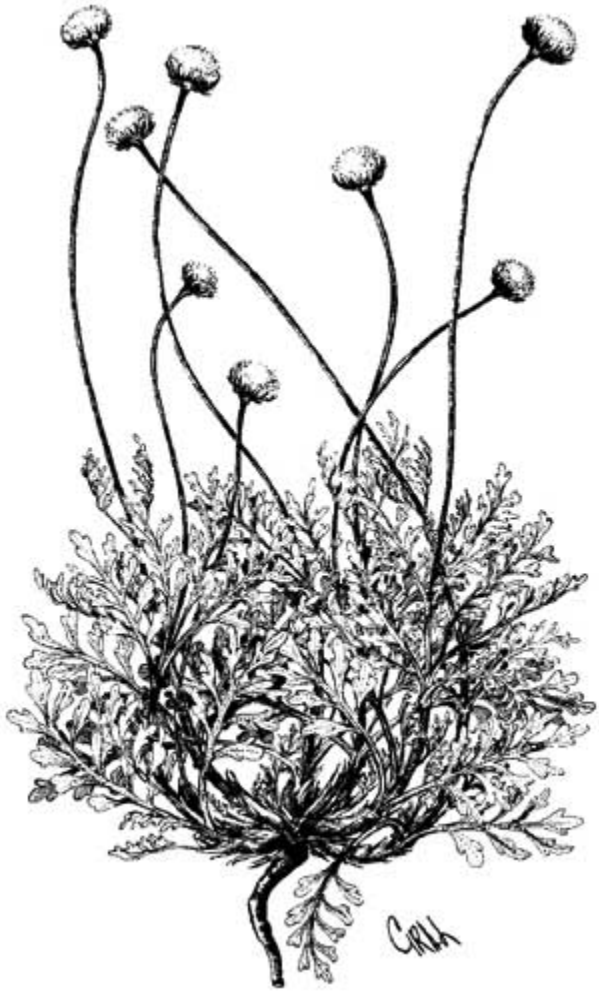
«Преподаватель спрашивает ученика: — Какие в лесах водятся истребители, наиболее вредные для леса? — Хоботоносец и древоед, — отвечает ученик. — Нет, — поправляет его граф Канкрин, — совсем не так: самые вредные истребители леса вовсе не хоботоносец и не древоед, а топороносец и хлебоед».

В Оренбурге Гумбольдт повстречался с капитаном в отставке

Г.С. Карелиным, встреча эта во многом определила дальнейшую жизнь русского офицера. Возможно, именно Гумбольдт обратил внимание Канкрина на опального офицера и на его способность возглавить естественнонаучные экспедиции. Но ещё более знаменательное событие произошло в далёком Змеиногорске, на самом западном окончании Алтайских гор. Там Гумбольдт познакомился с молодым 26-летним госпитальным врачом А.А. Бунге, ставшим впоследствии учеником К.Ф. Ледебура — автора последнего 4-томного издания «Флора России».

Встречей Гумбольдта с Бунге ознаменовалось новое событие — блистательный восемнадцатый век передал ботаническую эстафету прагматическому девятнадцатому. И за всем этим стоит министр финансов Е.Ф. Канкрин. В дальнейшем он будет финансировать путешествия Г.С. Карелина, который опишет новый род *Cancrinia* — в честь государственного деятеля. Название рода сохранилось и по сегодняшний день. По берегам соленых озер, среди глинистых пустынь Казахстана и Средней Азии можно найти маленькое однолетнее растение с корзинкой желтых цветков. Научное название его напомнит нам о министре, который не сомневался в огромном значении исследований растительных богатств своей страны. За полтора столетия разрушилась империя, иным стал мир, забыты тысячи имен, но имя Канкрина навечно сохранено в этом маленьком прозябании — канкринии дисковидной из семейства астровых.

А нам пора вернуться в 1828 год, когда Н.С. Турчанинов отправляется исполнять финансовую должность в Сибирь, в Иркутск.



Канкриния дисковидная — Cancrinia discoidea (Ledeb.) Poljak.

КРУГ ДЕСЯТЫЙ. ТУРЧАНИНОВ, БУНГЕ, КИРИЛОВ

Считается, что первым кто придумал засушивать растения между листами растений, был Лучо Гини (1490–1556), профессор ботаники в университете в Болонье. Он и не знал, что совершил великое открытие, сопоставимое только с открытием компьютера. Жозев Турнефор (1656–1708), великий французкий врач, ботаник и путешественник был первый, кто употребил термин «гербарий» (около 1700). И, наконец, К. Линней возвел гербарный лист в ранг архетипа, и название каждого вида растения стало неразрывно связано с конкретным гербарным листом. Он утверждал, что гербарий превыше любого изображения и необходим любому ботанику. Без типового гербарного листа нет названия, только соотнесение конкретного растения, собранного в поле с типом удерживает ботанику от хаоса. Только накопление типовых экземпляров даёт нам возможность открывать всё новые и новые виды. Поскольку никакое словесное описание не заменит гербарного листа.

Линней определил технологию сбора растений, которая не претерпела больших изменений и до настоящего времени. Он писал: *«Растения не следует собирать влажными; все части должны быть сохранены, осторожно расправлены, при этом не изогнуты; органы плодоношения должны быть налицо; сушить следует между листами сухой бумаги...»*

С середины XVIII века гербарий стал главным источником знания о растительном покрове отдельных территорий Земли. Благодаря простому изобретению сушки растений, запрессованных между двумя слоями бумаги, учёные получили возможность в минимальных объёмах накапливать бесконечное количество информации.

На каждом гербарном листе остается память о коллекторе, о монографе, о каждом ботанике, кто счёл необходимым выразить отношение к данному образцу. И ни один из них не канет в Лету и не останется забытым. Ни одно движение ботанической мысли не останется незамеченным. Любое номенклатурное изменение, даже не поддерживаемое коллегами, остается как синоним, но никогда не отбрасывается. Гербарий аккумулирует ботанические

знания и хранит память о всех его коллекторах лучше любого архива.

А сколько радости доставляет гербарный лист, когда за окном бушует вьюга и трещит мороз! Сколько волнений возникает у ботаника, когда он ещё не знает, что за сокровище держит в руках и сколько труда и упорства необходимо, чтобы в груде томов найти единственно правильное название. А иногда может случиться, что этого названия там нет. Тогда стоимость гербарного листа не может быть выражена ничем, поскольку это уже новое знание и маленькое открытие.

Гербарий завораживает, волнует и всегда обещает что-то новое. Это чувство хорошо выразил А.С. Пушкин. Именно он в 1828 году написал стихотворение «Цветок», как будто специально на отъезд Турчанинова из Петербурга.

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Гербарий собирали многие великие люди. В России первый гербарный лист был заложен Петром I с лаконичной надписью «*рваны 1717 года*». Ко времени, когда Турчанинов прибыл в Иркутск, гербарий был уже обычным и необходимым предметом для любого ботаника. Да и Сибирь была уже не та, что сто лет назад, когда первые натуралисты пытались изучить её

растительные богатства. Никто не вспоминал слов Палласа о ботанической неперспективности Сибири, огромной страны, площадь которой около 10 млн км². С запада на восток она простирается на 7 000 км, а с севера на юг — на 3 500 км. И на этой территории, равной по площади целой Европе, проживает населения в 15 раз меньше.

Первый гербарный лист собранный в России Петром I в 1717 году

Сибирь всегда пугала своим климатом. «*В землях Сибирских и Чулыманских*, — писал в XIII веке государственный секретарь Египта ал Омари, — *сильная стужа, снег не покидает их в продолжение шести месяцев. Он не перестаёт падать на их горы, дома и земли. <…> Там пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; в них не растут никакие растения и не живут*

никакие животные».

Сибирь многолика, и значение её для мировой цивилизации так же многогранно. Каждый исследователь может сказать о Сибири своё самое сокровенное. Как правило, вспоминают о несметных сокровищах недр или о необозримой тайге, но мало кто помнит, что мировая ботаника и XVIII, и XIX веков прирастала Сибирью. И в том, что сибирские растения присоединялись к общему мировому списку растений, большая заслуга Николая Степановича Турчанинова.

*Николай Степанович Турчанинов (*1796–*1864)*

Однако доподлинно известно, что свои первые ботанические экскурсии Турчанинов провел в окрестностях Иркутска, Лиственничной и Култука, расположенных у южной оконечности оз. Байкал. Затем он обследует вершины Хамар–Дабана и Баухата, берега Иркута до Турана (Тункинская долина). В следующем году изучает южную часть Забайкалья в районе Верхне–Удинска, Селенгинска, Кяхты, берега реки Чикой до впадения в него притока Урлик. Отсюда боковым проселком Турчанинов выходит к Селенгинску, в с. Посольское на берегу Байкала и на Тункинские минеральные воды, находящиеся на путях к Баргузину. Эти воды были хорошо описаны Лаксманом, который и был первым первооткрывателем этого уникального природного явления. Затем, перейдя хребет, вдоль по берегу рек Селенги и Джиды, Турчанинов направляется в с. Посольское и далее через Байкал возвращается в Иркутск.

Объём его коллекций, привезённых из этих экспедиций, впечатляет. Количество гербарных листов позволяет ему сформировать дублетный фонд для обмена с коллегами и для посылки в Императорский ботанический сад. Причём Турчанинов, как и Лаксман, собирает не только растения, но и насекомых. Эти коллекции он посылает в Императорскую Академию. Остались протоколы заседания учёного собрания, посвящённые материалам, собранных Н.С. Турчаниновым. Доклад делал замечательный ботаник, первый монограф российских злаков К.А. Триниус.

«*Турчанинов прислал из Иркутска ящик с растениями. Согласно докладу академика Триниуса, 150 разных родов и 590 экземпляров, из них 1/10 часть состоит из новых родов, а остальное принадлежит к редкостям. <…> Представлен академиком Триниусом каталог 401 вида растений, состоящих из 82 родов, которым он обогатил ботаническую науку. <…> Турчанинов прислал коллекцию из 700 экземпляров и 131 вида, которые, по отзыву академика Триниуса, сохранились в прекрасном состоянии, содержат много интересного и нового…*»

К сожалению, мы ничего не знаем о том, каким был Турчанинов в то время. Никаких воспоминаний об этом не осталось. Хотя кое о чём можно узнать из нескольких косвенных фактов. Вот один из них. В 1831 году из Китая в Иркутск направляется А.А. Бунге. В то время, несмотря на очевидную молодость, Бунге был уже известным исследователем флоры Сибири. Турчанинов знал о прибытии Бунге, и для того чтобы

встретить его, он отправляет на вокзал своего помощника, казака И. Кузнецова. Бунге и Турчанинов обрабатывали свои коллекции в одном городе. Позднее Бунге сетовал на то, что в эту работу вкралось много ошибок из-за скудности имеющихся под рукой пособий. Но у Турчанинова была очень хорошая библиотека. Кроме того, он вел широкую переписку со многими европейскими ботаниками, среди которых был О.П. де Кандоль — крупнейший европейский специалист. Хотя по предположению Р. Камелина и А. Сытина эти два ботаника если и встречались в Иркутске, то своих ботанических дел не обсуждали. С другой стороны, ни Бунге, ни Турчанинов ещё не достигли зенита своей ботанической славы. В дальнейшем они стали хорошими друзьями, часто переписывались, и письма их носили доверительный характер.

А.А. Бунге во время работы врачом в г. Змеиногорске (1828)

Через девять лет Турчанинов пишет Бунге: *«Слышно, что Вы решились ехать в Китай с миссиею. <…> Не пропускайте моего дома, он у самой заставы, и погостите у меня несколько дней»*. Так могут писать только старые знакомые, которые хорошо знают друг друга и чувствуют особенную приязнь. В дальнейшем они обменивались материалами, гербарием и находились в постоянной переписке.

Турчанинов — Бунге (Красноярск, 14 мая 1838 года).

«Вы получите теперь все те растения из Ваших "desiderata" с прибавлением некоторых других, которые находятся в моих общих дублетах, за исключением тех, которые описаны в 1-ом и 2-ом томах де Кандолева «Продромуса».

Из этих писем мы можем судить о размахе деятельности Турчанинова по обмену ботаническими коллекциями. В том же 1838 году он пишет Бунге о новых приобретениях: *«… 2000 видов Шимпера из Абиссинии, слишком 900 видов коллекции Дреге, Зальцмановская коллекция, Берландье, от Гукера во многом северо американские растения, от Цуккарини — греческие»*.

Остаётся удивляться тому количеству растений, которые проходят через руки Турчанинова. История не знает другого такого случая, когда бы находящийся на краю земли ботаник, оторванный от ведущих гербариев и научных центров, был в курсе всех новых ботанических идей. Он внимательно просматривает все присланные растения, он знает, где и какие растения выращиваются в ботанических садах. Когда Бунге стал преемником Ледебура на кафедре ботаники в Дерптском университете, то Турчанинов просит его прислать интересующие его растения: *«Много, очень много было для меня нового и любопытного. Ваша Eversmannia — прекрасный род!»* В том же письме Турчанинов просит прислать стапелию из коллекции живых растений Ботанического сада в Дерпте: *«В огромной коллекции капских растений Drege, недавно мною полученной, нет ни одной Stapelia. Что за коллекция! Я думаю, по крайней мере, 1500 видов! Так что с нею у меня теперь до 16 тысяч видов»*.

В марте 1830 года Турчанинов оставляет службу и зачисляется в Санкт–Петербургский ботанический сад на

штатную должность *«учёного путешественника между Алтаем и Восточным океаном»*. На этой должности он пробыл до середины 1835 года, получая на свои путешествия в первом году 5000, а в последующие годы по 4000 рублей ассигнациями. Очевидно, и это назначение не обошлось без покровительства Ф.Б. Фишера и Е.Ф. Канкрина, которые были вполне удовлетворены результатами первого путешествия Турчанинова.

Получив материальные возможности, Турчанинов в 1830 году обследует левый берег Ангары до границы Иркутского уезда, двумя путями пересекает Байкальский хребет к истокам реки Иркута, затем через Нуху–Дабан вдоль реки Оки проходит до Окинского караула и из Хинганского караула (Монды) делает две экскурсии на озеро Хубсугул за пределами государственной границы. Похоже, что Николай Степанович первым из ботаников посетил это удивительное озеро, которое монголы называют «северной жемчужиной».

В 1831 году Турчанинов едет в юго-восточную часть Забайкалья. В 1832-м — в горную Даурию между Акшей и Кяхтой, с двукратным посещением горы Чокондо. На следующий год он снова направляется в восточную Даурию, в треугольник, образуемый реками Шилкой и Аргунь. Он путешествует на лодке по реке Шилка до реки Аргунь, по Амуру до бывшего Албазина. Дальше вверх до Аргунского острога и делает несколько боковых экскурсий во внутреннюю часть треугольника. В 1834 году предпринимает очень трудное путешествие по реке Ангаре до Балаганска, по Якутскому тракту до 100 вёрст от Иркутска, затем переходит через хребет к устью Бугульдеихи. Отсюда, пройдя через «Косую степь», Турчанинов выходит к заливу оз. Байкал против острова Ольхон, проходит по этому суровому острову, пересекает Байкал в средней его части, высаживается в Баргузинском заливе на восточном берегу Байкала, поднимается по реке Баргузин почти до её истоков.

Преодолев труднопроходимые горы Ковалку и перевал Уколкит, он выходит на север в с. Верхне–Ангарское в долине среднего течения реки Верхняя Ангара, впадающей с северо-востока в Байкал. Из с. Верхне–Ангарского неутомимый исследователь на лодке спускается вниз по мощной реке Верхняя Ангара к северным берегам Байкала и вдоль его восточного берега возвращается в Баргузин. В этом же году по поручению Турчанинова молодой забайкальский казак Илья Кузнецов собирает для него растения по рекам Иркут, Ока и их притокам —

Тасса, Монда и др.

Предположительно с осени 1835 года Н.С. Турчанинов снова вернулся на государственную службу советником Главного управления при генерал–губернаторе и начальником отделения губернского правления. Этому предшествовала небольшая экскурсия по Байкалу с гимназистом И.П. Кириловым. Мальчик, безусловно, был одарённым ботаником, он обладал хорошим глазом на растения. Это Турчанинов отметил прежде всего. Гимназист не боялся трудностей путешествий и уже обладал навыками как полевой жизни, так и сбора материала. Его также захватила страсть коллекционировать растения и искать среди них неизвестные. К тому же он был потомком известного российского географа И.И. Кирилова (1689–1737).

Турчанинов понимал, что новая служба не даст возможности ездить в экспедиции по неизвестным землям. Служебные обязанности отнимали время, прежде целиком принадлежавшее науке. Поэтому он с радостью учил молодого человека премудростям ботаники, латыни и хотел, чтоб Кирилов был его учеником.

После окончания Кириловым гимназического курса, в 1836 году Турчанинов из собственных средств снарядил экспедицию в Саяны, предоставив Кирилову возможность провести первое самостоятельное исследование. На следующий год он сам отвёз юношу в Петербург для поступления в университет. Там он передал его Г.П. Бонгарду, который возглавлял кафедру ботаники. Там же, в Петербурге, Турчанинов познакомил молодого человека с Г.С. Карелиным. Последний был почти в два раза старше Кирилова, но между ними сразу установилась внутренняя душевная связь, какой не получалось с Турчаниновым.

Много позднее, после полевого сезона 1841 года, молодой студент с досадой пишет Карелину из Красноярска: *«Я живу здесь у первого моего учителя ботаники, здешнего вице–губернатора Турчанинова; человек он почтенный, очень умный и учёный, страстный ботаник, но человек холодный, не склонный к короткой дружбе. В беседах с ним нахожу я много пищи для страсти моей к науке. <…> Он добряк, хотя эгоист немножко; растениями нашими занимается усердно и часто похваливает*». Однако этот «эгоист немножко», никогда и никоим образом не претендовал на авторство многочисленных новых растений, выявленных

Кириловым из материалов, собранных совместно с Карелиным. Но самое главное, совместная работа с Турчаниновым позволила молодому специалисту превосходно ориентироваться во всех известных сибирских растениях.

Новая должность позволила Турчанинову расширить свои научные занятия. И хотя путешествовал он меньше, но у него появились средства для увеличения личного гербария (в том числе за счет покупки частных собраний), а также для создания собственного ботанического сада. В Красноярске Николай Степанович прожил более 7 лет. Этот город был на целую тысячу вёрст ближе к столицам, чем Иркутск.

К тому времени как Н.С. Турчанинов прибыл в Красноярск, здесь произошли большие изменения, связанные прежде всего с «золотой лихорадкой», охватившей Восточную Сибирь. Золотопромышленники, купцы, крупные чиновники переселялись в каменные или обшитые тесом дома и выкрашенные деревянные особняки. В городе появились деревянные тротуары, уличные фонари, будки ночных сторожей. Набережную Енисея засадили деревьями. По проекту декабриста Г.С. Батенькова было построено здание общественного собрания с залом для танцев, буфетом и комнатой для карточных игр.

Поразительно, но до сих пор в Красноярске сохранился дом, в котором жил Н.С. Турчанинов. Этот дом, расположенный недалеко от железнодорожного вокзала, был «*на шести сажнях, в коем пять комнат с коридором и прихожей, печей голландских пять, наверху мезонин холодный. На дворе кухня одна, амбаров два, сарай, конюшня и завозня*». Сейчас это центр города — улица Мира, 120. Но как это ни печально, ни мемориальной доски, ни каких-либо сведений в местном краеведческом музее о службе выдающегося учёного в Красноярске нет. А между тем жизнь на новом месте у Турчанинова протекала живо и интересно.

В то время в Красноярск, на место постоянного жительства, возвращаются с каторги декабристы, и Н.С. Турчанинов попадает в среду весьма образованных людей. Он был хорошо знаком с «властителем дум» красноярской интеллигенции, декабристом В.Л. Давыдовым. Этот герой Бородинского сражения был двоюродным братом поэта и бретера Дениса Давыдова, был сослан на каторгу за участие в Южном обществе. Обладая литературным дарованием, Давыдов писал стихи, в которых

преобладали политические и гражданские темы. Желая дать своим детям хорошее образование, Василий Львович и Александра Ивановна Давыдовы создали домашнюю школу, где учились их дети и дети близких друзей. Благородный и принципиальный Давыдов ненавидел корыстолюбие, ханжество, чванство во всех его проявлениях. Когда семья Давыдовых стала нуждаться в более просторном жилье, они некоторое время жили в доме Турчанинова.

По части своих научных устремлений у Турчанинова тоже нашлись коллеги. Здесь он познакомился с Х.Ф. Лессингом, врачом и ботаником, прожившим в Красноярске 15 лет и собравшим хороший гербарий. Кроме того, Турчанинов не только сам неоднократно бывал в Петербурге и Москве, но и принимал у себя заезжих путешественников.

В Красноярске Турчанинов интенсивно обрабатывает свой гербарный материал и публикует описания новых видов и родов растений, начиная с сибирских, а затем и зарубежных. Публикует результаты обработки коллекции, собранной в Китае врачом русской миссии в Пекине Порфирием Евдокимовичем Кириловым. В 1838 году в «Бюллетене МОИП» появляется обширный каталог растений байкальской и даурской флоры, а в 1842 начинается публикация основного труда «Flora baicalensi–dahurica». За три года было опубликовано 7 отдельных разделов работы, которые в 1845 году были изданы уже целой книгой. Появились переводы отдельных частей этой работы за границей. С появлением печатных работ известность Турчанинова как учёного значительно возросла.

С 1841 года Турчанинов приступает к изучению природы и экономики Северной части Енисейской губернии на основании опросных записок. Обобщённые им сведения были опубликованы Академией наук и послужили поводом для организации в 1843 году знаменитой Таймырской экспедиции Академии наук, в которой приняли участие выдающиеся естествоиспытатели А.Ф. Миддендорф, Ф.Ф. Брандт и другие.

В 1842 году Турчанинов обработал ботанические коллекции П.А. Чихачёва с Восточного Алтая. Эта работа была выполнена им чрезвычайно быстро, всего за несколько дней, что говорит о колоссальном опыте учёного и великолепном знании им как сибирских, так и алтайских растений.

И наконец, Турчанинов принял самое непосредственное участие в обработке гербария, привезённого Г.С. Карелиным и И.П. Кириловым из экспедиций по Алтаю и Джунгарии. Да и трудно предположить, что совсем молодой человек, каким в то время был Кирилов, и в общем-то уже не молодой офицер Карелин, не имеющий серьёзной ботанической подготовки, смогли без его помощи определить все собранные растения. До них в тех местах были немногие.

Турчанинов готовил Кирилова себе в преемники, он очень много вложил в этого юношу, а самое главное, научил его самостоятельно работать. Но судьба распорядилась иначе. И.П. Кирилов умер от пищевого отравления осенью 1842 года в городе Арзамасе, когда возвращался из экспедиции. При этом пропали письма Карелина и экспедиционные материалы.

Турчанинов тяжело переживал эту потерю. В письме А.А. Бунге он писал: *«Преждевременная смерть Кирилова поразила ещё и в том отношении, что я ему думал передать после моей смерти всю мою ботаническую коллекцию, но Богу угодно было пережить мне этого молодого человека, бывшего почти вдвое моложе меня».* По сути, эта смерть подвела черту и ботанической работе Г.С. Карелина. Турчанинов с сожалением писал, что *«после смерти Кирилова Карелин отошёл от ботаники, перестал посылать растения».*

Служебная карьера Турчанинова в Сибири закончилась в 1845 году вскоре после отставки графа Канкрина. Впрочем, возможно, это был только повод уйти с государственной службы, поскольку известно, что годом раньше, в мае 1844 года, в письмах к Бунге он говорит, что продал дом и собирается перебраться из Сибири на юг, возможно, в Таганрог.

В другом письме он пишет, что подал прошение об отставке, но в связи с отставкой губернатора вынужден исполнять его службу. Здесь же он сетует, что это отвлекает его от академических занятий ботаникой. Однако, как справедливо считают Р.В. Камелин и А.К.Сытин, причина неожиданного ухода с государственной службы состояла не только в том, что Турчанинов предполагал всецело посвятить своё время науке. Решающее значение имело и то, что 1 мая 1844 года оставил свой государственный пост министр финансов Е.Ф. Канкрин. А через месяц (с такой скоростью доставлялась почта в Красноярск) прошение об отставке подал и Турчанинов. Назначенная пенсия

составила 400 рублей серебром в год, что было весьма немного для должности, которую Турчанинов занимал. Скорее всего, до царского двора дошли вести о его дружбе с декабристом Давыдовым.

После отставки Турчанинов обосновывается в небольшом провинциальном Таганроге — там, где шумит теплое Азовское море, где растут арбузы и цветут вишневые сады. Он уже не нуждался в помощи больших гербариев, поскольку его личная коллекция была столь огромна, что сделала бы честь любому столичному ботаническому учреждению. Работа по определению сибирского гербария продвигалась успешно. Турчанинов готовился к путешествиям в тёплые страны, неизведанные земли. Он был свободен, обладал огромными знаниями и был уже известен в ботанических кругах всего мира. Несчастный случай не позволил осуществиться этим планам: Турчанинов упал с гербарной лестницы и сломал ногу. Лечение было крайне неудачным, и он до конца своих дней передвигался только на костылях.

В Таганроге он восстановил знакомство с другом детства, а сейчас профессором и заведующим кафедрой ботаники В. М. Черняевым, который приглашал Турчанинова поселиться в Харькове, где у Турчанинова были родственники. Черняев убедил Турчанинова передать его богатейший гербарий Харьковскому университету.

Б. М. Козо–Полянский полагает, что Турчанинов руководствовался желанием спокойно заниматься приведением в порядок гербария и его научной обработкой; отсутствием собственных средств на размещение и содержание огромной коллекции, на её пополнение за счёт новых приобретений; опасением за судьбу гербария после своей смерти. Все эти причины представляются вполне резонными. Вполне вероятно, что Турчанинов, передавая в дар университету единственную и бесценную для него собственность, желал тем самым способствовать славе воспитавшего его университета, а для себя — оставить добрую память в потомстве. При этом, следуя всепоглощающей страсти коллекционера, он надеялся увеличивать гербарий не только на свои скромные средства, но и с помощью значительно превосходящих возможностей университета.

Скорее же всего Турчанинов физически не мог больше ни

путешествовать, ни свободно передвигаться по своим коллекциям. В итоге учёный передаёт университету и свой богатейший гербарий, и не менее богатую библиотеку. Взамен он хотел иметь небольшое пособие, чтобы пополнять гербарные фонды университета. Совет университета принял дар Турчанинова, пообещав выплачивать ему ежегодное пособие в сумме 500 рублей. По-видимому, в ответ на ходатайство В.М. Черняева, было предоставлено небольшое помещение для жилья, расположенное вблизи Харьковского университета. Турчанинов был избран его почётным членом.

Однако свои обязательства перед Турчаниновым университет не выполнил. Пособие уменьшили до 300 рублей, да и выплачивать его начали только в 1853 году, то есть через 6 лет после передачи гербария и библиотеки в собственность университета. Когда же Турчанинов стал настаивать на выплате пособия в сумме 500 рублей (в соответствии с договором), то Совет университета большинством голосов отклонил его законное требование. Вскоре он лишился и предоставленной ему квартиры.

Объективные причины не выполнять свои обязательства у администрации университета, конечно же, нашлись. Турчанинову ничего не оставалось, как только продолжать служить своему гербарию, без которого его жизнь теряла всякий смысл и значение. На свою небольшую пенсию он продолжает покупать неопределённые гербарии и описывать из них новые виды, пополняя огромную коллекцию теперь уже Харьковского университета.

По непонятным причинам он потерял все свои сбережения и скоро стал очень нуждаться в деньгах. По одним сведениям, он лишился своего состояния во время крымской войны. По другим — его обманули бессовестные люди, не вернувшие деньги, взятые у него в долг. По косвенным сведениям, это был П.Е. Кирилов, служивший врачом и натуралистом в китайской миссии. Этот человек, как считал сам Турчанинов, старался не платить свои долги и мог обмануть Турчанинова, зная его страсть к гербарию.

В последние годы жизни Николай Степанович «пестовал» талантливого ботаника С.С. Щеглеева, выпускника Московского университета. Но, к сожалению, этот даровитый ботаник также рано ушёл из жизни в возрасте 38 лет. Турчанинов снова остался

один. Отношения с Карелиным практически прекратились, а собственной семьи у него не было. Как и раньше, неизменным утешением в жизни ему был Гербарий.

В 1857 году Турчанинов удостоился присуждения полной Демидовской премии за свою «Байкало–Даурскую флору». Эта почётная и заслуженная награда была дана ему по ходатайству академиков Ф.И. Рупрехта и Н. И. Железнова. Однако полученные деньги не слишком улучшили материальное положение, так как он их тут же потратил на приобретение значительной части гербария Роберта Брауна, в том числе *«пачки неопределённых растений»*.

В эти же годы на университетское пособие Турчанинов купил у Д. Хукера гербарий, дополняющий его коллекцию растений Восточной Индии. Коллекции его были очень большими, но самое удивительное, что он в них великолепно ориентировался. В одном из писем А.А. Бунге в 1862 году он не без скрытого хвастовства замечает: *«Препровождаю к Вам по желанию Вашему список видов астрагалов нашего Гербария. Из него Вы увидите, что у меня только 495 видов, тогда как у Вас до 600, следовательно не в астрагалах наш Гербарий богаче Вашего. Американских у меня вообще немного, может быть некоторые я могу сообщить Вам из тех, которые Вы отметите»*. Надо сказать, что к тому времени простой барнаульский врач Бунге стал одним из мировых монографов рода астрагал.

Коллекция Турчанинова во многом превосходила личный гербарий Бунге и немного недотягивала до монографического списка Бунге. Но даже сам факт, что Турчанинов имел в одной коллекции столько видов одного рода, причём самого сложного в систематическом отношении, ставит его в ряд великих ботаников XIX века.

Жизнь Турчанинова в Харькове не сложилась. Не было семьи, не было устроенности, не хватало денег. Однажды Турчанинова посетил профессор Санкт–Петербургского университета А.Н. Бекетов. Он оставил воспоминание об этой встрече, рассказав о трудах и днях заслуженного учёного, живущего в крайней нужде. Это пронзительное свидетельство, сочувственно-душевное и одновременно взывающее о помощи. Как и следовало ожидать, призыв к состраданию так и остался гласом вопиющего в пустыне. Лишь за неделю до кончины Турчанинов решился написать министру народного просвещения письмо с просьбой о помощи.

Турчанинов умирал тяжело, как пишет Н.Д. Борисяк, — от гангрены, по другим источникам — от апоплексического удара. В последние минуты он попросил — уже безмолвно, *«угасающим взором»* — дать ему в руки его «Флору». Он умер 7 января 1864 года, на 68-м году жизни. Могила его затерялась.

Его гербарий, его детище, смысл его жизни остался нам, его потомкам. К сожалению, для русских ботаников ныне он является сокровищем Гербария Института ботаники Национальной академии наук Украины в Киеве.

Ценность гербария Турчанинова чрезвычайно высока. Он содержит 150 000 листов. В нём представлено не менее 50 000 видов мировой флоры. В гербарии много дублетов сборов российских коллекторов, в том числе и типовые образцы из сборов Ф.А. Маршалл–Биберштейна, В. Бессера, К.А. Мейера, Х.Х. Стевена, А.А. Бунге, Г.С. Карелина, И.П. Кирилова, Г. Бонгарда, А. Шренка. В этой части коллекции особенно важны изотипы видов, описанных по сборам самого Турчанинова, а также Ледебура, Бунге и других ботаников, принимавших участие в создании «Flora Rossica».

Н.С. Турчанинов покупал гербарий у коллекторов, т.е. сборщиков, чаще всего неопределённый. Поэтому в его гербарий попали многие изотипы растений мировой флоры, собранные со всего мира. По мнению крупнейшего ботаника России Р.В. Камелина, *«он остался в ботанике и как замечательный флорист, автор одной из классических флор XIX века, не утратившей своей ценности до нашего времени и к тому же вдохновившей на деятельность многих отечественных ботаников. Турчанинов был лучшим знатоком флоры Азии среди своих современников. Поразительны по чувству меры, тонкости анализа и образности описания растений в “Байкало–Даурской флоре”. В предисловии к ней, а также в некоторых фрагментах текста дана замечательная для своего времени ботанико-географическая характеристика флоры Центральной Сибири, включающая анализ эндемизма ряда естественных регионов»*.

Был ли Н.С. Турчанинов счастлив при жизни? Наверное, да. Поскольку он всю жизнь занимался любимым делом. Он собирал гербарий. Он видел огромное чудесное разнообразие природы в том объёме, в котором никто его не видел. Он ежедневно открывал новое и вряд ли мечтал о всемирной славе. Слава нашла его сама

через много лет после его смерти.

Ива Турчанинова — Salix turczaninowii Laksch.

КРУГ ОДИННАДЦАТЫЙ. КАРЕЛИН, ТУРЧАНИНОВ

Из Оренбурга до столицы три недели пути, если ехать на почтовых. Только выносливые фельдъегеря проскакивают до Петербурга за восемь дней — отощавшие, грязные и небритые; и в таком виде, не дав переодеться, их сразу вели в покои к Императору: *«Ваше Величество, Вам изволит писать Его Превосходительство оренбургский губернатор Василий Алексеевич Петровский, вот и пакет...»*

Оренбург — это не просто далёкий город. Это граница, это путь в ещё более далёкую, невиданную и ненавидимую Хиву. Это

путь на Каспий. Петровский — это не только губернатор огромного края, это герой Отечественной войны.

В битве при Бородино Петровскому было 18 лет. Французская пуля оторвала ему палец, вместо которого он всю жизнь носил золотой наперсток. Под Москвой его взяли в плен, и он проделал кошмарный путь от Москвы в обозе маршала Даву. Его страдания в плену Л. Толстой описал в своём романе «Война и мир». В конце декабря Петровский бежал.

Впоследствии он стал адъютантом Николая I. В войне с турками под Варной он получил тяжёлое ранение в грудь. Пулю вырезали прямо против сердца. В 1833 году он стал губернатором ещё недавно мятежной губернии. Оренбург был форпостом, твердынею наших рубежей близ пустыни. Население — казаки с голубыми кушами «уральцев», башкиры в островерхих шапках, военные, их семьи, переселенцы, чиновники, купцы, беглые, солдаты, ссыльные и преступники. А на «меновом дворе» караван–сарая лежат в горячей пыли верблюды, прошедшие путь от Самарканда, Бухары, Герата и Хивы. Обратно из Оренбурга они везут полосы железа и меди, ткани и гвозди, посуду и доски. Мяса и хлеба здесь вдосталь — жизнь сытная, но зато тревожная: кругом кордоны, пикеты, разъезды, лай собак по ночам, ржанье конницы, улетающей в степные бураны ловить барантчей — разбойников.

А кочевник и есть кочевник: ему не вручишь протеста, с ним не подпишешь трактата о мире. Наказывать кочевника за разбой — то же, что бить лакея за провинность его господина. Ибо за все преступления должна бы отвечать высокомерная Хива. Но до хивинского хана Алла–Кулла никак не добраться: 1500 вёрст безжизненных песков стерегли Хиву лучше любой крепости, а жара и безводье были главным оружием хана. И Хива богатела кражами и разбоем на караванных тропах. Хива насыщалась трудами пленных рабов. Хива благодарила Аллаха за то, что пустыни оградили её от мщения «неверных» урусов. Даже когда Россия не воевала, жители Оренбуржья постоянно ощущали близость «фронта», а их семьи оплакивали потери. То здесь, то там слышны причитания: кого-то опять схватили в степи и погнали на базар, как скотину. Попробуй сыщи кормильца: продали в Коканд, оттуда — в Турцию, а там следов не найти, поминай как звали.

На дворе был XIX век, а здесь господствовала работорговля.

После трагического похода князя Бековича, ещё до времён Петра I, российские цари и придворные смертельно боялись степи. Кокандское, Хивинское ханство были, как и прежде, недосягаемы.

Боевой губернатор Оренбургской губернии Петровский святой целью своей деятельности считал покорение надменной Хивы.

В 1818 году сюда сослали опального прапорщика Григория Силыча Карелина (1801–1872). Происходил он из дворян Санкт–Петербургской губернии, в раннем детстве остался круглым сиротой. Его старший брат определил 8-летнего Гришу в кадетский корпус. Это сейчас военная служба вроде бы как для умственно отсталых. Но в те годы она открывала молодёжи путь к любой карьере, лишь бы позволяли способности и было желание учиться. Кадетского образования Карелину хватило на всю жизнь. После окончания кадетского корпуса, 16-летним подростком Г. Карелин в чине прапорщика поступил на действительную службу. Он был зачислен в резервную батарейную роту. Юноша обладал великолепными знаниями и выдающимися способностями. Как и любой мальчишка в его возрасте, он был резв, любил поострить, пошалить, покаламбурить. Скорее всего, его жизнь прошла бы заурядно: батарейная команда, военные действия, и если повезет, через двадцать пять лет отставка в чине майора, а дальше безбедная и скучная жизнь в деревне. Но этому офицеру суждено было служить Отечеству на ином поприще.

Начало службы Григория сложилось вполне удачно. За прекрасный почерк граф Аракчеев зачислил молодого прапорщика в собственную канцелярию. Аракчеевым до сих пор пугают детей, «аракчеевщина» давно стало нарицательным словом, обозначающим полное беззаконие и самоуправство. Но таким граф был только с подчинёнными, — перед Императором он всегда выступал самым послушным и верным подданным. Находясь на вершине власти, он составил себе герб с девизом: *«Без лести предан»*.

Ну как тут не скаламбурить! Едва юный офицер Григорий Карелин приступил к должности, как решил пошутить: нарисовал чёртика в графском мундире и сделал надпись: *«бес лести предан»*. Тут же сочинил комический каламбур на Аракчеева и пропел друзьям. Возмездие свершилось немедленно: без особых разбирательств и распоряжений юношу сослали в Оренбург.

На новом месте молодой, способный, хоть и опальный офицер сразу нашёл себе место в артиллерийской роте. Кроме того, он сопровождал различные команды и экспедиции, занимался описанием края. Словом, у Карелина началась иная жизнь, наполненная тревожными событиями военной службы на границе. И неизвестно, как бы всё вышло для незадачливого прапорщика–шутника, если бы не случайное знакомство с Н.С. Турчаниновым, которое «выткало» ещё один завиток арабески на неповторимом ковре ботанических судеб.

Встреча опального офицера с именитым ботаником, вероятнее всего, произошла в бесконечных коридорах Министерства финансов, куда Карелин приезжал за инструкциями. Турчанинов пробудил у бесшабашного молодого офицера интерес к ботаническим исследованиям. Способный от природы Карелин всё схватывал на лету и в своих частых поездках большую часть времени посвящал сбору растений.

Большим событием в жизни Карелина стал приезд в Оренбург А. Гумбольдта. После встречи с именитым учёным положение Карелина круто меняется. О нём становится известно графу Канкрину. В его лице Карелин получает очень влиятельного покровителя.

А тем временем в казацкой столице готовилось новое предприятие — подготовка к военным действиям против Хивы. Для этого была организована глубокая разведка берегов Каспийского моря, в которой принял участие и Г.С. Карелин.

Григорий Силыч Карелин (1801–1872)

Вот выдержка из описания путешествия Карелина по Каспию, предпринятого им в 1834 году: *«Все описанные места густо поросли камышом, но в особенности велик он по окраинам берегов, на которых местами белеют груды выметанной волнами ракуши. Грунт земли на островах и прибрежьях солонцевато-иловатый. Между камышом в некотором отдалении от берегов цвели особенного вида дымница (Fumaria vaillantia), камнесемянник (Lithospermum officinale) и старина (Senecio squalidus), сверх того несколько пород солянок. В проранах росли во множестве Najas monosperma, Ruppia maritima и палочник (Typha latifolia). Надобно думать, что масса растений, ежегодно сгнивающих, должна образовать хороший торф, который при несколько тщательных и постоянных поисках может быть легко открытым, в особенности*

же при Бабинской косе и Турыжниковом бугре. Таковой дар природы был бы совершенным благодеянием в сем безлесном крае, тем более что камыши становятся год от году менее и реже. В мелких и топких бухтах и заливах, в которые ни въехать, ни войти не было возможности, водились большие каспийские лебеди (Cygnusolor), а в высоких камышах гнездились на аршин и более от земли белые, пепельные и глинистые чепуры (Ardea nivea, cinerea et ferruginea) и колпицы (Platalea leucorodia). При берегах возвышались складенные кучами из сухого камыша гнёзда баб птиц: в каждом находилось по два, редко по три яйца; подле них в ямках на голой земле складены были яйца большой черновой хохотуши. Вообще птиц было немного, и, по замечанию казаков, число их ежегодно приметным образом уменьшается, что, по всей вероятности, происходит от сильного обмеления воды, сделавшего острова доступными волкам, следы коих во множестве виднелись по берегам».

Из этого маленького отрывка видно очень хорошее знание ботаники артиллерийским офицером. И ещё бросается в глаза — очень хорошее знание русских названий растений. «Дымница», «палочник», «камнесемянник» — к сожалению, эти названия уже вышли из употребления. Сейчас эти слова можно найти только в знаменитом «Ботаническом словаре» Н. Анненкова, выпущенного в 1878 году.

По сути, с момента знакомства начинается переписка Г.С. Карелина с Н.С. Турчаниновым. Показательно первое письмо Турчанинова Карелину: *«С неизъяснимым удовольствием прочёл я почтительнейшее Ваше письмо. Открытие Ботаника, и притом Русского, составляет для меня торжество ни с чем не сравнимое. Край ваш должен быть очень изобилен растениями, что видно из Вашего исчисления, как, вероятно, сделанного наспех, потому что в нём недостает некоторых необходимых семейств: напр. Carex. Находясь при Киргизском хане, вы будете иметь случай проникать далеко в степь и обогащать себя сокровищами природы. Нет ли в ваших степях утёсов, как в наших забайкальских степях, или солончаков — то и другое сильно разнообразит флору. <…> Насчёт предложения Вашего о воспрепятствовании сколько можно иностранцам заниматься нашими растениями, скажу Вам, что считаю это теперь не возможным. Мы ещё не стали на крепкую ногу, лучшие учёные места заняты ими. В их руках библиотеки и травники. Я сам нахожусь в сношении с директором Императорского ботанического сада в Санкт–Петербурге Ф. Фишером и с другими. Польза оттого, что если Ваши растения пройдут чрез разные руки, совершенно очистившись от ошибок и*

сверх того [Вы] меняете свои растения и получаете другие в пособие. Само собою разумеется, что находимые мною новые растения публикуются под моим именем и с моими собственными описаниями. Если Вам будет угодно войти в сношение с Петербургскими ботаниками, то пишите ко мне, и я буду писать о Вас».

Это письмо Турчанинов писал в 1830 году из Иркутска. По тону письма видно, что между ними установились доверительные отношения. Чувствуется неподдельная радость Турчанинова, что Карелин решил заниматься ботаникой всерьёз. Сетование на засилье иностранцев — это извечная российская проблема, впрочем, имеющая на то основания.

Канцлер — Несельроде, министр финансов — фон Канкрин, ботаники — сплошь иностранцы. В Санкт–Петербурге блистают адлерберги, дубельты, клейнмихели, да разве всех перечислишь. А с другой стороны, за сто лет ботанических исследований, в России так и не сформировалась русская ботаническая школа и они — Турчанинов и Карелин — одни из первых природных русских ботаников. Никто не притеснял русских, никто не мешал им заниматься этой наукой, но так уж повелось, что иностранцы были более сведущи, имели больше литературы, да и значимость гербария, как основного инструмента для развития ботанической науки, поняли раньше русских. В вину им можно поставить лишь то, что они не старались иметь русских учеников. Квасной патриотизм здесь ничего не объясняет. В начале XIX века российское правительство вынуждено было обратиться к иностранцам, имеющим высшее образование, ехать в Россию и служить ей, поскольку свои дворяне не спешили получать образование, не стремились изучать природу родного края, а значит, и приумножать богатства своей страны.

Между учёными установилась переписка, продолжавшаяся долгие годы. Турчанинов определял собранные Карелиным растения, советовал посетить наиболее интересные места, лежащие на пути следования экспедиций.

Турчанинов — Карелину (Иркутск, 26 апреля 1836 г.): *«В вашем владении находится гипсовая гора Арзагар — отечество Astragali amari, редчайшего растения, которое после Палласа никто не находил. Вот его признаки из де Кандоля. <…> Надобно бы постараться и отыскать эту редкость».*

Иногда, вследствие нарушений регулярного обмена коллекциями, происходивших по вине *«беззаботливого»* Карелина, Турчанинов, всегда чрезвычайно сдержанный, проявлял вспышки справедливого возмущения. В одном из писем он с негодованием пишет: «*Где Вы? Что с Вами? Ждал, ждал и потерял терпение. Не знал бы даже куда писать, если бы не приезд А.О. Россета, который меня уведомил, что Вы в Семипалатинске. Что за причина, которая препятствует прислать мне собранные Вами растения? Или Вы уже успели позабыть о данном Вами торжественном обещании? Не откладывайте, сделайте милость. <…> С последнею почтою я получил письмо от Ледебура, в котором он мне пишет, что Вы взяли из Петербурга пакет растений для доставления мне. Что Вы с ним сделали? Я его более года уже ожидаю, и мне бы в голову не пришло, что он катался с Вами в Оренбург и Семипалатинск. Не мучьте Вы меня более, пришлите давно ожидаемый пакет и Ваши растения, или хотя бы первый, по крайней мере».*

Из этого письма очевидно: Турчанинов всё время заботился о том, чтобы Карелин собирал растения, определял сам и отправлял их Турчанинову. Страсть к новым знаниям у Турчанинова была безгранична. Из этого письма также становится понятно, что, несмотря на огромные расстояния, ботаники постоянно находились в деловой переписке.

Любая оказия использовалась для пересылки материалов и коллекций, обмена мнениями и, конечно, ботаническими новостями. Влияние Турчанинова на Карелина было очень большим. Очевидно, он рекомендовал Канкрину кандидатуру Карелина и своего ученика Кирилова для дальнейших исследований Алтайского края. Так или иначе, в декабре 1841 года Карелин был перемещен в число чиновников для особых поручений при министре финансов.

По поручению Московского общества испытателей природы он совершил путешествие в Центральный Казахстан и провел обследование берегов озера Карасор, где, по рассказам старожилов, местные жители собирали возами яйца диких гусей и уток. Кроме обширного гербария и образцов драгоценных камней с рудника Алтынсу, учёный вывез из Каркаралинска коллекцию чучел зверей и птиц. Карелин первым обратил внимание, что Каркаралинские горы увенчаны сосновым лесом, как пучком перьев (каркара), которые служат украшением для головного убора казахских девушек. Поэтому перевод слова Каркаралы, как

«глубокий снег», по мнению Карелина, был в корне неверен.

После Казахстана Карелин отправляется дальше на восток в предгорья Горного Алтая. Его исследованиям подвергается обширный район Колывани, верховья реки Чарыш, Алейская степь. Он неоднократно бывал в Барнауле, Змеиногорске, Семипалатинске. Карелин работает как подлинный естествоиспытатель, не оставляя без внимания не только растения, но и животных и минералы. Он направил в Горный корпус большую коллекцию минералов. Исследования Карелина всегда отличались систематичностью и детальностью. Им было подготовлено множество коллекций, гербариев и других материалов по Алтаю. Однако у нас нет его обобщённых сочинений: незадолго до его смерти все бумаги и материалы сгорели, и теперь трудно восстановить всё значение его деятельности.

Карелиния каспийская — Karelinia caspia (Pallas) Less.

КРУГ ДВЕНАДЦАТЫЙ. ЛЕДЕБУР, ГЕБЛЕР

В старинной псалтыре задан вопрос: *«Что есть действие человечие?»* И там же дан ответ: *«Действие человеческое есть путешествие»*. Очевидно, пока будет хоть одно белое пятнышко, не замаранное человеческими знаниями, пока будет место, где можно открыть что-нибудь новое, то, несмотря ни на какие лишения, страх смерти, потери здоровья, не говоря уже о материальных затратах, люди будут стремиться туда. И всё ради того, чтоб заглянуть за горизонт, увидеть, что там за поворотом дороги, какие красоты откроются за крутым перевалом. И хотя во все времена считалось, что всё изучено, всё узнано, тайна природы всегда остаётся.

У ботаников профессия более счастливая, поскольку всегда есть возможность увидеть то, чего никто и никогда не видел, и это воспоминание, материализованное в гербарном листе, всегда будет ворошить память, и каждый раз ботаник переживает неизъяснимое чувство восторга. Именно этот восторг опять зовет в дорогу — к комарам, неустройству быта, опасностям пути и новым открытиям.

Почти сто лет прошло, как Гмелин и Миллер увидели синие горы Алтая. После них эту землю посетили многие натуралисты: Лаксман, Паллас, Фальк, Патрен, Сиверс, но Алтай с прежней силой манил исследователей. Описания трудностей только разжигали интерес, а воспоминания о красоте природы неудержимо влекли обратно в алтайские горы. Встретившись с Палласом, Карл Ледебур не мог оставить мысль побывать на Алтае. Высохший старик, у которого жили только огромные глаза, заронил в душу неутоляемую страсть к открытиям далёкой Сибири. Но путь туда был далеко не прост.

Карл Христиан Фридрих (Карл Фридрихович) Ледебур (1785–1851) родился в г. Штральзунде. Окончив в 1805 году медицинский факультет Грейфсвальдского университета со степенью доктора медицины, он совершенствовал свои ботанические знания в Стокгольме у К.П. Траунберга и в Берлине у К.Л. Вильденова, который учил ботанике самого Александра Гумбольдта.

В конце 1805 года в возрасте 25 лет он был приглашён на должность директора ботанического сада в г. Дерпте[11], а с 1811 года — он уже ординарный профессор естественной истории Дерптского университета, основанного одновременно с Виленским, Казанским и Харьковским университетами в период либеральных реформ Александра I.

Ледебур создал великолепный ботанический сад, в котором росли самые редкие растения Европы. Перед его выходом на пенсию сад имел 1450 видов растений, в их числе было много сибирских растений.

Работая преподавателем ботаники, Ледебур обнаружил отсутствие единого руководства по системе растений России, в частности оставалась малоизученной флора Сибири.

Как это ни странно, но единственным полным источником по систематике сибирских растений оставался труд И. Гмелина «Флора Сибири», который был очень неудобен для чтения. Двухтомная работа П.С. Палласа «Флора России» (годы издания 1784–1788) также содержала весьма ограниченное количество сибирских видов. Поэтому Ледебур решил создать сводный, по возможности полный труд по системе растений Сибири. Он прекрасно сознавал всю трудность задачи, которая едва ли была по плечу одному человеку. Он собрал и изучил всю ботаническую литературу по России — не только специальные труды по ботанике, но и дневниковые записи путешественников–естествоиспытателей: П. Палласа, И. Гмелина, И. Фалька, Е. Патрена, И. Шангина, И. Сиверса, — всю скудную информацию по флоре этой огромной территории.

Однако он работал на должности ординарного профессора и был обязан читать лекции, руководить работами в ботаническом саду, поэтому не мог уехать в длительную экспедицию. Да и денег на такое длительное предприятие тоже не было. Академия наук в это время все средства направляла на строительство Императорского ботанического сада. Война с Наполеоном истощила государственную казну.

В 1820 году Ледебур передал преподавание минералогии проф. С.М. Энгельгардту, а проф. И.Ф. Эшшольцу — анатомию и зоологию. Но ему самому пришлось читать лекции по зоологии и анатомии до 1825 года, так как проф. Эшшольц в течение трёх лет находился вместе с прославленным мореплавателем,

географом О.Е. Коцебу (1788–1846) в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие». И только после его возвращения Ледебур имел возможность осуществить свои замыслы. Он составил план путешествия по Алтаю, который получил одобрение на Совете университета. План был поддержан и ректором университета, известным историком И.Г. Эверсом. Ему впоследствии Ледебур в знак благодарности посвятит своё описание путешествия на Алтай. На экспедицию ему было отпущено из университетских сумм 10 тысяч рублей, а её участникам был предоставлен годичный отпуск с сохранением жалования. Серьёзную поддержку Ледебуру в осуществлении его планов оказал министр финансов Е.Ф. Канкрин, исходатайствовавший средства для этой экспедиции. Наконец, 11 января 1826 года последовало правительственное разрешение, а 16 января Ледебур со своими спутниками выехал из Дерпта.

Здесь опять мы встречаемся с именем графа Канкрина, который вновь находит время заниматься ботаническим вопросом и финансирует научную экспедицию. Зачем? Неужели затем, чтобы удовлетворить профессиональный интерес своего брата немца? Попробуем разобраться: вероятнее всего разгадка кроется в убыточности кабинетских земель на Алтае. По своим размерам территория кабинетского хозяйства на Алтае превышала площадь таких стран Западной Европы, как Англия, Голландия и им подобных. На бывшей алтайской территории Кабинета в настоящее время находятся Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области, часть Томской, Павлодарской, Семипалатинской и Восточно–Казахстанской областей. Для управления данной территорией с расположенными на ней заводами, рудниками, населением был учрежден округ Колывано–Воскресенских горных заводов, переименованный в 1831 году в Алтайский горный округ, на территории которого царскому Кабинету было предоставлено монопольное право использовать рудные месторождения, леса, *«огнедействующие»* предприятия, а также труд десятков тысяч приписных крестьян. 14 апреля 1830 года Колывано–Воскресенский округ передали под управление Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, которому стали целиком принадлежать кабинетский аппарат в Барнауле и горное отделение Кабинета в Петербурге. Закон о передаче оговаривал сохранение округа в собственности короны: *«Заводы, как и ныне, остаются частною собственностью нашею, одно управление оными передаётся министру финансов»*. Министерство в свою очередь обязывалось *«ни в какие расчеты с Кабинетом не входить»* и выплачивать ему

ежегодно стоимость 1000 пудов серебра. Аренда Алтайских земель была невыгодна государству, поскольку добыча серебра падала. Интерес министра Канкрина к ботанической экспедиции был вызван, скорее всего, возможностью по-другому использовать эти земли, хотя бы и в отдалённые времена.

Карл Фридрихович Ледебур (1785–1851) и Фридрих Август Геблер (1781—1850)

Ледебур очень хорошо спланировал всю экспедицию. Её успех обеспечивал он сам и его два ближайших ученика — К.А. Мейер и А.А. Бунге, которые впоследствии стали выдающимися ботаниками. Кроме того, он ещё до экспедиции познакомился с доктором Геблером, который в то время работал врачом в Барнауле, а в свободное время изучал природу Алтая.

Фридрих Август Геблер (1781–1850) прибыл в Барнаул в 1808 году из Дрездена, откликнувшись на призыв русского Правительства. Причиной было неустойчивое финансовое положение семьи. Благодаря подвижнической работе немецкого публициста Фиккера, мы можем знать, что, будучи молодым человеком, Геблер любил танцы, не прочь был выпить, дрался на дуэли и был толковым врачом. Геблеру понравился Алтай, он

продлевает контракт и продолжает работу в Горном округе. В 1811 году он женился на дочери горного офицера и после рождения первенца принял русское гражданство. В 1823 году при помощи начальника горных заводов Фролова он основал Барнаульский краеведческий музей.

Надо сказать, Ледебур с большим пониманием отнесся к этой затее Геблера и впоследствии передал в краеведческий музей бесценный дар — гербарий, в котором содержалось по экземпляру практически всех видов растений, собранных им и его спутниками в горах Алтая. Гербарий содержал много новых видов, описание которых он позже поместит во «Флору Алтая». Как жаль, что эта коллекция растений не сохранилась. Уже в 1892 году один из внуков Геблера отметил, что музей, *«которому Геблер так радовался»*, находится в плохом состоянии. Но самое печальное, что обширная коллекция Ледебура обветшала и была выброшена как мусор.

Последние сведения об этом гербарии датируются 1900 годом, когда он хранился в административном здании барнаульского лесозавода.

А в то время Геблер совершал по нехоженым землям одну экспедицию за другой. Перед ним открылась неизведанная страна, и он со страстью первопроходца увеличивал список своих открытий. Одним из его наиболее значимых научных достижений было открытие ледников на Алтае и в частности на главной вершине горы Белухи. *«Желание подробнее познакомиться с этими горами, их структурой, с их реками и горячими источниками, с их природными богатствами и с их жителями побудило меня каждое лето в 1833, 1834 и 1835 годах использовать по одной неделе, свободной от служебных обязанностей, для посещения этих гор»* — писал Геблер.

Похоже, что Геблер никогда не стремился вернуться обратно в Германию. Подлинным Отечеством для него стала Россия, в которой он прожил 42 года из своих неполных 70 лет. Он ушёл из жизни 21 марта 1850 года в Барнауле. На следующий день скончалась его жена.

Могила Геблера в Барнауле (фотография начала XX века из фондов Алтайского краеведческого музея)

Экспедиция Ледебура должна была охватить как можно большую территорию Алтая и Восточного Казахстана. Обязанности между её участниками распределялись следующим образом. Самому Ледебуру предстояло обследовать Западный и Юго–Западный Алтай — территорию, занятую Колывано–Воскресенскими рудниками, по рекам Алей, среднему Иртышу, Убе, Ульбе, верховьям Чарыша; он также намеревался побывать на Тигиреке. Бунге поручалось изучить территории Восточного Алтая по бассейну Чарыша, по рекам Коксе, Катуни, Чуе, Чулышману, у Телецкого озера и по прилегающим горным хребтам и плоскогорьям. В первоначальный план Мейера входило знакомство с флорой и фауной реки Бухтармы, окрестностями оз. Нор–Зайсана, Чёрного Ануя, Тарбагатайского хребта и прилегающих Киргизских (Казахских) степей.

Основной целью экспедиции был сбор ботанического материала — гербария, семян, плодов и живых растений. Кроме того, предписывалось изучение животного мира, сбор коллекций насекомых и наиболее характерных позвоночных, а также горных пород и минералов. С помощью двух ртутных термометров путешественники надеялись определять не только температурные

измерения, но и измерения высот.

Ледебур обязал каждого из своих помощников вести свой дневник, тщательно записывать всё, начиная с условий произрастания и обитания найденных представителей флоры и фауны и кончая этнографическими наблюдениями. Только благодаря этой строгости учёного по отношению к самому себе и своим подчинённым, мы сейчас полностью представляем, как проходило это беспрецедентное путешествие.

В Барнаул экспедиция прибыла 9 марта 1826 года. Начальник завода П.К. Фролов был в это время в Томске, и Ледебуру пришлось ждать его дальнейших распоряжений. А Бунге и Майер 18 марта, сделав дорожные запасы и получив необходимые дорожные документы и рекомендации, отправились в Змеиногорск.

Ледебур побывал в Змеиногорске, потом через деревню Черепаниху отправился в Колывань. Надо сказать, что уже нет и той дороги, по которой ехал Ледебур. Сейчас только в сухую погоду ещё можно продраться сквозь камни и грязь, а весной тут никто не ездит. Да и от Черепанихи никаких примет здесь уже не осталось. После знакомства с заводами Колывани Ледебур отправляется в г. Риддер[13]. С 1 по 5 мая он совершил небольшие экскурсии по риддерским окрестностям, по долинам рек Громотухи и Тихой, изучая флору. Через Бутаковский перевал он прошёл к реке Ульба, где работал в окрестностях Бутаково, Черемшанки. Подняться высоко в горы он не мог, так как там ещё лежал снег. После пошли проливные дожди, которые сделали дороги совершенно непролазными. Вынужденный отдых Ледебур посвятил сушке гербария и приведению коллекции в порядок.

Наконец, 7 июня было решено продолжить путешествие. Первоначально Ледебур намеревался проехать к Тигирецким белкам, но из-за отсутствия знающего те места проводника вынужден был изменить маршрут. В Риддере к отряду Ледебура присоединился стрелок Пушкарев, человек необычайной силы и ловкости, и таким образом партия, возглавляемая Ледебуром, увеличилась до семи человек, включая толмача и проводника, а также двух крестьян, сопровождавших обоз из 13 лошадей.

Экспедиция направилась к верховьям Чарыша. Путь шёл сначала по реке Филипповке через верховья Убы, Коксунский

хребет и верховья Коксы. Перевалив Коксунский хребет, отряд вышел к верховьям Чарыша и несколько дней добирался до деревни Чечулихи. Труден был путь через горные скалистые ущелья, почти без дорог приходилось преодолевать высокие горные хребты. Путешественники нередко довольствовались звериными тропами. Путь постоянно преграждали горные речки, из которых наиболее опасными были Коргон и его приток Хаир–Кумын (Кумид). В болотах лошади увязали по брюхо, калечили ноги об острые камни. Нередко жизнь людей подвергалась смертельной опасности, от которой их неизменно спасал мужественный и находчивый Пушкарев. Сейчас по этой дороге никто не ходит и не ездит, даже охотничьих троп не осталось. С одной стороны, этот маршрут идет по территории разных государств, России и Казахстана, а с другой — удобнее проехать полтыщи километров по автостраде, чем прямиком через неприступные горы.

В предисловии к своим «Путешествиям...» Ледебур сетует на однородность описаний, что суровость климата не позволяет их разнообразить. *«... Алтайские горы вследствие географической широты и восточного местоположения составляют такой неблагоприятный контраст по сравнению с горными мест ностями южных стран, что уже это обстоятельство в некоторой степени разочарует читателя. Здесь путешественник, спускаясь с горных вершин, не попадает в плодородные, весёлые долины, где ясное небо заставляет забыть все трудности путешествия. Но со временем читателю, возможно, и понравится утомительное одно образие этого дневника, где описываются повторяющиеся ливни, ночные заморозки, даже в летние месяцы, и болота, которые постоянно встречаются на пути, — всё то, что представляет явно невесёлую картину».*

Ледебур путешествовал по Юго–Восточному Алтаю, где до него никому из ботаников бывать не приходилось. Возле Риддера он поднялся на гору Крестовую и с её вершины любовался незабываемыми картинами наступающей весны.

Когда пройдет буйство ранневесенних красок и начнётся рост трав, зацветают жарки. Все поляны охватывает оранжевое пламя. Пройдёт ещё неделя, и зацветёт марьин корень. С наступлением лета поднимутся высокие травы, и тогда путь по ним превращается в настоящее испытание. Здесь легко потерять из виду лошадь вместе с наездником. Считается, что эти места на

Алтае наиболее мокрые. Высокая влажность главный фактор определяющий поистине гигантские размеры обычных лесных растений. Так, недалеко от Риддера, в маленькой деревне Зимовье, борщевик достигает трёхметровой высоты. Под стать ему и дудник, и недоспелка, и альфредия, и ежа сборная. Редкий день эти травы стоят сухие, чаще всего роса так и не успевает высохнуть на их листьях.

Путешествуя, Ледебур добрался до Тигирекского хребта и любовался истоками речки Иня, одного из главных притоков Чарыша. Иня берёт своё начало из каровых озер. В обширных цирках образуются большие снежники, которые медленно стаивая, питают озера. Вода переливается через край в озеро, расположенное ниже. Дно ручья устлано длинными космами зелёных водорослей, которые колыхаются, словно волосы русалок. Из нижнего озера вода, наконец, срывается в крутое ущелье, бешено скачет по камням и становится совершенно непреодолимой. Ущелье настолько крутое и дикое, что до сих пор в нём обнаруживают новые, неизвестные науке водопады. Последний из них был открыт совсем недавно, в конце XX века, и назван именем Геблера.

Лагерем Ледебур останавливался на берегах верхних каровых озер, среди мелкого искривлённого лиственничника. Нехитрый экспедиционный быт нисколько не изменился даже за полтора столетия. «Во время такого путешествия распорядок жизни постепенно устанавливается сообразно обстоятельствам, и может быть, его описание многим покажется небезынтересным, ибо разница между походами в здешних горах и в горах других краёв в основном определяется этими обстоятельствами, а посему здесь и уместны следующие подробности. Обычно мы ежедневно проделывали по 25—30 верст, иногда и более, если местность представлялась малоинтересной, но нередко мы проезжали за день всего 15 верст, если коллекции хорошо пополнялись и на вечер оставалось много работы. Как только мы останавливались, люди в первую очередь распрягали коней, и одни гнали их на пастбище, другие рубили жерди для палатки. Установив мою палатку и внеся в неё багаж, прежде всего собранные растения, они разводили большой костер; и так как мы обычно добирались до стоянки *насквозь промокшими, то можно себе представить, с каким нетерпением все смотрели на разгорающееся пламя! Затем я начинал заниматься своими делами, в то время как трое моих людей вынимали собранные за день растения и перекладывали собранные ранее.*

Я взял себе за правило сразу же определять свежесобранные растения и записывать в свой дневник происшествия, случившиеся за день, и не слишком полагаться на свою память. Я не позволял себе откладывать эту работу даже при большой усталости, ибо запись наблюдений и впечатлений по свежим следам имеет свои преимущества, во всяком случае для самого наблюдателя, к тому же он впоследствии, имея досуг и располагая более совершенными вспомогательными средствами, сможет их исправить и пополнить. Слуга мой между тем готовил скромный ужин, причём мы довольствовались небольшими, взятыми из Риддера, припасами и водой из ближайшей речки. В этой части гор не обитают калмыки, у которых мы могли бы купить свежее мясо; дичь же, на которую я рассчитывал, попадалась вообще редко».

Надо думать, сборы с верховьев Ини значительно пополнили гербарные коллекции Ледебура. Пестроцветье альпийских лугов не могли не восхищать искушённого ботаника. Сразу после таяния снега зацветает жёлтым цветом алтайский лютик, чуть поодаль распускается аквилегия. Её огромные синие венчики спорят с синевой июньского неба.

Сколько не пытаются садоводы добиться такого насыщенного цвета, до сих пор это никому не удается. Ещё чуть дальше, среди мощных зелёных стеблей, жёлтыми солнышками цветёт дороникум. А среди камней курумника распластаны толстые стебли родиолы розовой, или золотого корня, полезные свойства которого Ледебуру были ещё не известны. Здесь же среди камней растёт копеечник с могучим корнем, настой которого пьют при всяких заболеваниях.

После отдыха на Тигирецких альпах Ледебур совершает головокружительный спуск с Тигирецкого хребта по южному склону в долину реки Коровихи. Сегодня, как и тогда, эти места отличаются безлюдьем и дикостью. Даже пешком, без лошадей и большого багажа, этот путь чрезвычайно труден, а ведь Ледебур преодолел его с караваном лошадей. *«Когда мы увидели крутой склон в несколько сот футов высотой, то убедились в сложности своего положения, тем более, что я после утрешнего ранения не мог идти. Мы потребовали у проводников показать нам другую дорогу, но оказалось, что они не знали её, и теперь ничего иного не оставалось, как попытаться спуститься, ибо возвращаться на плоскогорье в такую погоду было немыслимо.*

Трудности передвижения в долине для верховых навьючных лошадей настолько превосходили все выпавшее нам на долю в этих горах, что это даже сложно описать: стены теснины, ширина которой внизу не превышает двух сажен, круто обрываются; они всюду покрыты мелкими скальными осколками, между которыми растут пышные травы, скрывающие каменистую россыпь. Камни удерживаются только корнями, а когда нога человека или лошадиное копыто разрывают эти корни, камни катятся в жуткую бездну, угрожая увлечь за собой. Поэтому мы старались как можно твёрже ступать на камни, лежащие под мелкой россыпью, что было не менее опасно, так как из за тысяч крохотных ручейков, стекающих с белков, все камни были скользкими.

Никто из моих людей не сидел на своей лошади, только я был вынужден ехать верхом, потому что пешком идти не мог, но с лошадьми было много хлопот, поскольку вести с кручи их приходилось за поводья. Привыкшие к трудным подъемам и кручам, здесь они никак не хотели спускаться и всё время поворачивали обратно. Все понукания были напрасны и, хотя кнута не жалели, лошади не трогались с места, стойко выдерживая побои. Егерь Пушкарёв, человек громадного роста и исключительной силы, должен был с помощью других лю дей спускать каждую лошадь в отдельности, а у меня их было теперь полтора десятка. Люди падали и ранились, что действовало на меня угнетающе, ведь и самому предстояло спускаться. В довершение всего мне пришлось ехать на крестьянской лошади, взятой в Сентелеке, так как лошадь, к которой я очень привык и на которую мог положиться, из за небрежного засёдлывания стёрла себе спину. Я едва мог держаться в седле, чувствуя при этом сильную боль, и люди помогали мне осторожно спускаться, в сущности, рискуя своей жизнью, только благодаря им я благополучно спустился со страшной кручи.

Наконец мы собрались все внизу, где ручейки вливались в речку Малую Белую Убу, но на этом наши злоключения не кончились. Белая Уба, хотя и небольшая, но круто падающая и бурная, текла в узком русле по каменным глыбам. Чтобы дойти до удобной для лошадей тропы, им предстояло ещё преодолеть скалистые глыбы, перепрыгивая с одной на другую. Таким способом лошадям пришлось передвигаться ещё две версты, причём я всё время вынужден был сидеть на коне с полной покорностью судьбе. Постепенно долина стала шире, а склоны — менее крутыми; мы направились по береговой кайме, идущей вдоль реки, по которой можно было

пробираться лишь с великой осторожностью. Я тоже было свернул на эту тропку, но один из моих людей решил, что лучше ехать по верхней части склона, и скоро я с ужасом увидел, что на горе, как раз над тем местом, где я находился, жеребёнок, кобылица и сидевший на ней всадник опрокинулись и покатились по откосу. Я прижался к дереву, чтобы хоть как то уберечься, но их задержали кусты, и они смогли подняться на ноги. В этой поездке, доставив людям массу хлопот и жалея их, я радовался их добродушию и готовности услужить, понимая, что на них твёрдо можно положиться в подобных обстоятельствах».

Как видно из дневниковой записи Ледебура, он смог вернуться в Риддер избранным путём, хотя риск был смертельный.

Следующее путешествие он совершил по живописной долине реки Бухтармы. Затем поднялся на горный хребет, служивший водоразделом между реками Язовая и Белая, долиной последней спустился в деревню Фыкалку, находившуюся у подножия хребта Листвяги. Отсюда он намеревался пройти до истоков Катуни, но местный сельский старшина отговорил его от этого намерения в связи с поздним временем года и сложностью пути. Поэтому ему не удалось открыть Белуху — самую высокую вершину Алтайских гор.

Лишь три года спустя у «Катунских столбов» побывал А. Бунге. А в 1836 году Ф.В. Геблер поднялся на гору Белуху до границ вечных снегов, открыв истоки Катуни и большой ледник, названный впоследствии его именем.

Экспедиция Ледебура закончилась на Колыванском озере расположенного близ Змеиногорска. В последний раз он смотрел на озеро, обрамлённое причудливыми скалами, напоминающими ему далёкую Швейцарию. Он поднялся на Колыванский хребет, за которым безбрежным зелёным морем раскинулась тайга, лишённая даже малейших признаков цивилизации.

Великое путешествие подошло к своему славному завершению, и Ледебуру надлежало возвращаться к размеренной жизни в Дерпт. Одно его утешало: полевые материалы экспедиций таили в себе множество удивительных открытий.

Собранные им и его дружными учениками коллекции были огромны: 1600 видов растений, 240 видов живых растений для

ботанического сада в Дерпте. Кроме того, собрана колоссальная коллекция семян — 7868 порций (1340 видов).

Вместе с обозом гружёным серебром Ледебур и Мейер прибыли в Москву, а оттуда 4 февраля — в Дерпт. 19 марта они представили Совету университета отчёт о путешествии и сдали собранные коллекции. В дополнение к 10 тысячам рублей Ледебур испросил ещё тысячу ассигнациями на приобретение коллекций волжских рыб и тысячу — на погашение долга П.К. Фролову, который ссудил учёному эту сумму на обратную дорогу до Дерпта. В Алтайском краевом архиве хранится донесение ректора Дерптского университета Эверса Фролову от 29 января 1827 года (полученное в Барнауле 5 марта 1827 года) о том, что начальнику Колывано–Воскресенских заводов пересланы деньги (1000 рублей), взятые у него Ледебуром.

Вся остальная жизнь Ледебура была подчинена обработке собранных коллекций. 2 января 1836 года окончился его 25-летний срок службы в Дерптском университете, и с 21 января он ушёл в отпуск с полной пенсией и в звании заслуженного профессора. До 14 июня он ещё продолжал выполнять обязанности университетского профессора и директора ботанического сада, а затем уехал в Мюнхен, где провел остаток лет своей жизни, работая над последним капитальным трудом по флоре России.

Карл Ледебур скончался в Мюнхене 4 июля 1851 года. Труды Ледебура связали ботанические исследованияXVIII и XIX веков. «Флора Алтая» и «Флора России» были главными ботаническими трудами почти на целое столетие. «Флора России» содержала 6500 видов, из них 3150 были сибирскими растениями. Таким образом, далёкая Сибирь, благодаря трудам неутомимых путешественников оказалась изучена лучше, чем другие регионы России.

Д.И. Литвинов в книге «Библиография флоры Сибири» (1909) даёт высокую оценку этой работе: *«Знаменитый труд, сделавший эру в изучении флоры нашего Отечества и до сих пор никем не превзойденный. Он требует теперь уже больших дополнений вследствие значительного расширения пределов нашей страны и лучшего её изучения с тех пор, но он никогда не потеряет своего значения как первая обработка всей нашей флоры и в особенности как точный и полный свод всех литературных указаний к нейс начала науки у нас и до середины прошлого века. Очень немного мы*

могли бы указать печатных источников, пропущенных Ледебуром. Осуществлением этого большого научного предприятия мы обязаны графу Е.Ф. Канкрину, бывшему в то время мэтром финансов, испросившему средства, потребные на работу, и главным образом энергии автора, почти единолично доведшему большое дело до конца в сравнительно короткий срок».

Главный труд К.Ф. Ледебура — 4-томная «Флора России» — выходила с 1842 по 1853 год и оказал громадное влияние на развитие ботаники в России. В доказательство этого хотелось бы привести слова великого русского путешественника Г.Н. Потанина: *«Прослушав два года профессоров Бекетова и Фамицина, я всё таки не почувствовал себя в положении Палласа, книгу которого я читал ещё в кадетском корпусе, и который, путешествуя по уральской степи, заносил, сидя в экипаже, в свою записную книжку латинские имена встречающихся растений. Не зная, что нужно для этого сделать, я пошёл к П.П. Семёнову, и он научил меня купить "Флору Ледебура", 22 рубля за 4 тома, уехать в деревню и заняться определением растений. Я уехал с Ледебуром в Калужскую губернию. И провёл лето в деревне Воровой на Оке, в виду Калуги. На следующее лето я проехал по Уралу от Уральска до Гурьевска. К концу моего пребывания в Петербург у меня накопился гербарий в 2000 экземпляров, частью собранных мною, частью подаренных Карелиным (с которым я познакомился в Гурьеве), частью Щукиным, братом ботаника, от первого я получил гербарий уральских растений, от второго — гербарий тункинских белков».*

Новые поколения учились ботанике по «Флорам» Карла Ледебура. Можно ли автору желать большего?

Ледебуриелла растопыренная — Ledebouriella divaricata (Turcz.) Hiroe

КРУГ ТРИНАДЦАТЫЙ. ЛЕДЕБУР, БУНГЕ, МЕЙЕР

Ботаника — особая наука. Можно учиться по книгам, можно выучить названия всех растений. Можно научиться идентифицировать растения в гербарии с их названиями, но ботаником так и не стать. Нужен Учитель — человек, который проведёт через лабиринт практического знания и научит

различать хотя бы 300–500 видов растений. Только после этого начинается осознанная работа со справочником–определителем. С этого момента дополнительные знания увеличиваются с головокружительной быстротой. И чем больше знания, переданные учителем, тем быстрее ботаник узнает все растения, которые ему будут доступны. Именно таким Учителем был Карл Ледебур. Даже если бы он не написал «Флору России», а только остался в памяти как наставник таких ботаников, как А.А. Бунге и К.А. Мейер, то он всё равно прославил бы своё имя.

Александр Андреевич Бунге (1803—1890) родился в Киеве 24 сентября 1803 года. Род Бунге происходил из Швеции. Ещё в раннем возрасте Бунге вместе с семьей прибыл в Дерпт, где и поступил в местную гимназию и окончил её 18-летним юношей. В 1821 году он был зачислен на медицинский факультет университета и проучился 4 года. Его успехи в изучении наук были отмечены золотой медалью. В начале января 1826 года Бунге по просьбе начальника Колывано–Воскресенских заводов П.К. Фролова и по рекомендации К.Ф. Ледебура получил назначение на должность врача Колывано–Воскресенских заводов. Его назначение было спланировано Ледебуром, чтобы Бунге смог участвовать в знаменитом Алтайском путешествии. Однако к своим прямым обязанностям врача Бунге не приступил, поскольку сразу по прибытии был зачислен в штат экспедиции.

Выехав 16 января 1826 года из Дерпта, К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге и К.А. Мейер 9 марта были уже в Барнауле. Пробыв там некоторое время в ожидании П.К. Фролова, а также занимаясь закупкой продуктов на дорогу, Бунге и Мейер лишь 18 марта выехали в Змеиногорск, откуда должны были отправиться по своим маршрутам. Согласно плану экспедиции, Бунге предназначалось ехать на восток, в горы, к деревне Чечулихе — крайнему русскому поселению, граничащему с областью кочевников–алтайцев. Здесь он намерен был подняться на вершины окрестных гор, побывать на Чуе, Телецком озере и Саянских горах. Однако для поездки в Саянские горы требовалось разрешение енисейского губернатора, открытое предписание с его подписью и рекомендательные письма. Ледебур обратился к нему с соответствующей просьбой, но ответ задержался настолько, что Бунге был вынужден уехать на Чую, договорившись встретиться с Ледебуром в деревне Уймон.

Александр Андреевич Бунге (1803—1890), один из последних портретов и Карл Андреевич Мейер (1795–1855)

В Змеиногорске Бунге задержался до 30 марта, так как нужно было сделать путевые запасы; в течение этого времени он осмотрел завод, рудник и посетил окрестности города. Путь на Чечулиху пролегал по живописным предгорьям Алтая, через деревню Саввушку, мимо Колыванского озера. Именно здесь Бунге увидел весеннее чудо Алтая. По берегам ещё замёрзшего озера, на солнечных проталинах, то здесь, то там проросли нежные гусиные луки; в зарослях кустарников под камнями им было найдено растение, накануне описанное Палласом, — голосемянник алтайский; лесные поляны густо цвели кандыками — первыми «сибирскими подснежниками». Такое пестроцветье раннецветущей флоры поражало воображение ботаников.

Проехав деревню Чагыр, Усть–Тулатинский редут и деревню Сентелек, Бунге прибыл в Чечулиху. Здесь управляющий Колыванской шлифовальной фабрикой предоставил Бунге четырёх лошадей, а также стрелка и следопыта Василия Белоусова, уроженца деревни Коргон. Как раз в это время здесь взбунтовались рабочие, ломавшие камень для нужд Колыванской фабрики. Они

организовали отряд и под предводительством камнеломца Чкалова громили казённые склады и нападали на проезжих купцов и чиновников, наводя ужас на местное начальство. Но это не остановило Бунге, и он целый месяц совершал экскурсии по окрестностям, собирая растения и насекомых. Здесь он нашёл чрезвычайно редкое растение на карбонатных скалах, которому впоследствии даст имя «ирис тигровый».

В середине мая Бунге отправился вверх по Чарышу. Весна была в самом разгаре: по южным, хорошо прогреваемым склонам обильно цвёл степной пион, не известный ещё науке ирис, который Бунге опишет как «ирис седоватый».

Бунге сумел перевалить Теректинский хребет и выдти к Катуни. Переправившись через неё 20 мая, он миновал Сершальский и Айгулакский хребты и спустился к реке Чуе. Он первым из ботаников посетил Чуйскую и Курайскую степи, побывал на Айгулакском и Курайском хребтах. Теперь Бунге имел намерения отправиться к Телецкому озеру, но, узнав, что ехать туда ещё рано, пошёл обратно вверх по Чуе. Вновь ему пришлось переправиться на другой берег Катуни, после чего его путь лежал через снежные перевалы Теректинского хребта, и 13 июня в сопровождении своих спутников и проводников–алтайцев Бунге спустился в Уймонскую долину, где 26 июня в деревне Уймон состоялась его встреча с К.Ф. Ледебуром. Условившись с руководителем экспедиции относительно дальнейшего маршрута и передав ему свои коллекции, Бунге проводил его 1 июля до Абая и двинулся к Кану. Здесь ему предстояло дождаться возвращения вестового, с которым Ледебур препроводил запасы для дальнейшего путешествия и корреспонденцию.

Отправив свои ответы на письма в Риддер, Бунге 9 июля предпринял тем же путем — долинами рек Чарыш, Ябаган и Урсул — вторичное путешествие на Катунь и Чую. Проведя исследования в Чуйской степи, 20 июля он снова был в резиденции зайсана Монгола. Оставив там все свои вещи Бунге налегке отправляется к Телецкому озеру. 26 июля — проход по Чулышманскому хребту и спуск в долину Чулышмана, затем берегом этой реки 27-го он достигает вод Телецкого озера. Ни один исследователь до Бунге не бывал ещё на берегах Башкауса и Телецкого озера, и ему первому принадлежит честь открытия для науки этой местности, поразившей его своей дикой, первозданной красотой. В июле на Телецком озере, как правило, стоит хорошая тёплая погода, однако в тот год было иначе. На всём протяжении

пути отряд сопровождали дожди, перемежающиеся со снегом. Это вынудило 23-летнего путешественника отказаться от намерения посетить Саяны — надо было спешить с возвращением.

После возвращения и обработки коллекций в конце декабря 1826 года Ледебур и Мейер выехали из Барнаула в Дерпт, а Бунге остался на Алтае исполнять свой врачебный долг в качестве уездного врача Барнаульского округа. Позднее он был переведён в Барнаульский госпиталь, а 18 февраля 1828 года определён заведующим Змеиногорским лазаретом. На этой службе он находился до 15 мая 1830 года.

Но работая врачом, Бунге не прекращал своих естественнонаучных занятий. Он занимался обработкой путевого дневника и собранных во время экспедиции материалов. Он также вместе со своим учителем принимал участие в работе над «Флорой Алтая».

В июне 1829 года Бунге предпринял путешествие к верховьям Катуни. В письме к Ледебуру он упоминает о главной вершине Катунского хребта — горе Белухе (4506 м), которая в то время была известна под названием «Катунские столбы». Перевалив с Бухтарминской долины через хребет Листвяги близ Марального озера, он спустился к месту, где «*два мощных горных потока сливаются, образуя реку*». Здесь Бунге, вероятно, говорит о слиянии Катуни с Кипчаком. Желая выяснить причину замутнения Катуни, он продвинулся несколько выше, где убедился в неправильности мнения, что Катунь вытекает из Белого озера. Однако Белухи он не увидел, так как она была закрыта отрогами стоящих впереди гор. Издали он видел небольшой ледник, но не догадался связать его с помутнением Катуни, которое, по его предположению, происходило оттого, что река протекала в глыбах известнякового сланца, перетираемого в белый порошок.

Позднее его ошибку объяснил В.В. Сапожников: Бунге случилось находиться в этих местах в начале июня, когда верхнее течение Катуни ещё не освободилось от снега и мешало ему проникнуть к леднику, от которого берёт своё начало великая алтайская река. А между тем стоило продвинуться всего на каких-нибудь полкилометра или даже просто перейти на левый берег Катуни, как он увидел бы обе вершины Белухи и Катунский ледник почти во всю его длину.

Путешествие по Алтаю, знакомство с Гумбольдтом, а также ботанические работы молодого учёного привлекли к нему внимание научных кругов, и в 1830 году Александр Андреевич был приглашён Императорской Академией наук для участия в учёной экспедиции по Монголии и Китаю. Так Бунге попал в пустыню Гоби, где собрал большой гербарий, а 24 апреля 1832 года снова вернулся в Барнаульский госпиталь. По результатам этой экспедиции он опубликовал «Описание новых видов китайских и монгольских растений», напечатанное в 1835 году в «Учёных записках Казанского университета». 3 июля 1832 года Александр Андреевич получил новую командировку от Академии наук в Восточный Алтай. Во время этой поездки он обследовал горы по правому берегу Чуи, до её верховьев, а также истоки Чулышмана и Башкауза. Им было собрано 366 видов растений, из них 57 были новыми для флоры Алтая, а 27 вообще описывались впервые. Краткие сведения об этом путешествии Бунге сообщил в своём отчёте Академии наук в 1832 году.

В 1833 году Бунге был назначен экстраординарным профессором ботаники Казанского университета. Быть может, он и остался бы навсегда в Казани, но в 1835 году Ледебур, уходя в отставку, рекомендовал на вакантное место своего ученика и Бунге был избран ординарным профессором Дерптского университета. Позднее ему был также передан ботанический сад при университете. В качестве директора ботанического сада он заботился о пополнении коллекций тропических растений, радикально перестроил пришедшие в ветхость оранжереи и сделал несколько новых. Нужно ли говорить, что образцы алтайской флоры заняли достойное место в коллекциях ботанического сада. К 1852 году Бунге выслужил 25 лет и по закону мог уйти на пенсию, но его трижды оставляли на службе на пятилетний срок. Это говорит о том, что он был великолепным специалистом, талантливым организатором и педагогом.

19 декабря 1857 года Бунге был прикомандирован к экспедиции, снаряжённой Русским географическим обществом в Хорасан (Персия). В этой экспедиции был собран обширный ботанический материал, полностью не обнародованный. Вернувшись из экспедиции 9 августа 1858 года, Бунге опубликовал в «Вестнике Императорского Русского географического общества» несколько весьма важных отчётов об этой экспедиции, в которых дал превосходно написанную ботанико-географическую характеристику посещённых им мест. В результате этой экспедиции был опубликован также труд «О

губоцветных». Для пополнения гербария Бунге в 1860 году ездил за границу на 4 месяца; полугодовую поездку за границу он совершил также в 1866 году для сравнения и описания астрагалов. Наконец, прослужив 40 лет, Александр Андреевич 31 декабря 1867 года ушёл в отставку и занялся обработкой собранного им богатейшего материала. Собственно, уже после отставки, он написал самый важный свой труд — монографию, посвящённую самым сложным родам *Astragalus* и *Oxytropis*, за которую получил Декандолевскую премию. Свой жизненный путь А.А. Бунге окончил в 1890 году в имении Мятлино Эстляндской губернии.

По отзыву одного из биографов, Бунге принадлежал к числу тех немногих учёных, которые счастливо прожили до глубокой старости, сохраняя довольство своим существованием и усиленно работая всю жизнь.

Продолжая традиции своего учителя Карла Ледебура, Александр Андреевич воспитал достойных ботаников, которые своими судьбами добавили к бесконечному орнаменту ботаники свои неповторимые узоры. Среди его учеников был легендарный русский ботаник К.И. Максимович (1827–1891) — исследователь флоры Дальнего Востока и Японии, один из крупнейших представителей эволюционного учения в русской науке, а также известный русский геолог, палеонтолог, ботаник и путешественник Ф.Б. Шмидт (1832–1908).

Судьба была благосклонна и к другому участнику экспедиции и ученику Ледебура — Карлу Андреевичу Мейеру (1795–1855). Он прожил удивительную жизнь. Родившись в Витебске, он воспитывался в доме отца, местного аптекаря. После смерти родителя, он наследовал аптеку и некоторое время работал в ней. В возрасте 18-ти лет Мейер поступил в Дерптский университет, где и произошло его знакомство с Ледебуром, полностью изменившее его мировоззрение: из местечкового аптекаря он становится ботаником. В 1818 году вместе с Ледебуром, успевшим оценить способности молодого человека, Мейер совершил своё первое путешествие в Крым. Там, в живописных горах у юноши созрело окончательное решение покончить с фамильным делом. По возвращению он продал свою аптеку и переселился в Дерпт, где Ледебур устроил его в ботанический сад, предоставив место приватного помощника.

Когда в 1826 году Ледебур отправился на Алтай, Мейер снова

был с ним. Территория, которую исследовал Мейер, занимала восточную часть нынешнего Казахстана, а именно: Восточно–Казахстанскую область, северную половину Семипалатинской области и северо-восточный угол Карагандинской области. В то время это была *terra incognita* — земля доселе не известная, чрезвычайно богатая растениями, ещё не открытыми для науки. Честь их описания выпала на долю Мейера. Эта территория только за 4 года до путешествия Мейера стала собственностью Российской Империи.

После добровольного присоединения казахов к России, согласно «Уставу о сибирских киргизах» 22 июля 1822 года, разработанному М.М. Сперанским, ханская власть здесь была упразднена, а территория поделена на округа. Мейеру посчастливилось первым из ботаников посетить эти удивительные места.

Конечно, к 20-м годам XIX века здесь уже побывало немало русских людей. По казахской степи странствовали, прежде всего, служивые люди, среди которых имена капитана И.Г. Андреева (1785), атамана Телятникова (1796), горных чиновников Михаила Поспелова и Тимофея Бурнашова (1800), переводчика Сибирского корпуса Филиппа Назарова (1813) и других. Путешествовал здесь и маркшейдер Алтайского горного округа И.П. Шангин. В 1816 году он обнаружил немало древних выработок по добыче свинцовых и медных руд в урочищах Корпетай и Бесчоку, вблизи Каркаралинских гор. Благодаря его путешествию, примерно с 1816 года начинается освоение подземных богатств центральной части Казахстана.

В связи с тем, что золотопромышленники собирались вести здесь изыскательские работы, а затем и добычу руды, Правительство решило вопрос о территориальном устройстве казахских кочевых хозяйств. Было выбрано место для будущего окружного приказа — урочища Кент и Каркаралы. 8 апреля 1824 года состоялось торжественное открытие Каркаралинского округа и приказа, а указ об этом событии был одобрен правительствующим Сенатом и утверждён 24 июля того же года. Первым, кто осел в казахской степи, был русский заседатель сотник Д. Карбышев. Он отвечал за порядок в степи, для чего ему выделялась команда в составе 250 линейных казаков. На долю этого казахского сотника выпала ответственная миссия обустройства этой территории. Возможно, что его ежегодные рапорты и послужили основой поездки Мейера в эти ещё

совершенно не изученные места.

Карбышев встретил Мейера 25 августа 1826 года и показал дорогу к горам, далеко виднеющимся в выжженной степи. Впервые могучий гранитный вал Каркаралинской гряды — жемчужины казахской степи — предстал взору натуралиста. Горы эти древние, они возникли в середине мезозойской эры. Однако в начале кайнозоя, миллионы лет спустя, их постигло полное разрушение. А во время четвертичного периода горы пережили второе рождение и стали такими, как сейчас: остроконечные вершины, глубокие долины, крутые склоны. Самое удивительное, что эти горы поросли сосновым лесом. В условиях казахстанского засушливого климата сосна находится на пределе своих экологических возможностей существования. Тем не менее, здесь она чувствует себя хорошо. Причина кроется в том, что горы сложены матрацевидными гранитами, в трещинах которых скапливается достаточное количество влаги для существования леса. Горы, как гигантская губка, впитывают влагу из окружающего воздуха, и часть территории сосновый лес успешно отвоевал у степи.

Здесь Мейер посетил знаменитое Чёртово озеро (Шайтанколь), расположенное на вершине горного хребта и окаймлённое гранитными скалами. В восьмидесяти верстах от Каркаралинска Мейер посетил гору Ку. Он заметил, что сосновые леса в этих местах сильно разреженные, по сравнению с горами Каркаралы. Интересно, что так они выглядят и в настоящее время. Это свидетельствует об огромной позиционной устойчивости сосны, способной удерживать за собой экологические ниши.

Более всего Мейера поразили солончаки, белыми пятнами разбросанные по степи. Здесь росли растения, которые он никогда не видел. Странные членистые анабазисы, многолетняя, почти кустарниковая лебеда.

Во время поездки по Киргизским степям Мейер проделал огромную работу по изучению степной флоры и фауны. Им было определено и описано около 900 видов растений, в том числе много новых, около 170 видов насекомых и около 60 видов птиц и млекопитающих.

Это путешествие открыло дверь в новую, неизвестную ботаническую страну, и Каркаралинские горы стали притягивать

многих и многих ботанических исследователей. Среди них были Г. Карелин, И. Кирилов, А. Шренк, С. Коржинский и многие другие, ставшими заложниками и почитателями природной красоты Каркаралинских гор.

После возвращения в Дерпт Мейер до 1829 года работал над обработкой путевого дневника, который и вошёл в состав II тома книги Ледебура «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи». В одной из глав этого дневника даётся общая характеристика степей Восточного Казахстана и прилегающих гор. Это был первый обобщающий обзор флоры Восточного Казахстана, не утративший своего значения и в наши дни. В этом дневнике мы находим краткие исторические и статистические справки о горах и деревнях, форпостах и редутах, данные о земледелии, скотоводстве, рыболовстве и охоте, а также сведения по географии, орографии Южного и Восточного Казахстана.

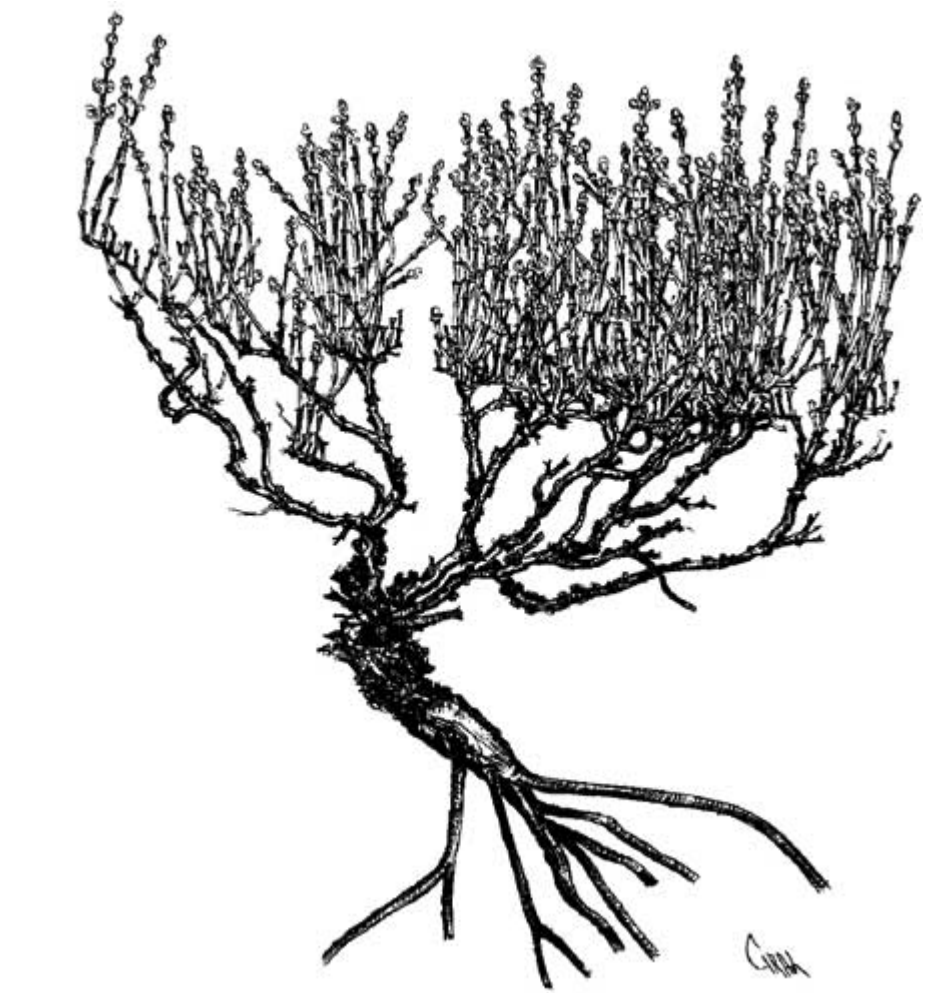
На дальнейшую жизнь и карьеру Мейера большое влияние оказала встреча с Э.И. Эйхвальдом (1795–1846) — известным русским естествоиспытателем, минералогом, зоологом и палеонтологом, членом–корреспондентом Императорской Академии наук. В тот момент, когда Мейер вместе с Ледебуром возвращались с Алтая, Эйхвальд завершил экспедицию по Каспийскому морю. Эйхвальд обратился к Ледебуру и Мейеру с просьбой обработать собранный на Кавказе обширный ботанический материал. Предложение это было, разумеется, принято. Закончив обработку полевых материалов, Мейер опубликовал результаты в виде научной монографии, вышедшей в свет в двух выпусках. Знание каспийскокавказской флоры, успех «Флоры Алтая» послужили поводом тому, что Императорская Академия наук в 1829 году включила Мейера в состав экспедиции, организованной для сопровождения военной дивизии на Эльбрус. Кавказ в то время был с ботанической точки зрения изучен довольно плохо.

После того как эта экспедиция успешно закончила свою работу, Академия наук снабдила Мейера средствами, необходимыми для продолжения его исследований, которые ранее ограничивались западными берегами Каспийского моря и некоторыми высокогорными пунктами, такими как Казбек, Шахдан, Тузундак и хребет Талыш. Учёный получил возможность распространить свои ботанические изыскания до границы с Персией.

Мейеру пришлось работать в краях, где в то время свирепствовала холера, но это не помешало ему добросовестно изучить флору Кавказа и западного побережья Каспийского моря. Он первым приводит для этой области две тысячи видов растений, значительное количество которых были совсем новыми. В 1831 году Мейер был принят в число членов–корреспондентов Императорской Академии наук и назначен помощником директора Императорского ботанического сада в Петербурге к знаменитому Ф.Б. Фишеру.

Принимая участие в описании ботанических сборов, сделанных многими известными путешественниками на территории нашей страны, он тем самым оказывал большое влияние на развитие отечественной ботаники.

В сотрудничестве с Фишером Мейер обработал коллекции, собранные в Восточной Казахской степи А.И. Шренком. В 1845 году Мейер был избран в действительные члены Императорской Академии наук, а в 1851 году получил назначение на должность директора ботанического сада в Петербурге, который он вскоре обогатил редкостными диковинными растениями. Культивировавшиеся здесь новые виды распределялись затем по загородным садам. Сад был снабжен бассейном для водяных растений, в котором росла гигантская виктория амазонская, привлекавшая массу посетителей. На этой должности Карл Андреевич Мейер оставался до самой кончины, последовавшей в 1855 году.



Анабазис солончаковый — Anabasia salsa (C.A. Meyer) Benth. ex Volkens

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Занятие ботаникой — удивительное дело. Кажется, вот она — трава, одинаковая в своей зелени. Разве что выглядывают из общей массы белые «ромашки», да внизу розовеют головки «кашки». А если присмотреться — всё разное! И листья, и стебли, и цветы, и плоды. И каждое — чудо совершенства. А есть люди, которые испытывают радость встречи с незнакомыми травами всю

жизнь. Одни их жалеют, поскольку ни чинов, ни денег эта работа, как правило, не приносит; другие завидуют их счастью всегда видеть новое. А большинство просто и не знает, что есть такая наука ботаника, уходящая своими корнями в такие древние года, что и подумать страшно. Ибо для первочеловека первостепенным было обретение знаний о том, что его окружало — растительного мира. И всегда были люди, которые знали больше других. Они передавали свои знания ученикам. Эстафета передачи знаний продолжается и сейчас, и будет продолжаться вечно, и никогда не прервется арабеска из тонких линий судеб ботаников, сплетающихся в один бесконечный орнамент науки.

В этой книге мы увидели только фрагмент арабесок, которые относятся к развитию ботанических знаний о Сибири с XVIII и до середины XIX веков. Но после этого история ботанических судеб не заканчивается. Во второй половине XIX века её героями становятся Порфирий Никитич Крылов и С.И. Коржинский.

П.Н. Крылов — родоначальник сибирской ботаники, точно так же как Владимир Владимирович Сапожников — родоначальник сибирской географии. Крылов создал не только один из крупнейших сибирских Гербариев, содержащий более 500 тысяч образцов растений, в том числе 224 типовых таксонов, но он воспитал целую плеяду учеников, которые продолжили его дело ботанического изучения Сибири. Среди них Л.П. Сергиевская, Г.П. Сумневич, Б.К. Шишкин, В.С. Титов, В.В. Ревердатто, Н.М. Мартьянов, В.И. Верещагин. А сколько славных ботанических имен появилось в XX веке: А.В. Куминова, Л.М. Черепнин, А.В. Положий, И.Ю. Коропачинский, Л.И. Малышев, М.Г. Попов, И.М. Красноборов, Г.А.Пешкова, В.П. Седельников, А.С. Ревушкин, А.И. Пяк, А.Л. Эбель, М.В. Олонова, И.И. Гуреева и многие, многие другие.

А это значит, что арабеска ботаники не закончена, всё новые и новые судьбы ботаников вплетаются в её фантастический узор.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров Е.Г. Карл Линней. Л., 1979. 283 с.

Божерянов И.Н. Граф Е.Ф. Канкрин. СПб., 1897.

Бородаев В. Б., Контаев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. 329 с.

Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. Красноярск, 1990. 300 с.

Гумбольдт А. Центральная Азия. М., 1915. 350 с.

Гумбольдт А. Картины природы. М., 1959. 260 с.

Гумбольдт А. География растений. М.–Л., 1936. 217 с.

Зеленецкий Н.М. Пётр Симон Паллас. Его жизнь, научная деятельность и роль в изучении растительности России. Одесса, 1916. 70 с.

Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Том I. Полный перевод с английского. СПб.: Изд. Салтыкова, 1906. (London, 1891)

Лебедев Е.Н. М.В. Ломоносов. М.: Мол. Гвардия, 1990. 602 с.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской каргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. 403 с.

Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Вып. 1. СПб, 1913. 375 с.

Липшиц С.Ю. Жизнь и творчество замечательного русского ботаника–систематика Н.С. Турчанинова (1796–1864) //Бот. ж. 1964. Т. 49. № 5. С. 752–766.

Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Очерк становления первого сибирского университета — центра науки, образования, культуры. Томск., 1993. 93 с.

Мангус В. Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890. 488 с.

Манойленко К.В. Степан Петрович Крашенинников (1711–1755): путешественник, ботаник, просветитель. //Бот. ж. 1998. Т. 83. № 6. С. 140–148.

Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб, 1870. Т.1. 775 с.

Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. 208 с.

Путешествие барона А. Гумбольдта, Эренберга и Розе по Сибири и Каспийскому морю. СПб., 1857. 179 с.

Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман. Л., 1971. 265 с.

Рондо Н. Письма дамы прожившей несколько лет в России, к её приятельнице в Англию. В кн.: Безвременье и временщики. М., 1996. С. 192–253.

С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.–Л., 1966.

Сытина А.К. Пётр Симон Паллас — ботаник. М., 1997. 338 с.

Труды архива АН СССР. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII–XIX веках. Вып. 4. М.–Л., 1940. 309 с.

Фиккер Т. Доктор Август Геблер, врач и исследователь Алтая. /Пер. с нем. Л. Малиновского. Jahrbuch des Museums Hohenleuben–Reichenfels, Heft 14/15 (119/120) Bericht der ganzen Reihe), Hohenleuben, 1967–1968. S. 47–107.

Фрадкин Н.Г. С.П. Крашенинников М., 1974. 59 с.

Черкасова А.С., Мосин А.Г., Повловский А.Г. Демидовы. Родословная роспись. Екатеринбург, 1992. 39 с.

Южаков М.И. Шихтмайстер Иван Иванович Ползунов и его паровая машина //Известия Томского технологического института. Т. 4. Томск, 1907. С. 1–90.

Юркин И.Н. Демидовы. М., 2001. 331 с.

Gmelin Johann Ceorg. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Teil. Guttingen, 1751. S. 259–263.

Куприянов Андрей Николаевич
АРАБЕСКИ БОТАНИКИ

Редактор *Юрий Манаков*
Художники *Ольга Помыткина, Алексей Гребенюк, Лидия Лысенко*

Технический редактор *Сергей Скобликов*

Корректор *С.А. Мазаева*

В работе над книгой участвовали *Ксения Манакова, Дмитрий Чусовлянов, Ольга Куприянова*

Издательская группа «Мастерской Аз»,
г. Кемерово, ул. Мичурина, 13-а.

notes

Примечания

1

Только у ботаников есть право увековечивать своих великих представителей в названиях растений.

2

Минус 120 градусов по Фаренгейту, это примерно -49 градусов по шкале Цельсия. Но она будет изобретена только через 7 лет - прим. редактора оцифровки.

3

Архиепископ Феофан (в миру Елеазар Прокопович; 8 (18) июня 1681, Киев — 8 (19) сентября 1736, Санкт-Петербург) — епископ Православной Российской Церкви; с 25 июня 1725 года архиепископ Новгородский. С 25 января 1721 года — первый вице-президент Святейшего Синода (и по смерти Стефана Яворского — его фактический руководитель), с 15 июля 1726 года — первенствующий член Синода. Проповедник и государственный деятель, публицист, поэт, сподвижник Петра I.

4

Достаточно вспомнить влияние при дворе Лестока, лейб–медика Елизаветы

5

“На промедление Стеллеровых целебных растений” (лат.)

6

Крашенинников был лишь на два года моложе Стеллера.

Следует отметить, что это был первый по времени серьёзный очерк по отечественной этноботанике.

8

Делами славу умножай (лат.)

9

На надгробном камне написано: здесь покоится Пётр Симон Паллас — академик Берлинский и Санкт–Петербургский, многие земли посетивший, чтобы природные свойства узнать. Берлинскую и Санкт–Петербургскую Академии объединивший.

10

«Растения тропиков»

11

Дерпт — официальное название города в 1224—1893; в 1893—1912 — Юрьев; с 1919 — Тарту

12

О времена, о нравы (лат.)

13

с 1941 по 2002 — г. Лениногорск, в настоящее время — снова Риддер